

Д. П. Бутурлин

История

нашествия
императора
Наполеона
на Россию
в 1812 году

Военные мемуары (Кучково поле)

Дмитрий Бутурлин

**История нашествия императора
Наполеона на Россию в 1812 году**

«Кучково поле»

1837

УДК 94
ББК 63.3(2)47

Бутурлин Д. П.

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году
/ Д. П. Бутурлин — «Кучково поле», 1837 — (Военные мемуары
(Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0212-3

Одно из первых описаний Отечественной войны 1812 года, созданное русским историком, участником боевых действий, Его Императорского Величества флигель-адъютантом, генерал-майором Д. Бутурлиным (1790–1849). В распоряжение автора были предоставлены все возможные русские и французские документы, что позволило ему создать труд, фактический материал которого имеет огромную ценность для исследователей и сегодня. Написан на французском языке, в 1837 году переведен на русский язык. Для широкого круга любителей истории 1812 года и наполеоновских войн.

УДК 94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0212-3

© Бутурлин Д. П., 1837
© Кучково поле, 1837

Содержание

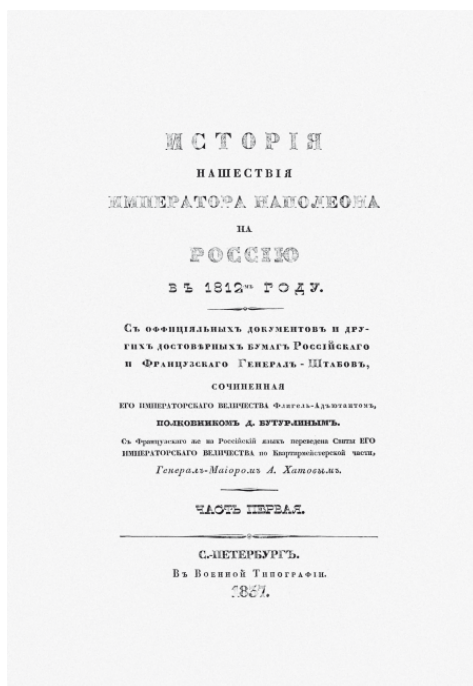
Часть первая	6
Предупреждение	7
Предупреждение	8
Глава I	9
Глава II	36
Глава III	70
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Дмитрий Петрович Бутурлин

История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Часть первая

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

Переложив на отечественный язык историю нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году, я приемлю смелость повергнуть труд сей к стопам Вашего Императорского Величества как первого виновника блистательных успехов, ознаменовавших сию достопамятную в летописях мира войну, только прославившую оружие Вашего Императорского Величества и подготовившую падение Наполеона.

Счастливым сочту себя, если труд сей, для распространения военных познаний предпринятый, удостоится милости воззрения Вашего.

Всемилоостивейший государь!

Вашего Императорского Величества
верноподданный Александр Хатов,
квартирмейстерской части генерал-майор

Предуведомление от сочинителя

История похода 1812 года еще не была написана. Всё, досель появившееся в Европе по сему предмету, или неполно, или несправедливо. Сочинитель, уверившись в сей истине, не упустил ничего для соделания труда своего в вышней степени достоверным. Будучи очевидцем большей части происшествий, им описываемых, он имел еще возможность почерпать в архиве генерал-квартирмейстера главного штаба Его Императорского Величества. Официальные документы Российской армии, равно и неприятельские, по участи войны доставшиеся россиянам, составляют драгоценный источник, из коего почерпая с величайшим тщанием и разборчивостью, он чрез то мог устранить все частные описания, почти всегда с пристрастием и уже после событий составленные.

Сочинитель знал трудность своего предприятия. Нелегко написать современную историю. Человек, не умеющий поступать противно совести своей, неминуемо должен подвергнуться негодованию оскорбленного честолюбия и ненависти духа партий, коих пристрастные суждения не могут быть подтверждены историей. Гордясь тем, что писал сходно с собственным убеждением, он ищет одобрения только людей благородно беспристрастных, но не тех, кои правду считают обидной или преступлением. При всем том он не имеет смешанного высокомерия воображать, чтобы не мог погрешить в суждениях своих, и с признательностью примет все замечания, которые благоугодно будет сделать ему для пользы военной науки.

Еще остается ему изъявить сожаление свое, что не мог поместить в сей книге частных подвигов, без всякого сомнения величайшей похвалы достойных, но которые непременно затмились бы между великими и важными происшествиями, в ней описанными. Военная история не занимается лицами, но одними событиями и следствиями оных. Для сего есть записки и собрания анекдотов, коими принадлежит соделать частные подвиги известными обществу, почему сочинитель и надеется, что благоволившие сообщить ему сведения по сему предмету прогневаются, что он не воспользовался оными.

Предуведомление от издателя

Убежденный в достоинстве книги, по содержанию своему долженствующей быть занимательной для каждого русского, а по беспристрастным и на истинных правилах стратегии основанным суждениям об ошибках, с обеих противных сторон сделанных в знаменитый поход 1812 года, могущей быть весьма поучительной и, следовательно, полезной для занимающихся военной наукой, издатель переложил ее на отечественный язык для тех, кои не могут пользоваться подлинником, и составил к ней карты и план, без коих было бы затруднительно следовать за ходом военных действий и вникать в суждения, сделанные сочинителем.

Читатель не должен искать здесь ни красоты, ни утонченной правильности слога, переводчик – солдат, а солдат довольно хорошо объясняется, если товарищи его понимают. Взамен он найдет в переводе точный смысл подлинника, без малейшей перемены.

Сочинитель долгом счел выпустить многие подробности, полагая, что историю его читать будут более иностранцы, для коих они действительно показались бы утомительными, тем более что растянули бы повествование, ничего не прибавив к существу дела. Напротив того, издатель думает, что сказанные подробности могут быть занимательны для русских, а потому и решился некоторые из них прибавить в виде примечаний, помещенных внизу страницы¹. Впрочем, сии подробности извлечены из достоверных документов и особенно из журнала, во время войны веденного генерал-квартирмейстером Толем.

¹ Примечания переводчика и сочинителя в сносках помечены соответственно. Сноски, не имеющие указаний авторства, принадлежат редактору 1-го издания (*прим. ред. 2-го изд.*).

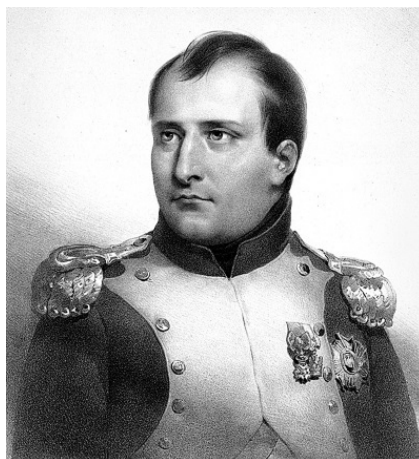
Глава I

Взгляд на политические сношения России с Францией со времени Люневильского мира до войны 1812 года. – Изложение причин, произведших сей последний разрыв.

События, ознаменовавшие конец XVIII столетия, совершенно переменили отношения держав и ниспровергнули всю прежнюю политическую систему Европы.

В то время, когда раздел Польши переменил вид восточной части Европы, увеличивая могущество трех дворов, разделивших оную, Франция, возрожденная революцией, приняла направление, которого не могли остановить две коалиции, следовавшие одна за другой. Необходимость удержать распространение правил, всякому порядку противных, которые были отличительным свойством французских революционеров, была побудительной причиной вооружения Австрии и ее союзников, но победы французов и несогласие, водворившееся между союзниками, разрушили обе коалиции, и Австрия, принужденная заключить мир, подписала Люневильский трактат, к коему впоследствии приступили и прочие державы твердой земли, еще не примирившиеся с Францией. Даже сама Англия, увлеченная общим примером, уклонилась на время от системы Питта и подписала Амиенский трактат, довершивший успокоение Европы.

Казалось, что сей мир долженствовал быть прочным. С одной стороны, расширение пределов Франции, признанное Люневильским трактатом, заменяло для сей державы важные приобретения, сделанные Россией, Австрией и Пруссией на счета Польши. С другой, возвышение Бонапарте на степень первого консула, утвердившее наконец внутреннее правительство во Франции, достаточно обнадеживало Европу в уничтожении революционных правил. Можно было надеяться, что Бонапарте, довольный высоким достоинством своим, будет помышлять только об успокоении Франции под сенью лавров, им пожатых, и даст ей время изгладить глубокие раны, причиненные революцией всему составу государства. Но только миролюбивые расположения совсем несовместны были с личным нравом начальника французского правительства. Необыкновенный человек сей, один из величайших полководцев всех времен, присоединил к превосходным военным дарованиям искусство редкое и важное – управлять умами и всегда подчинять их непреклонной воле своей. Удачно пользуясь счастливым течением обстоятельств, в которые судьба привела его, он сам поставил себя преемником революции и захватил верховную власть столь мощной рукой, что противники общественного порядка принуждены были умолкнуть. Один он, устояв на развалинах партий, раздиравших Францию, восстановил общественное здание, которое мятежливые и не терпящие начальства люди успели ниспровергнуть. Уже вся Франция, возвращенная к миру и спокойствию, благословляла имя его и изъявляла должную признательность за все благодеяния, твердым правлением его на нее излитые. Европа удивлялась ему и считала его поборником справедливости и доброго порядка. Но сии мечты благоденствия недолго существовали. Все великие качества, коими Бонапарте одарен был, затмевались неограниченным и ненасытным честолюбием, наполнившим его сердце. Единственная страсть сия управляла всеми поступками и помышлениями его, и ей подчинял он все свои деяния. Не довольствуясь каждой степенью возвышения, им достигнутой, он почитал ее только ступенью, служащей к большему еще возвышению. Малоразборчивый в средствах, он употреблял и и зло без различия: в начале политического поприща своего он сделал много добра единственно потому, что сей путь прямее вел к его цели – на прочном основании утвердить власть свою внутри Франции, но достигнув сего, он принял иные меры.

Наполеон I
(1769–1821)

Объяв оком гения политическое положение Франции и ее отношение к другим державам, он скоро заметил, что она была могущественнее того, какой желали и думали оставить ее державы, договаривавшиеся с ней в Люневиле. Правда, что республики Батавская, Гельветическая, Цизальпинская и Лигурийская составляли владения, не зависящие от Франции, но независимость сия была только мнимая. Находясь под непосредственным влиянием сей последней, они как верные спутники слепо следовали политической ее системе. Вскоре Европа дорого заплатила за ошибку свою, что упустила взять надежные поручительства в действительной независимости сих республик. Бонапарте почувствовал, что, имея в распоряжении своем почти 50 миллионов жителей, он безбоязненно может исполнять все замыслы, внушаемые ему предприимчивым и беспокойным духом, для увеличения своего могущества и овладения общественным мнением – торжество, которого он более всего домогался.

Первое старание его было закрепить оковы, привязывавшие Цизальпинскую республику к Франции. И он совершенно успел в том, приказав избрать себя в председатели сей республики, которой дал честолюбивое наименование Итальянской. Другая республика, Гельветическая (Швейцария), раздираемая внутренними смятениями, принуждена была признать его в качества посредника и принять от него конституцию, отвергаемую мнением большей части народа. Незадолго пред тем Пиемонт, окончательно присоединенный к Франции, умножил число ее департаментов. Поелику со времени Люневильского мира Пиемонт оставался под управлением Франции, то присоединение сие едва было бы примечено, если б оное не обнаружило честолюбие Бонапарте, ибо, перенеся пределы республики за Альпийские горы, он поступил вопреки объявлению, сделанному Францией, что она никогда не преступит естественных пределов, начертанных ей рекой Рейном и хребтами Альпийских и Пиренейских гор.

Александр I
(1777–1825)

Европа с удивлением и беспокойством взирала на сии перемены, столь явно нарушавшие Люневильский трактат, однако потребность мира и изнеможение от войны были столь велики, что она довольствовалась одним роптанием, и Англия, в то время опять возвратившаяся к системе, более сообразной с тогдашними ее пользами, не могла найти себе союзников. Поступки Бонапарте вскоре доставили ей оных.

Объявление войны со стороны Англии послужило первому консулу предлогом к новым насилиям. Ганновер, имевший правление, совсем отделенное от английского, никогда не почитался обязанным отвечать за сию последнюю державу. Даже революционное правитель-

ство французское уважало сие различие, основанное на самых неоспоримых началах народного права. Несмотря на сие, Бонапарте занял курфюршество Ганноверское, не уважив при том ни германской конституции, ни посредничества берлинского и петербургского кабинетов, ручавшихся за неприкосновенность оной. В то же время другая Французская армия вступила во владения короля Неаполитанского, который тщетно прибегал к своему нейтралитету. Наконец, посягательство на особу герцога Ангийенского, сделанное вопреки владельческих прав одного из князей империи, совершено и пред глазами всех обнаружило всю обширность того самовластия, которое Бонапарте хотел присвоить себе над соседственными владениями. Тогда первенствующие державы европейские изъявили негодование свое, и Россия вступила в состязание.

Император Александр, вступив на престол всероссийский, с искренностью и прямодушием старался утвердить дружеские сношения между Россией и Францией, коим император Павел положил первое основание. Александр полагал, что тесная связь между сими двумя державами поддержит и сделает прочным мир на твердой земле. В делах Германии действительно все устроилось согласно с великодушными видами российского императора, но в итальянских делах сент-клюдский кабинет поступал самопроизвольно и постоянно устранял посредничество петербургского двора, следствием чего и было приметное охлаждение между обоими кабинетами, которое от насильственного занятия Ганновера и неаполитанских владений, естественно, долженствовало еще более увеличиться. При всем том Россия еще колебалась явно объявить себя против Франции, но убийство герцога Ангийенского прекратило ее нерешимость в выборе политической системы, которой надлежало ей следовать. Император Александр для чести своего престола и для безопасности Европы не мог долее оставаться в союзе с правительством, учинившим столь неслыханное злодеяние.

Тогда Питт, снова принявший кормило правления в Англии и с нетерпением выжидавший случая составить против Франции новую коалицию, сильнейшую двух прежних, достигнул верха своих желаний. Россия, негодующая на несправедливые поступки Бонапарте, решилась уже силой оружия привести в надлежащие пределы то чрезмерное могущество, которое он столько во зло употреблял. Австрия, всех более сим могуществом угрожаемая, равномерно чувствовала необходимость силой отразить опасные похищения Франции. Новая коалиция могла еще полагаться на вспомоществования Швеции и короля Неаполитанского. Британское министерство не отчаивалось убедить также и берлинский кабинет ко вступлению в сей великий союз, но не успело в том: король Прусский не решился отступить от нейтральной системы своей, ибо полагал, что на ней основано уважение, коим кабинет его пользовался в Европе.

Коалиция готовилась уже обнаружиться, однако же император Александр не хотел начинать войны, не истощив сперва всех кротких средств, совместных с его достоинством. Государь сделал последний опыт для получения от Наполеона справедливого удовлетворения на требование России и для того приказал Г. Новосильцову отправиться в Париж, но сей принужден был остановиться в Берлине, поелику новые перемены, происшедшие в Италии, уничтожили последнюю надежду к примирению с Францией. Бонапарте не только не думал отвращать грозу, на него собиравшуюся, но, казалось, еще старался, чтобы она скорее разразилась. К титулу императора Французского присовокупил он титул короля Итальянского и, отправившись в новое королевство свое, еще присоединил к Франции Лигурию и пармские владения, а княжество Лукку отдал шурина своему Бачиокки. Новые сии похищения становились тем оскорбительнейшими, что сделаны были в то самое время, когда Европа оспаривала еще у него законность прежних его присоединений. Союзные державы поспешили к оружию.

Австрия выставила три армии, из коих одна двинулась в Италию, другая – в Тироль, а третья – в Баварию. Сия последняя долженствовала быть усилена россиянами, вступившими уже в Галицию. Один корпус российских войск сделал высадку в Померанию и должен был войти в Ганновер вместе со шведами и англичанами. С другой стороны, российские и английские

войска перевезены были в Королевство Неаполитанское, которое французы оставили, дабы сосредоточить силы свои на австрийских границах.

Битва под Аустерлицем 2 декабря 1805 г.

Поход сей соделался несчастливым для союзников по многим причинам: во-первых, страх, внушаемый именем Бонапарте, подействовал на Баварию, и Баварская армия присоединилась к Французской. Баден и Виртемберг последовали сему примеру. Пруссия колебалась. От сего произошло, что Австрийская армия в Германии должна была одна выдержать нападение превосходных сил Бонапарте, против нее обращенных, и сия армия, управляемая или невежеством, или изменой, была уничтожена как бы ударом волшебного жезла. Наконец, россияне, соединившиеся с остатками австрийцев, претерпели поражение под Аустерлицем.

Несмотря на то, дела союзников, может быть, находились еще не в отчаянном положении. С одной стороны, новая российская армия приближалась на подкрепление к разбитой. С другой – эрцгерцог Карл и Иоанн могли скоро приспеть с 80 000 австрийцев, выведенных из Италии и Тироля. К тому же Бонапарте во время действий своих против австрийцев нарушил нейтралитет прусских пределов. Оскорбленный сим кабинет берлинский наконец приступил к коалиции, и прусские войска готовы были уже двинуться в тыл Французской армии, которая, зайдя в средину австрийских владений, недовольно обезопасила свой путь действий. Итак, кажется, что в сих обстоятельствах нетрудно было вознаградить поражение, претерпленное под Аустерлицем, но провидение иначе определило. Пагубное уныние скрыло от австрийских министров способы, которые еще у них оставались, и они заключили сперва перемирие, а вскоре засим и мирный трактат, подписанный в Петербурге. Австрия лишилась около трех миллионов жителей, которых Бонапарте в намерении блеснуть бескорытием роздал союзникам Франции, и именно: Королевству Итальянскому, курфюрстам Баденскому, Виртембергскому и Баварскому, из коих последние двое получили к тому еще титул короля. Однако и при сем разделе завоеваний Бонапарте не забыл большую часть оных назначить Королевству Итальянскому, коего корона самому ему принадлежала.

В то время судьба, казалось, столько преследовала союзников, что даже личная ошибка одного человека вдруг переменяла политику Пруссии. Фридрих Вильгельм, король Прусский, послал к Бонапарте графа Гаугвица с тем, дабы склонить его к справедливому примирению с воюющими державами и объявить ему, что в случае отказа с его стороны Пруссия принуждена будет действовать заодно с союзниками. Вместо того прусский министр, утраченный бедствиями, постигнувшими сих последних, и угрозами Бонапарте, почел за лучшее подписать трактат, в коем, непростительным образом во зло употребляя данное ему полномочие, отдал в распоряжение Бонапарте княжества Аншпахское, Нефшательское, герцогства Клевское и Берг-

ское взамен Ганновера, присоединенного к Пруссии. Таким образом посольство графа Гаугвица, долженствовавшее быть неприязненным в рассуждении Франции, кончилось ко вреду того государства, коего Пруссия предприняла защиту, и еще более скрепило дружественную связь, перед тем существовавшую между берлинским и тюльерийским кабинетами. Король Пруссии неблагоприятным поступком своего производителя переговоров приведен был в столь затруднительное положение, что ему оставалось на выбор – или немедленно учинить разрыв с Францией, или подтвердить договор, графом Гаугвицем заключенный. И он принужден был решиться на последнее. Бонапарте отдал княжество Нефшательское маршалу Бертье, герцогства Клевское и Бергское – шурина своему маршалу Мюрату, а княжество Аншпахское послужило к распространению владений короля Баварского, которого Бонапарте умышленно осыпал благодеяниями, дабы показать всем, сколь высоко надлежало ценить союз его.

Из всех великих держав твердой земли одна только Россия не договаривалась с Францией. Император Александр не изъявил согласия своего на перемирие, заключенное австрийцами после битвы Аустерлицкой, однако, уступая просьбам императора Франца, вывел войска свои из австрийских владений. В таковых обстоятельствах его величество рассудил, что ему оставалось только сберечь силы свои до другого, удобнейшего времени. Вследствие сего возвратил он также войска свои, находившиеся в Ганновере и сделавшие высадку в Неаполь, ибо очевидно было, что сии два корпуса, оставшись против неприятеля, чрез то подверглись бы неизбежной гибели без всякой пользы для общего дела.

Король Неаполитанский нашелся в самом опасном положении. Англичане сели на суда еще до отъезда россиян. Неаполитанская армия не в силах была противостоять французской, приближавшейся к Неаполю, а между тем Бонапарте торжественно объявил, что поколение Бурбонов перестало царствовать в Неаполе. Фердинанду IV оставалось только спасаться бегством, и он нашел себе убежище на Сицилии.

Бонапарте, заняв Королевство Неаполитанское, отдал его брату своему Иосифу. Он начал окружать империю свою престолами, занимаемыми государями его фамилии. Сие было следствием *союзной системы*, им вымышленной, с помощью коей располагал он постепенно поработить себе все державы твердой земли. За возвышением Иосифа Бонапарте последовало возведение на престол другого брата его – Людовика. Республика Голландская, преобразованная в королевство, принуждена была признать его государем своим.

Германия также не замедлила почувствовать действие новой союзной системы. Древняя Империя Германская была разрушена, и из частей оной составилсЯ Рейнский союз, который, признав Бонапарте покровителем своим, существенно отдался в его опеку. Союз сей первоначально составлен был из королей Баварского и Виртенбергского, курфюрста Баденского, архиканцлера, герцога Бергского и Клевского, ландграфа Гессен-Дармштатского, князей Нассау-Узингена и Вейльбурга, Гогенцоллерн-Гешингена и Зигмарингена, Сальм-Сальма, Сальм-Кирбурга и Изенбурга, герцога Аренберга и графа Лейена. Вскоре потом приступил к нему также и курфюрст Вирцбургский. Император Франц принужден был признать законной сию новую несправедливость и потому, отказавшись от короны Империи Римской, удержал только титул императора Австрийского. Князья германские, не вступившие в Рейнский союз, получили полную независимость, которой, однако, не позволили им пользоваться долгое время.

Прежде, нежели сделалось известным в Европе сие важное происшествие, предавшее Германию во власть Бонапарте, можно было еще несколько надеяться, что спокойствие возвращено будет просвещенной части мира. Смерть похитила у Англии великого министра, управлявшего ею. Воспоследовала перемена в министерстве, и знаменитейший член оппозиции (стороня, противной министерству) Фокс получил управление Департаментом иностранных дел. Новый министр, дотоле постоянно объявлявший себя против войны, по необходимости должен был стараться о сближении сент-жамесского и тюльерийского кабинетов. Для сего нача-

лись переговоры, но ход оных с самого начала замедлен был отказом Англии трактовать без соучастия союзника своего – России.

Император Александр, желая не допустить Францию представлять его единым препятствием в заключении мира, отвратил помянутое затруднение, послав в Париж со своей стороны Г. Убри для непосредственных переговоров с Францией. Российский поверенный, пораженный опасностью, которой присутствие французских войск в Германии угрожало Австрии, долгом почел согласиться на величайшие пожертвования для спасения сей монархии, сохранение коей было столь важно для поддержания политической системы в Европе. Преступив меру данного ему полномочия, он поспешил заключить трактат, по коему взамен простого обещания возратить за Рейн французские войска согласился признать законными все предыдущие похищения Бонапарте, не истребовав даже никакого поручительства против возобновления подобных похищений. Он согласился даже отдать Сицилию королю, постановленному Бонапарте в Неаполе, а в вознаграждение за сию уступку Фердинанд IV должен был получить острова Балеарские. Император Александр отказался подтвердить сей договор, который, кроме других неудобств, представляемых оным, столь явно нарушал пользы его союзника. Переговоры с Англией равномерно остались без успеха. Бонапарте соглашался возратить королю Английскому Ганновер и оставить за англичанами остров Мальту и мыс Доброй Надежды, но не хотел отказаться от требований своих на Сицилию, а кабинет сент-жамесский тем не менее мог удовлетворить оные, на что российский император, от пользы коего он не хотел отдалять своих выгод, объявил, что не согласится ни на какое примирение, доколь обладание Сицилией не будет утверждено за Фердинандом IV. Воспоследовавшие между тем смерть Фокса и неприятельские приготовления Пруссии против Франции ускорили разрыв сих переговоров.

Бонапарте, принудив Пруссию взять Ганновер, успел посорить сию державу с Англией и отдалить ее от политической системы Европы. Тогда, видя ее без союзников, а следовательно, и без подпоры, он почел за лишнее наблюдать осторожность в сношениях своих с нею и принял голос столь повелительный и наглый, что привел тем в негодование кабинет берлинский. Предложение возратить королю Английскому Ганновер, которое Бонапарте сделал без всякого затруднения, и учреждение Рейнского союза, испровергнувшее Римскую империю, о коем он даже не удостоил предуведомить Пруссию, хотя она составляла часть сей империи, были сугубым оскорблением, открывшим наконец глаза прусскому министерству.

Тогда усмотрело оно в полной мере опасность, угрожавшую королевству, и необходимость отвратить ее оружием. Решимость его в сем случае была даже слишком поспешна. Правда, что разрыв с Францией неминуемо доставлял Пруссии двух сильных союзников – Россию и Англию, но союзники сии, не будучи предварены о столь внезапной перемене в расположениях берлинского кабинета, не были еще в готовности поддержать его надлежащим образом. От сего последовало, что в самом начале войны Пруссия могла надеяться только на союз, почти приневоленный, курфюрста Саксонского. С такой-то слабой помощью Прусская армия вступила в борьбу с огромными силами Франции, умноженными еще присоединением войск государей Рейнского союза.

Поход 1806 года был кратковременен, но решителен и пагубен для Пруссии. Несчастное сражение под Иеной одним ударом превратило в прах все способы сего государства. Прусская армия была истреблена, и лучшие крепости преданы неприятелю самой подлой изменой. Королю Прусскому после тщетных покушений получить мир осталось только прибегнуть под защиту России, не успевшей еще выступить из пределов своего государства.

Курфюрст Саксонский поспешил принести покорность свою победителю. Бонапарте простил ему связь его с Пруссией, однако с условием, чтобы приступил к Рейнскому союзу, и он занял место между государями сего союза с титулом короля. Герцоги Саксонские, дома Ангальтский и Рейсский и князья Шварцбург-Рудольфштат, Шварцбург-Зондергаузен, Балдек и Липп также вступили в союз.

Курфюрст Геассенский не был так счастлив, как курфюрст Саксонский. Государь сей, всегда державшийся прусской системы, в сию последнюю войну объявил себя нейтральным, однако Бонапарте не уважил сего нейтралитета, утверждая, что оный был притворен. Курфюрст изгнан был из Касселя, и французы заняли его земли. Владения герцогов Брауншвейгского и Ольденбургского, Мекленбург и вольные города ганзейские испытали ту же участь.

Император Александр приготавливал вооружения свои в том только предположении, чтобы в случае надобности поддержать Австрию или Пруссию. Вместо того неожиданное падение сей последней державы принудило его печься о безопасности собственных пределов, к коим Французская армия направляла торжественное шествие свое. К несчастью, в то время дух согласия и собратства, долженствовавший некогда низложить исполинское могущество Наполеона, не одушевлял еще все дворы, выгода коих требовала противоборствовать оному, и Австрия осталась спокойной зрительницей в сем важном обстоятельстве.

Битва при Фридланде 14 июня 1807 г.

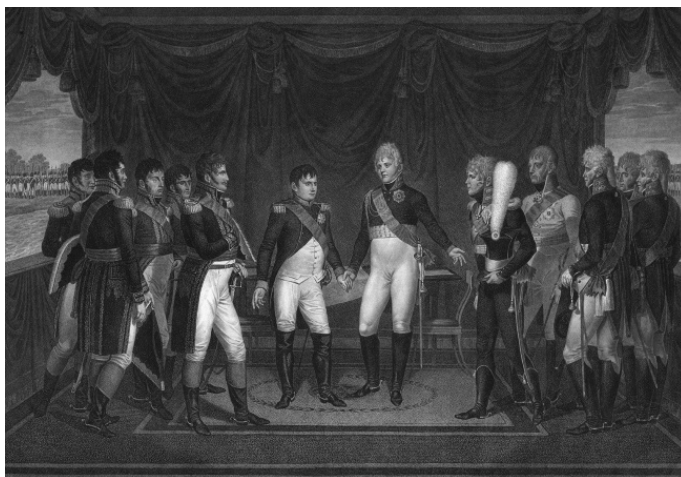
Затруднительность положения России увеличена была еще войной, недавно возгоревшейся между нею и Портой Оттоманской. Бонапарте происками своими в Константинополе заставил диван забыть нашествие свое на Египет, столь оскорбительное для Порты, и возобновить прежние дружественные связи с Францией. Посланник Бонапарте в Константинополе, не довольствуясь одним поддержанием сих связей, успел даже поставить диван против России: искусно воспользовавшись трактатом, заключенным Г. Убри в Париже, уверил он турок, что император Александр для того только отказался подтвердить сей трактат, что одной из статей оного утверждалась неприкосновенность владений Порты. От сего произошло приметное охлаждение в сношениях Порты с Россией, которое вскоре превратилось в совершенную распрю, ибо диван начал делать требования, совершенно противные содержанию существующих трактатов. Император Александр, предвидя, что война должна быть неминуемым следствием такового несогласия, долгом почел отдалить театр оной от собственных пределов и, дабы предупредить приготовления турок, приказал одной армии российской занять Молдавию и Валахию.

Между тем, несмотря на развлечение, делаемое сей новой войной в вооружениях россиян против Бонапарте, и на слабую помощь, которую доставляло им присоединение остатков Прусской армии, едва из 20 000 человек состоявшей, Российская армия в продолжение шести месяцев со славою выдерживала трудную борьбу с превосходными в числе силами французов. Победа колебалась до несчастного сражения под Фридландом, которое утвердило за неприятелем успех сего похода.

Александр, угрожаемый неприятельским нашествием на собственные владения свои, должен был помышлять о безопасности оных. Австрия не трогалась. Пруссия уже не суще-

ствовала. Шведы, слишком слабые, чтобы подать какую-нибудь помощь союзникам своим, сами с трудом держались в Стральзунде. Англия, равномерно находившаяся в затруднительных обстоятельствах, казалось, не расположена была вести войну с деятельностью. В таком положении дел спасение Европы сделалось невозможным, и император Александр, продолжив войну, только бы пожертвовал кровью храбрых войск своих без всякой пользы. Единственная цель, которую государь мог еще иметь в виду, состояла в том, чтобы хоть отчасти восстановить Пруссию, но и сего нельзя было с верным успехом достигнуть иначе, как посредством тесного союза между Россией и Францией. Надлежало предполагать, что Бонапарте в возмездие за честь быть признанным в достоинстве императора единственным государем твердой земли, дотоль отказывавшей ему в сем титуле, смягчит условия, которые будет предписывать Пруссии. И таковые причины побудили российского императора согласиться на сближение, предложенное неприятелем.

Достопамятное свидание между императором Александром и Бонапарте, на плоту среди реки Неман воспоследовавшее, дало новое направление политике и переменяло положение Европы, а последствием оного был мирный трактат, в Тильзите подписанный.

Встреча Александра I с Наполеоном на Немане

Мир сей долженствовал быть тягостным для Пруссии, однако ходатайством императора Александра возвращены ей были все области ее от реки Эльбы до Немана, кроме города Данцига, объявленного независимым, и большей половины тех областей, которые 1 января 1772 года составляли часть бывшей Польши. Сии последние, переименованные в Герцогство Варшавское, составили независимое владение под правлением короля Саксонского. Прусские области, по левую сторону реки Эльбы лежащие, купно с владениями Брауншвейгскими и Гессен-Кассельскими, составили новое королевство, названное Вестфальским, которое и отдано было Иерониму Бонапарте, брату Наполеона.

Россия уступила Голландии землю Еверскую, а взамен получила Белостокский округ, отделенный от земель, назначенных к составлению Герцогства Варшавского. Сверх того, император Российский обязался вывести войска свои из Молдавии и Валахии и принять посредничество Франции для окончания распрей своих с Портой Оттоманской. Александр, со своей стороны, равномерно должен был предложить посредничество свое Англии, и если бы кабинет сент-жамесский отказался заключить мир, основанный на свободе мореплавания, в таком случае Россия обязывалась действовать заодно с Францией и с общего согласия требовать от Швеции, Дании и Португалии, дабы, приняв их систему, заперли англичанам все гавани свои. Наконец, одной из статей трактата положено было условие восстановить герцогов Саксон-Кобургского, Мекленбургского и Ольденбургского в их владениях.

Такова была сущность сего столь известного Тильзитского трактата, объявшего ужасом Европу. Легко можно заметить, что трактат сей не представлял ни одного из тех ручательств, которые потребны в сделках сего рода. Учреждение Герцогства Варшавского была мера, видимо, неприязненная против России, а умысел Наполеона отдать сие герцогство во владение королю Саксонскому, происходящему от прежних королей польских, еще более обнаруживал намерение его внушить полякам надежду, которая не могла исполниться без ущерба для России, ибо угрожала ей потерей областей, слишком за 14 лет пред тем к ней присоединенных. Даже самое право, которое предоставил себе Наполеон, – занимать Данциг до заключения мира на морях, показывало, что город сей надлежало считать сборным местом французов для предбудущих действий против России.

Император Александр не мог не знать, с каким намерением деланы были все сии распоряжения, но несчастные обстоятельства, в коих находилась тогда Европа, предписывали ему закон прекратить войну во что бы ни стало. Особенно нужно было выиграть время, потребное к тому, чтобы надлежащим образом приготовиться к борьбе, которая, по всем расчетам, должна была некогда возобновиться. Впрочем, Александр как верный исполнитель своего слова располагался с точностью соблюдать все обязательства, возложенные на него союзом, им заключенным, доколе сам Наполеон не нарушит явным образом условий трактата.

Французский император, уверенный в том, что со стороны России не встретит более препятствий в исполнении своих замыслов, обратил виды свои на унижение Англии. Поскольку географическое положение Великобританских островов спасало их от его оружия, то он и не нашел лучшего средства дать им почувствовать всю силу могущества своего, как разорив совершенно их торговлю. Для сего вымыслил он систему твердой земли (континентальную), которая долженствовала запереть все гавани твердой земли для английской торговли и их товаров. Принятие сей системы сделалось одним из первых условий союза с Наполеоном, и всякая держава, отказывавшаяся в полной мере участвовать в оной, считалась врагом Франции.

Между тем как Наполеон старался вооружить против Англии все народы, великобританское правительство совершило против Дании один из тех поступков, которые, может быть, оправдываются обыкновенной политикой, но всегда отвергаются справедливостью и нравственностью – единственными основаниями здоровой и истинно полезной политики.

Кабинет сент-жамесский с беспокойством предвидел, что Наполеон, уважавший трактаты не более, сколько для него нужно было, не преминет вторгнуться в Данию, дабы овладеть морскими силами сего королевства, и чтобы отвратить сей удар, решился сам захватить корабли датские. Сильный английский флот более нежели с 30 000 человек высадного войска внезапно является пред Копенгагеном и требует у датчан, дабы отдали ему на сохранение морские силы свои до заключения мира на морях. Датское министерство с негодованием отвергло столь неслыханное предложение, но жестокое бомбардирование, обратившее в пепел большую половину столицы, принудило генерала, начальствовавшего в оной, сдаться на договор и выдать датский флот, который и отведен был в Англию.

Дания была держава дружественная России, и потому Россия, не могшая равнодушно видеть бомбардирование Копенгагена, решила не отлагать долее разрыва с Англией и запереть гавани свои для ее торговли. Но таковые меры не могли иметь полного действия, доколе англичане сохраняли свободный вход в гавани Балтийского моря, принадлежащие Швеции. Итак, сей последней державе объявлено было, чтобы отреклась от союза с Англией и пристала к системе твердой земли. Густав IV отказался исполнить требования России, почему император Александр, объявив ему войну, ввел войска свои в Финляндию.

В то время Наполеон занят был предприятием, коего не исчислил всех затруднений и которое впоследствии сделалось для него неисчерпаемым источником бедствий – Испания, со времени Базельского мира управляемая министром сколь наглым, столько же и неспособным, слепо следовала внушениям Франции. Наполеон всегда находил в ней покорного и усердного

союзника, но князь мира сам начинал уже чувствовать тяжесть ига, угнетавшего Испанию, и в сердце своем предпринял свергнуть оное при первом удобном случае. Ему показалось, что разрыв между Пруссией и Францией представляет сей случай: Испанская армия тотчас приведена была на военное положение, и даже сделано к народу воззвание, приглашающее его содействовать к защите отечества. Известие о поражении пруссаков под Иеной заставило прекратить сии приготовления, и Испания возвратилась к системе французской с покорностью, еще большей прежней. Но Наполеон не мог уже более ошибаться в тайных намерениях мадридского двора и с того времени замыслил свергнуть с престола Бурбонов, царствовавших в Испании.

При всем том он скрыл свое негодование, ибо намерен был поработить сие королевство без явной войны. На сей конец прежде всего надлежало найти предлог ввести французские войска в пределы Испании. Подлое снисхождение князя мира способствовало приведению в действие сего предприятия, ибо он всякими низостями старался изгладить то неприятное впечатление, которое двучинные поступки его долженствовали сделать на французское правительство. Наполеон, пользуясь таковым расположением испанского министра, без труда согласил его на договор, заключенный в Фонтенебло, по коему определено было разделить Португалию, дабы наказать сие королевство за тесную связь его с Англией. Область Энтре-Дуеро-и-Минго (между реками Дуеро и Минго) назначена была королю Этрурскому в вознаграждение за Тоскану, которую Наполеон присоединил к собственным владениям своим. Дабы польстить честолюбию князя мира и более усыпить его, обещано было отдать ему во владение Алентеио и Альгарвию, прочие же области португальские должны были быть заняты французскими и испанскими войсками до заключения всеобщего мира.

Вследствие сего договора одна Французская армия, соединенно с испанскими войсками долженствовавшая завоевать Португалию, вступила в Испанию и направилась к Лиссабону; другая армия собралась в Байне, дабы в случае надобности поддерживать действия первой. Лиссабонский двор, не находя никаких средств удержать нашествие, ему угрожавшее, решился уступить буре и искать себе убежища в Бразилии. Португалия, преданная несчастной участи своей, без сопротивления досталась во власть французов, которые и стали управлять ею от собственного имени, не заботясь об условиях Фонтенеблоского трактата.

Наполеон, руководствуясь коварной, но глубокой политикой, одним ударом успел низложить Португалию и сделался властителем судьбы Испании, которую введение французских армий внутрь полуострова, так сказать, предавало на произвол тюльерийского кабинета. Князь мира, слишком поздно увидевший всю великость погрешности своей, не осмелился ни требовать исполнения Фонтенеблоского трактата, ни противиться занятию крепостей Пампелуны, Сан-Себастьяна, Фигуэраса и Барселоны, в которые французы ввели свои гарнизоны, не испросив на то согласия мадридского двора.

Наполеон, ободренный преступным молчанием испанского министра, послал к Мадриду вторую Французскую армию, которая, по силе Фонтенеблоского трактата, могла вступить в Испанию только в таком случае, если бы англичане угрожали нападением первой их армии. Князь мира, коего природная робость еще более увеличилась от ссоры, случившейся у него с принцем Австрийским, уговорил короля Испанского, чтобы по примеру лиссабонского двора удалился в Мексику. Намерение сие, не могшее оставаться совершенной тайной в народе, произвело всеобщее возмущение и подало повод к известным происшествиям в Аранжуеце, причем Карл IV для спасения любимца своего от рук яростной толпы принужден был отречься от престола в пользу сына своего Фердинанда VII.

Переворот сей хотя и расстроил замыслы французского императора, однако не мог принудить его отказаться от оных, а заставил только принять иные миры. Испанская королевская фамилия вероломными советами привлечена была в Байону, куда и Наполеон также прибыл. Здесь Фердинанд VII принужден был возвратить корону отцу своему, который уступил

ее французскому императору, сей отдал брату своему Иосифу, а место сего последнего на престоле неапольском заступил Мюрат, великий герцог Бергский.

Между тем все уже предвещало, что новый король Испанский не будет спокойно владеть своим королевством. Наполеон принял надежные меры, дабы утвердиться на полуострове вооруженной рукой и рассеять слабые армии, которые Испания налицо содержала, но он не предвидел того, что встретит сильное сопротивление от народа, свято приверженного к независимости своей. По первому известию о насильствах, учиненных в Байоне, вся Испания добровольно вооружилась. Один французский корпус, вошедший в Андалузию, окружен был превосходными силами и принужден положить ружье, а Французская армия, занимавшая Мадрид, находя себя не в состоянии удержаться в сей столице, оставила оную и отступила за реку Эбро. Португалцы также последовали великодушному примеру испанцев. Возмущение их подкреплено было присутствием Английской армии, высаженной на берег в окрестностях Лиссабона. Генерал Жюно, предводительствовавший Французской армией в Португалии, не мог избежать неминуемой гибели иначе, как согласившись на капитуляцию, по силе коей войска его перевезены были на судах во Францию.

Происшествия столь необычайные привели французского императора в затруднительную необходимость или отказаться от замыслов своих на Испанию, или прибегнуть к открытой войне. Выбор его не мог быть сомнителен, но прежде, нежели начать сию войну, он хотел обезопасить себя со стороны Европы, утвердив союз, соединявший его с Россией, дабы тем устрашить Австрию, которая в то время производила чрезвычайные вооружения, очевидно, назначенные против Франции. В Эрфурте воспоследовало между российским и французским императорами новое свидание, в коем сей последний получил от союзника своего согласие на возведение Иосифа на престол испанский и обещание действовать заодно с Францией в случае объявления войны со стороны Австрии. Взамен того Наполеон обязался не противиться совершенному присоединению Молдавии и Валахии к Российскому государству, тем не менее что разные обстоятельства воспрепятствовали российским войскам выступить из сих областей, которые по силе Тильзитского трактата они должны были оставить после перемирия, заключенного с турками в Слободзее.

Наполеон перестал заботиться о пользах Порты Оттоманской, потому что расположение дивана к Франции переменилось. Султан Селим III, которого доверенностью овладел французский посланник, сделался жертвой возмущения, случившегося в серале, а новый султан Мустафа IV, напротив того, сблизился с англичанами, которые и успели внушить ему подозрение касательно тесной связи, существовавшей между петербургским и тюльерийским кабинетами.

Император Александр в сношениях эрфуртских не оставил, сколь возможно, облегчить также и участь Пруссии, ибо бедствия сего государства не окончились еще вместе с войной, и Тильзитский трактат служил для Франции только предлогом, чтобы беспрестанно делать новые требования насчет Пруссии. По силе условия французские войска должны были выступить из прусских владений, коль скоро они уплатят военные поборы, на них наложенные. Но как обе стороны не согласны были в определении количества сего долга, то после весьма продолжительных переговоров, в коем со стороны французского министерства истощены были все притязания, поддерживаемые злоупотреблением права сильного, берлинский кабинет принужден был согласиться на уплату 140 миллионов франков вместо всех недоимок, от военных поборов происходящих. В поручительство за сию сумму крепости Глогау, Штетин и Кистрин должны были оставаться занятыми французскими гарнизонами до совершенной уплаты долга, и, сверх того, король Пруссии обязался в продолжение десяти лет содержать налицо не более 42 000 человек войска, однако, несмотря на все сии пожертвования, французские войска медлили выходить из Пруссии. Наконец, посредничество императора Александра заставило их

решиться на сие выступление, и сверх того его величество успел еще склонить Наполеона, чтобы уступил Пруссии 20 миллионов франков из всего количества признанного ею долга.

Санкт-петербургский кабинет желал согласить Порту на уступку ее областей, по северную сторону Дуная лежащих, не возобновляя военных действий, приостановленных со времени примирения, заключенного в Слободзее, но как переговоры, начатые по сему предмету, не имели успеха, то война на Дунае и возгоралась сильнее прежнего.

Между тем Наполеон, обезопасив себя со стороны Германии, послал сильное подкрепление к армиям своим в Испанию и сам отправился туда для управления их действиями. В один блистательный поход, казавшийся решительным, успел он рассеять Испанскую армию, опять занял Мадрид и принудил Английскую армию, приблизившуюся уже к городу Торо, обратно сесть на суда в Корунье. Успехи сии, по-видимому, предвещали уже скорое завоевание всего полуострова, но деятельность, с которой Австрия продолжала свои вооружения, принудила французского императора оставить Испанию и поспешно возвратиться в Париж.

Пожертвования, Пресбургским трактатом у Австрии исторгнутые, были столь велики, что венский кабинет не мог терпеливо сносить оных. Однако расстройство его армий, неизбежное следствие частых поражений, ими претерпевших, препятствовало ему доселе приступить к исполнению тайных намерений своих. Мы уже видели, что венский кабинет упустил удобный случай обнаружить себя, который война России с Францией ему представляла. Он почел благоприятнейшими к тому затруднительные обстоятельства, в которые происшествия, в Испании случившиеся, приводили Наполеона, а потому и начал смело свои военные приготовления. Свидание в Эрфурте увеличило опасения министров императора Франца, но как приготовления их не достигли еще надлежащей степени, то они и вознамерились скрывать намерения свои от Франции, и им удалось до того усыпить Наполеона, что, полагаясь на их обнадеживания, он не усомнился послать в Испанию большую часть сил своих. Пользуясь сими обстоятельствами, Австрия начала вооружаться с такой ревностью, что не оставалось уже никакого сомнения о видах ее.

Наполеон искренно желал избежать новой войны, неминуемо долженствовавшей причинить развлечение в испанских делах. Но все поступки его, клонящиеся к примирению, австрийцы принимали за сознание в слабости и тем более еще стали упорствовать в своих намерениях, ибо они уверились, что захватят Францию врасплох.

Тогда Россия нашлась в затруднительном положении: с одной стороны, противно было ее выгодам споспешествовать погибели единственной державы, которая еще составляла промежуточную громаду между нею и империей Наполеона; с другой – невозможно было отказаться содействовать Франции без явного нарушения обязательств, с ней заключенных: обязательств, коих святость не была еще ослаблена ни одним нарушением со стороны Наполеона. К тому хотя бы кабинет петербургский, побуждаясь видами глубокой политики, и решился преступить сии нравственные начала, дабы поддержать Австрию, то не мог сделать сего с успехом по причине отдаления армий своих, занятых войной против шведов и турок. Слабый же корпус войск, оставшийся у нее на границах Галиции, не в силах был отвратить бедствий, угрожавших Австрии, а только создавался бы участником в оных. Нейтралитет также невозможен был для России: чрез то она только бы поссорилась с Францией, нимало не пособив Австрии. Таковые причины по необходимости предписывали петербургскому кабинету закон не уклоняться от черты поведения, назначенной существующими трактатами. Однако император Александр, с сожалением видевший, что Австрия добровольно стремилась к погибели своей, истощил все средства к отвращению венского кабинета от пагубного намерения его. Государь объявил, что, будучи связан с Францией торжественными трактатами, он не может отказать ей в своем содействии, но в то же время, дабы успокоить Австрию в рассуждении будущих предприятий Наполеона, с согласия самой Франции предложил поручительство России за целостность австрийских владений. Представления сии не сделали никакого впечатления на министерство австрийское.

Оно хотело употребить в пользу великие вооружения свои, тяжесть коих расстроенное состояние государственных доходов Австрии не позволяло ему сносить долгое время, а потому и считало долгом поспешить с войной, дабы не позволить французам окончить дела их с Испанией.

Сильная Австрийская армия под предводительством эрцгерцога Карла перешла реку Инн и вступила в Баварию. Другие корпуса войск пошли в Италию и к Варшаве. Армия, собранная Наполеоном на берегах Дуная, числом была слабее Главной австрийской армии, но искусные соображения французского императора утвердили за ним победу. Сражение Экмюльское отверзло ему путь к Вене. Эрцгерцог Карл, отступив по левому берегу Дуная, расположился напротив сей столицы. Первая переправа через Дунай, учиненная Наполеоном, имела следствием кровопролитное сражение Эслингское, в коем французы были разбиты и прогнаны за реку. Вторая переправа была счастливее для французского императора. Австрийская армия в битве на равнинах ваграмских претерпела совершенное поражение, за коим и последовало перемирие, обыкновенно предшествующее миру.

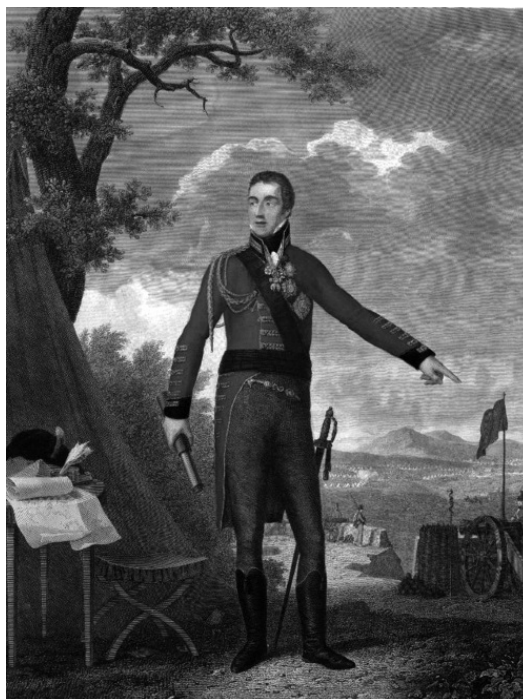
Между тем петербургский кабинет не оставался в бездействии. Российский корпус от 30 до 40 тысяч человек, вступивший в Галицию, помог полякам овладеть сей областью. Австрийская армия, защищавшая оную, отступила в Моравию. Усилия единственного союзника, которого Австрия в то время имела, не были удачны, да к тому ж, кажется, и не благоразумно были соображены. Поиск англичан на остров Вальхерен, почти без цели учиненный, произвел только слабое развлечение, а потому и не имел никаких последствий.

Наконец, Австрия увидела, что единственное спасение могла найти в мире, и, подписывая оный в Шенбрунне, она принуждена была согласиться еще на новые пожертвования. При сем случае она потеряла еще три миллиона с половиной жителей: Наполеон оставил за собой Карниолию, австрийский Фриуль, Триест, Верхнюю Каринтию, Фиум, венгерскую Далмацию и военное начальство (Generalat) Карлштатское. Сии области вместе с Истрией и Венецианской Далмацией с ее островами составили новое государство, получившее название Иллирийских провинций. Зальцбург, Инфиртель и часть Гаусрюка присоединены были к Баварии, которая взамен оных сделала несколько уступок в пользу Италии, великого герцога Вирцбургского и короля Виртембергского, а сей последний также сделал несколько уступок великому герцогу Баденскому. Западная Галиция с Замосцским округом и окрестностями города Кракова послужила к распространению пределов Герцогства Варшавского. России отдана была Тарнопольская область с 400 000 жителями.

Шёнбруннскому миру предшествовал Фридрихсгамский, заключенный между Россией и Швецией.

В продолжение войны шведские войска вытеснены были из всей Финляндии и Восточной Ботнии, и россияне перенесли победоносное оружие свое даже на западные берега Ботнического залива. С другой стороны, датчане отразили Шведскую армию, выступившую против Норвегии, и сами вторглись в Херьедален. Упорство Густава IV твердо держаться политической системы, однажды им принятой, несмотря на отказ англичан в помощи, которой он требовал у них, подвергало опасности существование самой Швеции и возбудило все умы против короля. Возмущение началось в армии, противопоставленной датчанам, которая и обратилась к Стокгольму. Густав IV лишен был престола, а на место его возведен Карл XIII, дядя его. Новый король поспешил начать переговоры, следствием коих был Фридрихсгамский мир с Россией и Енкепингский с Данией. Швеция уступила России Аландские острова, всю Финляндию, Восточную Ботнию и часть Западной Ботнии, лежащую по восточную сторону рек Торнео и Муонио. Сверх того, обязалась она приступить к континентальной системе и воспретить вход в гавани свои английским кораблям, за исключением нагруженных солью и колониальными произведениями, коих ввоз себе предоставила. Границы между Швецией и Норвегией остались в том же положении, в котором до войны находились.

Шёнбруннский трактат вознес Наполеона на высочайшую степень могущества, но, полагая, что одно только вступление в родственную связь с каким-либо из главнейших владетельных домов в Европе может сделать оное прочным, он разорвал брачный союз с супругой своей императрицей Иозефиной под предлогом бесплодия и простер было виды свои на одну из великих княгинь Российских. Но холодность, с которой приняты были в Санкт-Петербурге предложения его по сему предмету, показала ему, что здесь он не должен был ожидать от переговоров удовлетворительных для себя последствий. Тогда обратился он к Австрии и был счастливее. Венский кабинет охотно согласился на такой союз в надежде найти в нем поручительство за политическое существование монархии австрийской, в коем чрезмерное распространение империи Наполеона заставляло уже сомневаться. Брак французского императора с эрцгерцогиней Марией Луизой вскоре свершился, несмотря на отказ Папы дать разрешение, потребное на оный.

Герцог Веллингтон
(1769–1852)

Важное происшествие сие сделалось источником новых перемен в политике европейской. Наполеон, обезопасив себя со стороны Австрии, которую полагал уже навсегда привязанной к своей системе, счел, что не имеет более надобности осторожно поступать с Россией, ибо она одна только могла действовать как независимая держава и препятствовать исполнению замыслов его сделаться всемирным обладателем, почему и считал ее главным врагом своим. К тому же он раздражен был затруднениями, которые встретил в Петербурге в намерении своем вступить в брак с одной из великих княгинь Российских, и пламенно желал найти случай отмстить за сие, дав почувствовать императору Александру всю силу безмерного своего могущества. Но как он предвидел, что, напав на Россию, должен будет выдержать войну, ужаснейшую из всех, доселе им произведенных, то и вознамерился скрывать еще свои замыслы, дабы сперва окончить несметные приготовления, которых исполинское предприятие его требовало, и притом еще располагался употребить сие время на окончание испанских дел сходно со своим желанием. Война в сей последней стране продолжалась с переменным успехом: несогласие, вкравшееся между англичанами и испанцами, помешало им надлежащим образом воспользо-

ваться сильным развлечением, которое война Наполеона с Австрией произвела в их пользу, равно как и победой при Талавере, одержанной над французами предводителем Английской армии генералом Веллингтоном. Посему-то поход 1809 года не имел ни одного из тех блистательных последствий, которые ослабление французских армий на полуострове обещало испанцам. Французы не только удержали за собой все области, коими тогда владели, но и присоединили еще крепость Жерону к прежним завоеваниям своим. Наполеон, возгордясь таковыми успехами, вообразил, что, усилив свои армии, окончит завоевание полуострова в течение 1810 года. Вследствие сего маршал Сульт получил приказание с 50 000 человек вторгнуться в Андалузию, а маршал Массена с 70 000 армией назначен был овладеть Лиссабоном. Однако же надежды французов не исполнились: правда, что маршал Сульт беспрепятственно вошел в Андалузию, но он не мог взять города Кадикса, в коем испанцы укрепились. С другой стороны, маршал Массена, искусной обороной лорда Веллингтона завлеченный внутрь Португалии, испытал, что счастье, доселе всегда ему сопутствовавшее, оставило его перед крепкими линиями Торрес-Ведрас, и он принужден был отступить, дабы спасти хотя часть армии своей, изнуренной недостатками всякого рода.

Маршал Сульт (1769–1851)

Признаки охлаждения, начавшего показываться в сношениях России с Францией, не могли укрыться от прозорливости императора Александра. Его величество усмотрел, что союз с Францией, в Тильзите заключенный и подтвержденный в Эрфурте, не мог существовать долгое время, ибо не был уже сообразен с выгодами Наполеона, и что приближался решительный перелом, долженствовавший или утвердить всемирную монархию, которую Наполеон хотел основать на твердой земле, или разорвать цепи, удерживавшие под игом его почти все народы европейские. Российский император, твердо решившийся никогда не соглашаться ни на какое условие, не совместное с достоинством и независимостью его престола, счел разрыв с Францией не токмо неизбежным, но даже и весьма близким, и с того времени занялся под рукою своею приготовлением

всех средств к обороне, которые несметные способы обширных владений его представляли к выдержанию предстоящей борьбы, тем ужаснейшей, что Россия одна должна была противостоять соединенным силам большей части Европы.

Чрезмерное распространение Герцогства Варшавского, от присоединения к нему новой Галиции происшедшее, начало уже внушать справедливые опасения российскому министерству. Для обеспечения себя оно предложило Наполеону подписать условие, коим он обязался бы никогда не признавать восстановления Королевства Польского. Французский император хотя и обнадеживал, что сие восстановление отнюдь не входит в его политическую систему, однако отказался подписать помянутое условие под маловажным предлогом, что таковой акт не совместен с его достоинством. И сей отказ обнаружил, сколь мало было искренности в дружественных расположениях, им еще оказываемых России.

Петербургский кабинет усмотрел, что в таковых обстоятельствах прежде всего надлежало стараться принудить турок к миру, дабы чрез то, избегнув всякого развлеченія, получить возможность соединить все военные способы свои на западных пределах государства. Но чтобы согласить турок на такое примирение, какового желала Россия, нужно было устрасить их, почему и положено было вести войну с деятельностью, дабы окончить ее прежде, нежели обнаружатся замыслы, питаемые Наполеоном против России. Армия, в 1810 году назначенная для нашествия на Булгарию, состояла почти из 90 000 человек строевых под предводительством генерала графа Каменского, особенно отличившегося в последнюю войну против шведов.

Начало сего похода было самое блистательное: город Базарджик взят приступом, засим последовало взятие Силистрии, которая сдалась на договор после кратковременной осады, и Российская армия двинулась к Шумле, между тем как один из ее корпусов, оставленный на Дунае, производил осаду Рушука. Но верховный визирь занял при Шумле столь твердую укрепленную позицию, что все усилия графа Каменского вытеснить турок из оной оказались тщетными. Российский полководец, видя, с одной стороны, невозможность предпринять что-либо важное против Шумлы, а с другой – что осада Рушука не подвигалась, решился идти к сей последней крепости с частью войск своих, дабы тем скорее принудить ее к сдаче. Тогда действия его приняли оборот не столь благоприятный: правда, что верховный визирь тщетно покушался отгеснить наблюдательный корпус, оставленный против него графом Каменским, но под Рушуком дела находились в самом худом положении. Граф Каменский, желая скорее решить дело, учинил приступ к крепости, но оный был неудачен. Россияне, как то всегда бывает в безуспешных предприятиях сего рода, претерпели значительный урон, и участь осады была тем сомнительнее, что неприятель в то время собирал на реке Янтре 40-тысячный корпус, назначенный к освобождению Рушука. Турки, ободренные сим возвратом счастья, вообразили, что опять настали для них времена Магомета II, и уже победные крики раздавались на улицах Константинополя, но веселье их недолго продолжалось. Граф Каменский, дабы не дать неприятелю близко стеснить себя, принял превосходное намерение оставить под Рушуком только войска, необходимо нужные для продолжения осады, а с остальными выступить навстречу турецкому корпусу, расположенному на Янтре. Нашед его укрепившимся при Батине, он вступил с ним

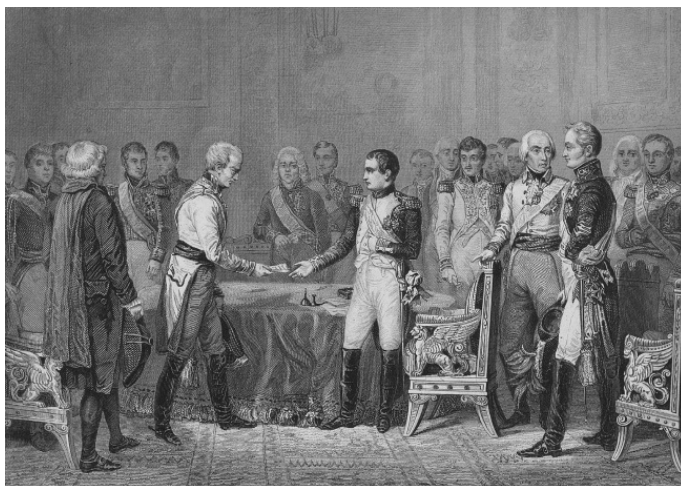
в кровопролитное сражение, следствием коего было совершенное истребление турок. Сдача крепостей Систова, Кладова, Рушука, Журжи, Никополя и Турны была плодом сей важной победы. Известие о сражении при Батине произвело в Константинополе тем большее опасение, что об отступлении графа Каменского от Шумлы разглашено было как о преславной поверхности, за коей надлежало ожидать еще важнейших успехов. Однако, несмотря на уныние, в которое внезапное испровержение сих надежд привело турок, Порты Оттоманская, побуждаемая представлениями английского посла и даже тайными происками французских агентов, ополчилась против несчастья и, вместо того чтобы искать мира, приготовилась продолжать войну с жаром, большим прежнего. И так поход 1810 года, хотя и славный для россиян, не был решителен, и петербургский кабинет нашелся в необходимости начать новый поход, а сие было для него тем тягостнее, что точно в самое то время в сношения с Францией начали вкрадываться несогласия, в коих легко можно было приметить начало еще важнейших распрей.

Наполеон не отказался еще от своей системы *завоеваний без войны*, которую прикрывал названием *присоединений*. Еще в 1808 году отнял он у Папы в наказание за отказ его объявить войну англичанам провинции Урбино, Анкону, Мачерато и Камерино, которые и присоединил к Королевству Итальянскому. А как сия несправедливость не могла сделать Папу покорнейшим к исполнению воли Наполеона, то он в 1809 году лишил его всех владений и вместе с городом Римом присоединил их к Империи Французской. Присоединения, сделанные в 1810 году, были еще важнее: французский император недоволен был королем Голландским, которого обвинял в ободрении английской торговли. Людовик не мог избегнуть гнева брата своего иначе, как подписав договор, по силе коего он уступил Франции Зеландию, голландский Брабант и часть Гельдерна, лежащую на левом берегу реки Ваала. Таковыми пожертвованиями думал он купить сохранение независимости своего королевства, но вскоре узнал, что тщетной питался надеждой, и новые притеснения французского императора побудили его отказаться от престола в пользу своего сына. Наполеон, не согласившийся признать нового короля, присоединил все области голландские к Империи Французской и таким образом перешел черту Рейна, за которую повторительными обещаниями обязывался никогда не переступать. В то же время Вализерланд, дотоле составлявший независимую республику, равномерно присоединен был к Французской империи. Наконец, чтобы дополнить меру несправедливостей, Наполеон захватил еще герцогство Лауенбургское, город Любек на Балтийском море и страну, по берегу Северного моря лежащую, вместе с городами Бременом и Гамбургом. Ничто не может лучше показать действия, которые новые присвоения сии произвели в Европе, как следующая выписка из манифеста, обнародованного Австрией в 1813 году.

Сие насильственное действие совершилось без всякого даже наружного права, с пренебрежением всех приличий, без предварительного извещения или сношения с каким-либо кабинетом, под самопроизвольным, ничтожным предлогом, что война с Англией повелевала избрать сию меру. Определение, коим на морском берегу Германии основано новое французское владение под именем тридцать второго военного отделения, само по себе должно было беспокоить все соседственные государства, оно служило не со мнительным предвестием будущей еще большей опасности. Сим определением ниспровержена была без дальнего оправдания или объяснения система так называемых естественных границ, в самой Франции составленная, и хотя прежде уже несколько раз нарушенная, но все еще постоянной провозглашенная. Даже собственные творенья Наполеона уничтожены с беспримерным самовольством. Ни государи Рейнского союза, ни Королевство Вестфальское, ни одна великая или малая область не были пощажены при исполнении сего ужасного, хищного присвоения. Граница, быв, по-видимому, слитою прихотливостью начертана, простиралась без всякого правила или плана, без всякого внимания к старым или новым отношениям, попереч чрез земли и реки отнимала у средних и южных германских государств всякое сообщение с Северным морем, перешла Эльбу, отторгла Данию от Германии, приблизилась даже к Балтийскому морю и, казалось, стремилась к черте

занятых в сие время прусских крепостей по реке Одере. При всем том сие несправедливое завладение, толь насильственно нарушившее все права и вторгавшееся во все области, во все географические и воинские разграничения, обнаруживало столь мало признаков конченной, округленной области, что необходимо должно было почитать оное вступлением к большим еще насильствам, долженствовавшим соделать половину Германии французской областью, а императора Наполеона – действительным властителем твердой земли.

Сие новое присоединение было тем оскорбительнее для России, что поглотило также и владения герцога Ольденбургского, близкого сродника и союзника российского императорского дома.

1808 г. Свидание в Эрфурте.

Император Александр, ограничив себя словесным смыслом Тильзитского трактата, не делал возражений против прежних присоединений, но не мог с тем же равнодушием видеть сие последнее, лишаящее владений государя, которого восстановить Франция торжественно обязалась по силе одной из статей Тильзитского мира. В ответ на представления, сделанные петербургским кабинетом по сему предмету, Наполеон довольствовался тем, что предложил герцогу в вознаграждение город Эрфурт с поместьем Бланкенгайн – владения, со времени Тильзитского трактата остававшиеся в управлении французов. Но таковой обмен не мог быть принят, потому что в Герцогстве Ольденбургском считалось 130 000, между тем как в округе Эрфуртском вместе с Бланкенгайном было только 45 000 жителей. И так государь принужден был для чести своего дома объявить следующий протест, который посланники его и представили всем дворам, при коих они находились.

Его Величество император Всероссийский с крайним удивленьем известился, что Его Величество император Французский, король Итальянский, союзник его, давал по сенатскому определению новые границы своей империи, включил в оные и герцогство Ольденбургское. Его Величество представил на вид императору, союзнику своему, равно как представляет на вид всей Европы, что по Тильзитскому трактату именно обеспечено было спокойное обладание сказанным герцогством законному государю оного.

Его Величество напомнил французскому императору и напоминает всем державам, что Россия, по предварительному договору 1766 и по трактату 1773 года, отдала королю Датскому все владенья свои в герцогстве Голштинском, а взамен оным получила графства Ольденбургское и Дельменгорстское, которые по известным сделкам, в коих многие державы по необходимости участвовать должныствовали, обращены были во владетельное герцогство, в пользу младшего колена того же самого голштейн-готторпского дома, к коему Его Импе-

раторское Величество принадлежит по ближайшим кровным связям. Российский император полагает, что владение сие, великодушием его империи основанное, не может быть уничтожено без крайнего нарушения справедливости и собственных прав его. А потому и находит себя принужденным, употребив право представления себе, взять под защиту свою и наследников своего престола на вечные времена все права и обязательства, от вышеупомянутых трактатов происходящие.

Какую цену могли б иметь союзы, если б трактаты, на коих основаны оные, не сохранили своего достоинства? Его Величество, дабы не подать повода к какому-либо недоразумению, сим объявляет, что важные политические причины побудили его вступить в союз с Его Величеством императором Французским, что причины сии еще существуют, а потому он намерен пеицись о сохранении сего союза и ождидает подобного же взаимного попечения и со стороны монарха, на дружбу которого он имеет право.

Таковое соединение выгод обоих государств, предположенное Петром Великим, но как в его время, так и впоследствии встретившее столько препятствий, принесло уже пользу империи Его Величества, да и Франция, со своей стороны, также приобрела оную.

Итак, кажется, выгода обеих империй требует стараться о соблюдении сего союза, и Его Величество посвятит на то все попечения свои. Нижеподписавшийся... сходно с повелением императора, всемилостивейшего государя своего, доставляет сей, г-ну... причем свидетельствуя, и проч.

Около того ж времени принятая императором Александром мера, до государственного управления касающаяся, послужила еще новым поводом к несогласиям, возникшим между обеими империями. Россия, объявив войну Англии, чрез то самое лишилась всякого способа к вывозу своих произведений, которые, состоя большей частью в невыделанных товарах, как то: лесе, поташе, пеньке, железе и прочем, не могут быть перевозимы иначе как морем. От того последовало, что перевес торговли, обратившись совершенно в ущерб России, произвел упадок променного курса и понижение государственных ассигнаций, что и угрожало расстройством всех денежных способов в государстве. Дабы отвратить толь затруднительное положение, не отказываясь притом от континентальной системы, российское министерство положило ограничить также и ввоз иностранных товаров.

Новым тарифом, обнародованным 19 декабря 1810 года, запрещен был ввоз почти всех товаров, доселе составлявших предмет внешней торговли, и запрещенные товары назначено уничтожать. Колониальные произведения были позволены, лишь бы не составляли собственности англичан, а в сем последнем случае положено оные конфисковать, как принадлежащие земле неприятельской. Поелику запрещения, сим новым тарифом сделанные, большей частью простирались на произведения Франции и ее промышленности, то Наполеон, хотевший разорить Россию, не вредя выгодам собственной торговли с сей державой, с огорчением жаловался, называя помянутую меру неуважением к его особе, и воспользовался сим предлогом для оправдания конскрипции 1811 года, которую, однако же, он предписал еще прежде, нежели узнал о новом тарифе.

Набор сей конскрипции, чрезвычайные вооружения поляков Герцогства Варшавского, постепенное умножение французских войск в Германии и перемещение их главной квартиры из Регенсбурга в Гамбург были несомнительными признаками неприязненного расположения Франции. Тогда император Александр рассудил за благо немедленно собрать большую часть сил своих на западных пределах государства, дабы через то привести себя в оборонительное положение. Одна дивизия войск российских, со времени последней шведской войны остававшаяся в старой Финляндии, получила приказание следовать к верхней части Двины-реки; в Дунайской же армии, которая в конце 1810 года состояла из девяти дивизий, оставлено только четыре, а прочие пять дивизий переведены были на реку Днестр.

Такие приготовления встревожили Наполеона, полагавшего, что россияне осмеливались столь значительно ослабить армию свою на Дунае единственно потому, что уверены были в заключении мира с Турцией, между тем как сам он, более нежели когда-либо озабочиваясь войной в Испании, принужден был тратить на нее множество войск без удовлетворительных последствий. Он рассудил, что в сих обстоятельствах благоразумие требовало от него притворствовать еще против России, а потому и сделал петербургскому кабинету новые обнадеживания о желании своем сохранить доброе согласие между двумя великими империями. При всем том обнадеживания сии были токмо ничтожные приветствия, не подавшие никакого повода к окончательному разбору существовавших распрей.

Очевидно было, что французский император хотел только выиграть время, нужное для окончания его приготовлений. И посему казалось бы, что польза петербургского кабинета требовала предупредить его, начав войну с наступлением весны 1811 года, но политическое и военное состояние Европы не позволяло России действовать наступательно. Правда, что 150-тысячная армия, которую император Александр мог выставить на западной границе, вероятно, без сопротивления овладела бы Герцогством Варшавским и, подвинувшись к реке Одере, принудила бы и Пруссию также объявить себя против Франции. Но сии кратковременные успехи только что подвергли бы опасности Российскую армию, принудив ее ослабить себя корпусами, которые по необходимости надлежало оставлять позади для облежания крепостей Данцига, Торуня, Модлина и Замосця и для прикрытия своего пути действий от покушений австрийцев, коих расположение в пользу России было весьма сомнительно. Такое ослабление не могло быть достаточно вознаграждено присоединением Прусской армии, ибо со времени Тильзитского мира она состояла токмо из 40 000 человек. И в сем-то невыгодном положении Российская армия нашлась бы принужденной противостоять Французской армии в Германии, которая вместе с войсками, расположенными в Голландии, хотя и состояла только из 60 000 человек, но могла быть усилена более нежели 100 000 человек войск Рейнского союза и 20-ти или 30-тысячной армией Герцогства Варшавского. Сия последняя, вероятно, уклонялась бы от сражения с превосходными силами россиян и обезопасила бы себя благовременным отступлением за реку Эльбу.

Из сего видно, что отважное движение россиян к самому Одери, не произведя никакого выгодного для них последствия, неминуемо кончилось бы несчастным отступлением. Вместо того чтобы добровольно подвергаться сему бедствию, несравненно выгоднее было для России ожидать неприятеля в собственных пределах, где воспламенение народной войны должноствовало доставить ее армиям полезных и верных союзников. Причины сии побудили императора Александра ожидать происшествий, оставаясь в наблюдательном положении на своих границах.

Между тем военные действия опять начались на Дунае. Граф Каменский, одержимый смертельной болезнью, сменен был генералом от инфантерии Голенищевым-Кутузовым. Новый главнокомандующий, имевший, как уже сказано, только четыре дивизии в распоряжении своем, по необходимости должен был действовать оборонительно. Не желая раздроблять сил своих, он приказал скрыть все турецкие крепости на правом берегу Дуная, за исключением одного Рушука, который сохранил вместо предмостного укрепления, дабы владеть переправой через реку на случай перемены оборонительной войны в наступательную. Коль скоро Оттоманская 60-тысячная армия, самым верховным визирем предводительствуемая, подвинулась из Шумлы к Рушуку, то генерал Кутузов ввел в него достаточный гарнизон, дабы в случае надобности обезопасить свое отступление, а сам перешел за Дунай с 20 000 человек, составлявшими главные его силы, и расположился перед крепостью. Турки напали на него 22 июня. После упорного сражения победа осталась на стороне россиян, постоянно отражавших все усилия неприятеля, однако, несмотря на сию победу, Кутузов считал себя не в состоянии держаться

на правой стороне Дуная, почему, разорив укрепления Рушука, он возвратился на левый берег реки.

М. И. Голенищев-Кутузов (1747–1813)

Известие о сем происшествии исполнило радостью французского императора. Поелику мир между Россией и Портой казался быть отдаленнее прежнего, то он и не находил уже более побудительных причин скрывать намерения свои.

Доселе в распрях между петербургским и тюльерийским кабинетами сохраняема была потаенность, подававшая еще некоторую надежду о сближении и оставлявшая умы в неизвестности насчет важности сих распрей. Наполеон сам рассеял таковое недоумение, позволив себе делать российскому посланнику, среди дипломатического круга в Тюльерийском дворце 3 августа собранного, жестокие упреки и вероломные обвинения, которые наконец открыли всем иностранным послам, при сем присутствовавшим, тайну несогласий, возникших между обеими империями. Наполеон, без всякого сомнения, не поколебался бы тогда же начать и неприятельские действия, если б сему не препятствовало позднее время года. Опасение изнурить войска свои утомительным походом в позднюю осень побудило его отложить замыслы свои до будущей весны. К тому же он хотел пользоваться зимним временем для отправления подкреплений в Испанию, где лорд Веллингтон продолжал удерживать его армии, которые в войне с гверильясами (земскими ратниками) повседневно истощали силы свои.

Между тем конец похода 1811 года на Дунае не соответствовал надеждам, которые отступление генерала Кутузова внушило врагам России. Турки, возгоржденные тем, что нако-

нец увидели Российскую армию, отступающую перед ними, осмелились сами перейти Дунай в окрестностях Рушук, дабы перенести театр войны в Валахию. Намерение сие, празднованное в Константинополе наравне с победой, приведено было в действие 28 августа и сделалось гибельным для турок. Генерал Кутузов противостоял Оттоманской армии, дабы не позволить ей распространиться в Валахии, а 30 сентября отрядил корпус под начальством генерала Маркова, приказав ему перейти Дунай выше Рушук и напасть на турецкий резерв, оставшийся на правом берегу реки. Таковое действие увенчано было желанным успехом: турецкий резерв был совершенно разбит и прогнан в Рушук. Оттоманская армия, лишенная сообщения с правым берегом и окруженная со всех сторон, в продолжение нескольких недель оставалась в сем положении и наконец принуждена была сдаться. Порта, совершенно обезохоженная сим великим несчастьем, просила мира, и в декабре месяце открыт был конгресс в Бухаресте. Столь неожиданная перемена в положении обеих противных сторон на Дунае испровергнула расчеты Наполеона, надеявшегося на развлечение, которое турецкая война долженствовала сделать в его пользу в то время, когда он откроет поход против России. Тщетно старался он всеми играми ободрить Порту, внушая ей, что поелику сам он намерен в скором времени сделать разрыв с Россией, то и она не должна спешить с заключением мирного трактата. По крайней мере, происками своими успел он замедлить ход переговоров в Бухаресте.

В начале 1812 года все предвещало скорое приближение великого происшествия, устранившего Европу. Военное положение Наполеона в Германии было уже грозно: данцигский гарнизон, умножившийся от последовательных подкреплений, состоял уже из 20 000 человек. Гарнизоны крепостей на реке Одере также усилены были. В одном Штеттине находилось более 17 000 человек. Сверх того, во Французской армии в Германии считалось более 100 тысяч человек строевых, и она ожидала еще новых подкреплений, находившихся уже в следовании к ней. Военные силы Франции, и без того уже столь огромные, должныствовали еще увеличиться новым набором конскрипции 1812 года. Французская армия в Италии также получила приказание быть в готовности к выступлению.

Положение французского императора было тем грознее, что, кроме военных способов Империи Французской и Королевства Италийского, он самовластно распоряжался также и способами союзников, или, справедливее сказать, подручников, своей империи, каковы были король Неаполитанский, Швейцария, все государи Рейнского союза и Герцогство Варшавское. За исключением России, Англии и Турции, в целой Европе не оставалось независимых держав, кроме Дании, Пруссии, Австрии и Швеции. Наполеон не упустил стараться и их также привлечь к своему союзу.

Дания, со времени несчастного происшествия с Копенгагеном слепо следовавшая внушениям тюльерийского кабинета, не отказалась действовать обще с Францией, однако же сия последняя не могла получить от того никакой пользы, ибо весьма ограниченные военные способы Дании едва достаточны были к защите собственных ее владений против покушений англичан и союзников их.

Пруссия находилась в самом опасном положении: будучи со всех сторон окружена войсками Герцогства Варшавского, Саксонии и Французской Германской армией, которая могла прийти в Берлин в несколько переходов, она видела еще, что французы, занимая Данциг и три крепости на реке Одере, утвердились также и среди ее владений. В толь бедственном положении Фридрих Вильгельм имел справедливое опасение быть первой жертвой предстоявшей войны, а для избежания сего ему не оставалось иного средства, кроме тесного союза с Францией. Но предложения тюльерийскому кабинету, по сему предмету им сделанные, и в течение 1811 года многократно повторяемые, принимаемы были с холодностью, обнаруживавшей тайную мысль Наполеона начать неприятельские действия против России уничтожением прусской монархии, дабы не оставить у себя в тылу ненадежного союзника, который при малейшей неудаче мог превратиться в явного врага. Однако в начале 1812 года новые настояния

со стороны прусского министерства успели переменить ход политики французской в отношении к Пруссии. Наполеон начал опасаться, что приведши Фридриха Вильгельма в крайность принудить его искать себе защиты у России, между тем как, склонившись на предложения Пруссии, должен был получить возможность располагать ее войсками. И так он рассудил, что противно политике было упорствовать в системе, следствия коей лишать его армию небесполезной помощи, и вместо того усилить неприятеля, с которым готовился он сразиться. При всем том, позволив Пруссии соединиться с собою, французский император не упустил ослабить ее еще новыми налогами. По силе условий, присовокупленных к союзному договору 12 (24) февраля, подписанному прусским посланником в Париже, Фридрих Вильгельм обязался отдать в распоряжение Франции для употребления против России 20 000 человек с 60 орудиями и доставлять Французской армии все потребное продовольствие во время прохождения ее через прусские владения.

Всего важнее было для Наполеона склонить Австрию, дабы решилась взять его сторону. Правда, что брак с эрцгерцогиней давал ему значительное влияние на совет императора Франца, но при всем том Австрия не могла не знать, что дело России было дело всей Европы, а посему и не оказывала большего желания споспешествовать унижению державы, падение коей неминуемо должно было уничтожить последнюю надежду на освобождение твердой земли. Но как Наполеон не соглашался признавать иного нейтралитета, кроме совершенно обезоруженного, а через сие Австрия лишилась бы всякого способа воспользоваться счастливыми случаями, которые военные происшествия могли ей представить, чтобы дать политике своей ход наиболее сообразный с истинными ее пользами, то венский кабинет и нашелся принужденным заключить союз, по которому, отдавая в распоряжение Франции 30-тысячный корпус с 60 орудиями, по крайней мере сохранил силы монархии для употребления оных сходно с обстоятельствами. Договор сего союза был подписан в Париже 2 (14) марта.

Наполеону оставалось еще склонить Швецию на свою сторону, но все покушения его остались без успеха. Мы уже видели, что по Фридрихсгамскому трактату позволен был Швеции ввоз соли и колониальных произведений. Наполеон не согласился признать сего условия, и Швеция принуждена была отказаться от одного по силе Парижского договора, по коему Франция, окончив несогласия свои с сей державой, возвратила ей Померанию. Невзирая на сей трактат, торговля между Англией и Швецией продолжалась по причине, что расположение берегов Швеции весьма способствует к производству запрещенного торга. Раздраженный сим Наполеон обвинил шведское министерство в потворствовании врагам его и в конце 1810 года решительно требовал, дабы оно торжественно объявило войну Англии. Стокгольмский кабинет, которого приближение зимы лишало помощи англичан, уступил воле французского императора. В самое сие время шведы избрали маршала Бернадота в наследники престола, почему все вообще и полагали, что сей французский генерал навсегда привяжет Швецию к политической системе Франции. Однако новый наследный принц, наблюдая пользу народа, его избравшего, имел в виду токмо обязанности свои к новому отечеству. С другой стороны, Англия, несмотря на объявление войны, дружески поступала со шведскими судами, и французский император, еще более раздраженный таковыми поступками, дал в 1811 году позволение своим арматорам нападать на шведские суда, а в январе 1812 года приказал войскам французским занять шведскую Померанию и остров Рюген. При всем том Наполеон не терял еще надежды склонить Швецию ко вступлению с ним в союз. Он предложил возвратить ей Померанию и принудить Россию к возвращению Финляндии с тем условием, чтобы она начала открытую войну с Англией и собрала армию от 30 до 40 тысяч человек для нападения на Россию. Но шведский кабинет весьма уверен был, что не может принять сего союза, не отказавшись от независимости своей, и для сохранения оной, совершенно вопреки требованиям Наполеона, решился тесно соединиться с Россией. 24 марта (5 апреля) был подписан в Санкт-Петербурге договор между Россией и Швецией, по коему сия последняя держава обеспечена была в облада-

нии Норвегией. Постановлено было сперва предложить Дании, дабы приступила к сему союзу и отказалась от Норвегии, получив взамен оной другую равностоящую область, взятую в Германии, по соседству с ее владениями. В случае отказа со стороны Дании Россия давала шведам 35-тысячный корпус для вспомоществования в завоевании Норвегии, по окончании же сего действия шведский корпус от 25 до 30 тысяч человек, соединенно с 15 или 20 тысячами россиян, должен был сделать высадку на берега Германии, дабы учинить диверсию в тылу Главной Французской армии.

Наполеон, сколь ни спешил с приготовлениями своими, но, приближаясь к великой развязке, еще раз хотел усыпить кабинет санкт-петербургский, а дабы успеть в том, почел за нужное изъявить ему желание свое начать переговоры. Полковник Чернышев, флигель-адъютант императора Александра, употребленный для некоторых тайных сношений между обоими императорами, находился тогда в Париже. На другой день после подписания трактата с Пруссией Наполеон отправил его в С.-Петербург с предложением заняться отвращением жалоб, с обеих сторон приносимых. Жалобы сии заключались в следующих четырех статьях: 1) недоверчивость, внушенная России распространением пределов Герцогства Варшавского; 2) присоединение к Франции Герцогства Ольденбургского; 3) узаконение о торговле английскими товарами и о (batimens denationalises) судах, потерявших права народному их флагу присвоения; и 4) распоряжение тарифа 1810 года. Касательно до первой статьи Наполеон точно объявлял, что не будет споспешествовать никакому предприятию, посредственно или непосредственно клонящемуся к восстановлению Польши. Относительно до Ольденбурга он требовал, дабы император Александр или совсем отказался от вознаграждения герцогу, или решился бы принять такое, которое бы не состояло ни в городе Данциге, ни в другом каком-либо владении Герцогства Варшавского. По третьей статье Россия должна была обязаться соблюдать условия Тильзитского трактата и меры, принятые против английской торговли, за исключением некоторого облегчения к вывозу российских произведений взамен ввозимых предметов, то есть приняла бы с общего согласия систему позволения, по коей торговые выгоды не обращались бы единственно в пользу англичан, но в равной мере разделялись между обеими торгующими державами. Наконец, по четвертой статье Наполеон предлагал заключить торговый договор, по силе которого надлежало учредить новый тариф, на основании тарифа 1810 года, но таким образом, чтобы выгоды России соблюдены были без ущерба французской торговле.

Сии новые переговоры, очевидно, предложены были токмо в намерении скрыть от санкт-петербургского кабинета истинные виды Франции и, внушив ему беспечность, побудить к прекращению приготовлений его к обороне. Император Александр ясно видел, что вышеизложенные жалобы касались только до побочных дел, но что самая сущность вражды, разделявшей обе империи, состояла в самовластном владычестве, которое Франция присваивала себе над всей Европой. И так, хотя бы и успели отвратить помянутые жалобы, то ничего бы еще не было сделано, потому что главный вопрос о диктаторской власти Франции над всеми прочими державами не мог быть решен иначе, как силою оружия, ибо, с одной стороны, Наполеон никогда не согласился бы отказаться от требований своих, а с другой – император Александр не мог согласиться на них, не оскорбив достоинства народа, им представляемого. При всем том российский император, искренно желавший отнять у неприятеля всякий предлог к нападению, не отказался бы вступить в переговоры на основании, предложенном Францией, если бы введение французских войск в Пруссию не присовокупило к существующим распрям еще нового повода к несогласию.

Вскоре по заключении трактата с Пруссией Французская армия, находившаяся в Германии, вошла в ее владения и подвинулась левым крылом и центром к реке Одере, а правым крылом – к реке Эльбе. Сие привело Россию в такое положение, что она должна была прибегнуть к решительным мерам, и император Александр тотчас отправился из С.-Петербурга в Вильно, где находилась главная квартира Первой армии. В то же время послано было пове-

ление князю Куракину, послу российскому в Париже, объявить французскому правительству, что сохранение Пруссии и независимость ее от всякой политической связи, направленной против России, были тем необходимее для императора Александра, что твердые и прочные сношения с Францией не могут быть восстановлены, доколе не останется между нею и Россией земля нейтральная, не занятая войсками ни которой из обеих держав, и что вследствие сего первое основание всяких переговоров долженствует быть точное обязательство совершенно оставить владения и все крепости прусские, в какое бы время и по каким бы причинам они ни были заняты французскими или союзными им войсками. Сверх того, Россия требовала, дабы гарнизон Данцига был уменьшен и приведен в то состояние, в коем находился прежде 1 января 1811 года, чтобы войска французов выведены были из шведской Померании, а с королем Шведским приняты были меры, способные к взаимному удовлетворению обеих корон – французской и шведской. По принятии сих предварительных условий, но не прежде, послу повелено было дать именем императора Александра следующие обязательства: 1) не вводить никакой перемены в принятых и доколе строго наблюдаемых в России мерах против непосредственной торговли с Англией; 2) согласиться с французским императором о *системе позволений*, которую должно будет ввести в России по примеру Франции, однако же с тем, что сия система принята будет не иначе как по предварительном исследовании, что приведение оной в действо не может увеличить ущерба, и без того уже претерпеваемого российской торговлей; 3) договориться особенным постановлением о некоторых переменах в тарифе 1810 года, коих Франция может желать для выгод своей торговли; наконец 4) согласиться на заключение трактата о промене Герцогства Ольденбургского на приличное и равностоящее вознаграждение, которое предложено будет императором французским, и в сем последнем случае уничтожить обнародованный протест российского императора.

Предложения российского посла целых две недели оставались без ответа, несмотря на то что обстоятельства не терпели отлагательства. Наконец французский министр иностранных дел прервал сие молчание, но только тем, что спросил у посла, имеет ли он потребное полномочие к постановлению и заключению предлагаемых им трактатов. Князь Куракин ясно показал неосновательность сего запроса, сделав замечание, что звание, в которое он облечен был, делало излишним всякое особенное полномочие. Отъезд Наполеона в Дрезден, последовавший 27 апреля, прервал сии переговоры, и князь Куракин, не получая ответа, принужден был просить себе пропуска для возвращения в Россию.

Между тем все еще оставалась слабая надежда к примирению. Наполеон перед отъездом в Дрезден послал в Вильно генерал-адъютанта своего графа Нарбона с предложениями, подобными привезенным полковником Чернышевым. Кажется, что Наполеон, приближаясь к развязке, самим им приведенной, не был изъят от некоторого беспокойства. Великость предприятия, им начинаемого, коего предусматривал он все трудности, казалось, устрасала его. Иногда он ласкался даже мыслью, что российский император при виде страшных сил, против него собранных, потщится отклонить войну, согласившись на все его требования. С удовольствием занимаясь сей мыслью, столь лестною для его кичливости, он воображал, что успеет исполнить все замыслы свои, не подвергаясь случайным происшествиям, которые сам почитал небезопасными; и, по мнению его, послание графа Нарбона долженствовало побудить императора Александра к изъявлению тех миролюбивых расположений, которые он толь самопроизвольно предполагал в нем. Наполеон совершенно обманулся в ожидании своем: граф Нарбон сам признался, что нашел российского императора в наилучшем расположении духа, не показывающего ни робости, ни самохвальства. Он привез в Дрезден отзыв, что Александр неотменно требует ответа на предложение, сделанное послом его в Париже, и не иначе соглашается вступить в переговоры, как по принятии упомянутых предварительных оснований.

Наполеон дал еще повеление генералу Лористону, посланнику своему в С.-Петербурге, дабы, испросив себе позволения ехать в Вильно, представил канцлеру российскому, сопутство-

вавшему императору Александру, что величавое требование о выводе войск французских из прусских владений было оскорбительно для Франции и посягало на независимость Пруссии, ибо сие значило требовать от короля Прусского разрыва политических обязательств, которые он заключил по праву, принадлежащему всем государям. Сие лжемудрое и посмеяния достойное рассуждение не обещало кротких видов со стороны французского министерства. К тому же император Александр не рассудил за благо принять французского посланника среди войск своих и велел предложить ему, дабы представил канцлеру на письме сообщения, которые имел сделать ему. Происшествия, скоро одно за другим следовавшие, не позволили продолжать сего дела.

Пребывание Наполеона в Дрездене ознаменовано было свиданием его с австрийским императором и королем Прусским, приехавшими в сей город. Император Австрийский сопровождаем был императрицей, супругой своей. Великолепные празднества, по сему случаю данные, продолжались до возвращения графа Нарбона из Вильно. На другой день, то есть 17 мая, Наполеон отправился из Дрездена в Торунь, куда и прибыл 24 числа того же месяца. Видя, что император Александр, не страшась множества сил, против него собранных, продолжал делать отсылы, приличные достоинству государя, решившегося сохранить свою независимость во что бы ни стало, он вознамерился не отлагать долее открытия похода из опасения, дабы не потерять в бесплодных переговорах времени, способнейшего к военным действиям. Чрез несколько дней по прибытии своем в Торунь приказал он послать к князю Куракину пропуска, им требуемые, и написать к генералу Лористону, дабы и сей равномерно потребовал себе пропуска. Тогда французские войска перешли уже реку Вислу и приближались к пределам России.

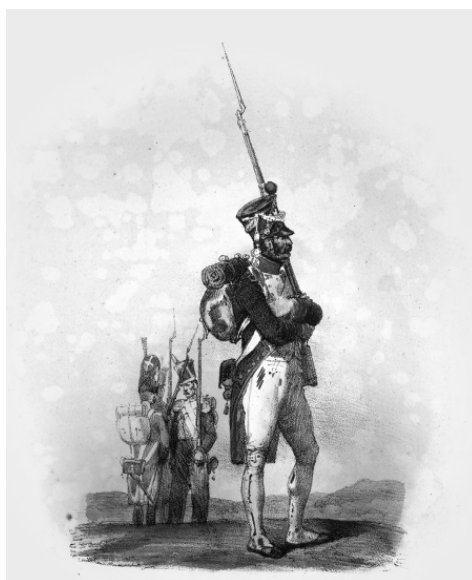
В то время, когда решался разрыв между Францией и Россией, сия последняя держава успела окончить дела свои с турками. Сношения в Бухаресте продолжались уже несколько месяцев, а уполномоченные не могли еще согласиться в статьях трактата. Переговоры сии были тем затруднительнее, что все опыты снисхождения, со стороны российских уполномоченных оказываемые, французские агенты представляли турецким поверенным как знак слабости, пользуясь которой, Порта должна была еще увеличивать свои требования. Наступающая война между французами и россиянами и трактат, 2 марта между Францией и Австрией заключенный, одной статьей коего обеспечивалась целостность владений оттоманских, придав новый вес рассуждениям французов, казалось, долженствовали бы еще усугубить затруднения в переговорах. В самом деле, начинали уже опасаться, что конгресс разойдется, и военные действия даже возобновились на Дунае, но воспоминание о предшествовавших поражениях и заступление Англии и Швеции превозмогли, наконец, все происки Франции. Мир подписан был в Бухаресте 16 мая. Порта уступила России всю Бессарабию с крепостями Измаилом, Килиею, Акерманом и часть Молдавии, на левой стороне реки Прута лежащую, вместе с крепостями Хотин и Бендерами. Трактат сей должно почитать весьма выгодным для России. Правда, что она отказалась от остатка Молдавии и Валахии – областей, обладание коими утверждено было за нею в эрфуртских сношениях, но в положении, в котором находилось тогда государство, для него не столько нужно было сделать новые приобретения, как, обезопасив южные пределы свои, все силы противопоставить буре, готовящейся разразиться от Запада.

Сделав краткое изложение политических сношений России с Францией и причин, побудивших к последнему разрыву между сими двумя державами, мы представим теперь читателю понятие о приготовлениях и военных способах обеих противных сторон.

Глава II

Внутренние приготовления к войне с обеих сторон. – Состав армий. – Описание театра войны.

Наполеон, решившись внести войну в самое сердце России, знал опасность своего предприятия и что не должно было пренебрегать никакими способами к увеличению своей армии, дабы превозмочь россиян превосходством сил, против них выставленных. Во Французской империи со времени присоединения к ней Голландии и германских департаментов считалось 43 100 000 жителей, не включая в то число иллирийских провинций с 1 500 000 жителей и Королевства Италийского, коего население простиралось до 6 400 000 душ. Итак, Наполеон, располагавший громадою более 50 миллионов народа, легко мог не только пополнить, но и увеличить многочисленную армию, налицо им содержимую.

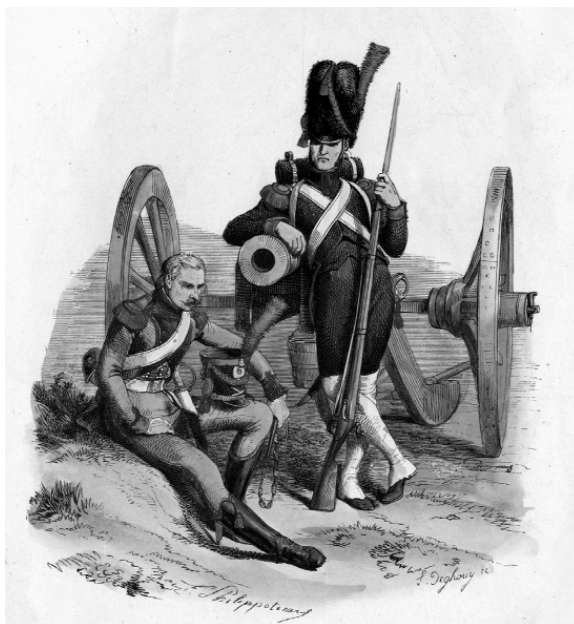
Французский пехотинец. 1808 г.

В конце 1810 года Французская армия состояла из 100 полков линейной и 28 полков легкой пехоты, 2 полков карабинерных, 14 кирасирских, 30 драгунских, 26 конноегерских и 11 гусарских. Почти во всех пехотных полках было по 5 батальонов и во всех кавалерийских – по 4 эскадрона. Войска сии распределены были следующим образом: в Испании находились 53 полка линейной и 16 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 25 драгунских, 8 конноегерских и 5 гусарских; в Италии было 16 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 5 полков драгунских, 4 конноегерских и 1 гусарский; в Иллирии и на Семи островах – 5 полков линейной и 3 полка легкой пехоты и 2 полка конноегерских; в Голландии – 5 полков линейной пехоты, 5 полков конноегерских и 1 гусарский; в колониях – 1 полк легкой пехоты; в Германской армии маршала Даву состояло 11 полков линейной и 2 полка легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 9 кирасирских, 1 конноегерский и 1 гусарский; во Франции оставались 10 полков линейной и 5 полков легкой пехоты, 1 полк карабинерный, 4 кирасирских, 8 конноегерских и 3 гусарских; сверх того, находились во Франции все четвертые и пятые батальоны полков Германской армии и пятые батальоны полков, употребленных в других землях; Императорская французская гвардия состояла из 24 батальонов и 22 эскадронов, из которого числа 22 батальона употреблены были в Испании. Кроме сих войск находились еще и другие, известные под названием

вспомогательных, или не вошедших в состав корпусов, которые и состояли большей частью из иностранных войск. Сии последние вместе с 4 швейцарскими полками, 3 варшавскими линейными полками и легионом Вислы, в коем было 6 батальонов и 4 эскадрона, составляли всего 62 батальона и 20 эскадронов. Артиллерия разделена была на 8 полков пеших и 6 полков конных. По списку 15 февраля 1811 года состояло налицо действующих войск: в Испании – 305 245 человек; в Италии – 47 846 человек; в Иллирии и на Семи островах – 16 685 человек; в Голландии – 22 823 человека; в Германии – 47 250 человек и, наконец, во Франции – 198 610 человек. Всего вообще 648 459 человек, кроме гвардии, в коей было 37 302 человека.

Сколь ни велики были сии силы, однако же они показались Наполеону еще недостаточными. В течение 1811 года Военный департамент с необыкновенной деятельностью занимался пополнением старых корпусов и составлением новых, в чем и успел с помощью конскрипции и присоединения бывших голландских полков. Тогда число полков линейной пехоты возросло до 107, а легкой пехоты – до 31. Полки, уже находившиеся в Германии, сформированы были в шесть батальонов, из коих пятые поступили в число действующих, а шестые остались внутри государства. Кавалерия также была умножена. Правда, что из 30 прежних драгунских полков оставлено только 24, но расформированные полки, равно как и два полка польских улан, считавшиеся в числе войск, не вошедших в состав корпусов, послужили к сформированию новых девяти легкоконных полков. К 26 уже существовавшим конноегерским полкам прибавлен еще один полк; каждый кирасирский полк приведен в 1100 человек; наконец, к девяти полкам пешей артиллерии прибавлен еще один полк. Императорская гвардия составлена была из 58 батальонов и 24 эскадронов, и намеревались еще увеличить оную.

Войска, не вошедшие в состав корпусов, были: два полка Средиземного моря, каждый из 5 батальонов; Валхеренский полк, 4-батальонный; полк острова Ре, 5-батальонный; четыре иностранных полка, из коих в одном было 5, в одном 6, а в остальных двух по 2 батальона; Испанский 4-батальонный полк; легион Вислы из четырех 2-батальонных полков; Португальский легион из трех 2-батальонных полков; полк Бель-Иль из 5 батальонов; Парижская гвардия из двух полков – одного 2-батальонного, а другого из одного батальона пехоты и одного эскадрона драгун; 6 полков кроатских, 2-батальонных; Албанский полк из 6 батальонов; один батальон острова Эльбы; Вализерландский батальон; Семи-Островский батальон; Римский батальон; Ганноверский батальон; Тосканские велиты; батальон возвратившихся егерей (*Chasseurs rentres*); 3 иностранных батальона; 3 батальона горных егерей и, наконец, 4 батальона колониальных фузилеров. К сему должно присовокупить еще четыре швейцарских 4-батальонных полка и Нефшательский батальон.

Французские артиллеристы. 1808 г.

По расписанию от 15 октября 1811 года все помянутые войска, составлявшие 815 батальонов и 380 эскадронов, и в них 850 тысяч человек, распределены были следующим образом:

В Испании находилось: 57 полков линейной пехоты, 17 полков легкой пехоты, 1 полк кирасирский, 20 драгунских, 9 конноегерских, 4 гусарских, 1 легкоконный, 2 полка иностранных, легион Вислы, Вализерландский и Ганноверский батальоны, 3 батальона горных егерей и батальон Нефшательский; всего 270 батальонов и 145 эскадронов.

В Италии состояло: 7 полков линейной и 1 полк легкой пехоты, 4 полка драгунских, 3 конноегерских, 1 гусарский, 2 полка иностранных и Испанский полк; всего 48 батальонов и 24 эскадрона.

В Иллирии и на Семи островах было: 2 полка линейной пехоты, 3 легкой пехоты, 1 конноегерский, 6 кроатских, Албанский полк и Семи-Островский батальон; всего 33 батальона и 2 эскадрона.

В Германии употреблены были 15 полков линейной и 4 полка легкой пехоты, 8 полков кирасирских, 4 конноегерских и 2 гусарских; всего 87 батальонов и 56 эскадронов.

В лагере при Утрехте (в Голландии) находились 4 полка линейной пехоты и 1 полк конноегерский; всего 16 батальонов и 5 эскадронов.

В лагерь при Зюйдлаарене (также в Голландии) было 3 полка линейной пехоты и 1 конноегерский; всего 13 батальонов и 4 эскадрона.

В лагерь при Булони – 6 полков линейной пехоты; всего 28 батальонов.

Внутри государства оставались: Императорская гвардия, 10 полков линейной и 6 полков легкой пехоты, 2 полка карабинерных, 5 кирасирских, 8 конноегерских, 4 гусарских, 8 легкоконных, 2 полка Средиземного моря, полки Вальхеренский, Иль-де-Ре, Бель-Иль, Иллирийские егеря, Португальский легион, Парижская гвардия, батальоны Эльбы, Римский, Тосканские велиты, батальон возвратившихся егерей, 3 батальона иностранных, 4 батальона колоннальных фузилеров и 4 швейцарских полка. Сверх того, там же находились 147 резервных батальонов и 18 запасных эскадронов от полков, употребленных за границей; всего 320 батальонов и 146 эскадронов.

Кроме вышеупомянутой многочисленной армии Наполеон располагал еще всеми силами Королевства Итальянского, Герцогства Варшавского, государей Рейнского союза и короля Неаполитанского.

Армия Королевства Италийского состояла из 5 батальонов пешей гвардии, 1 полка конной гвардии, 7 полков линейной и 3 полков легкой пехоты, 1 Далматского пехотного полка, 2 драгунских и 2 конноегерских. В пехотных полках было по 3 батальона, а в кавалерийских – по 4 эскадрона. В 1810 году наличное число людей сей армии простиралось до 49 800 человек, из коих 20 000 употреблены были в Испании.

Армия Герцогства Варшавского в 1811 году состояла из 17 полков пехотных, 1 кирасирского, 11 уланских, 2 конноегерских и 2 гусарских. Каждый пехотный полк состоял из 3 батальонов, а батальон из 840 человек; кавалерийские полки составлены были из 4 эскадронов, в каждом по 160 человек. Кроме сего находился еще один полк пешей артиллерии, один полк конной артиллерии и один саперный батальон. Три пехотных и два кавалерийских полка употреблены были в Испании. Войска, остававшиеся в герцогстве, по приведении их в полный комплект должны были составить более 43 000 человек. В начале 1812 года Наполеон дал повеление сформировать во всех пехотных полках еще четвертые батальоны, вместе с коими армия Герцогства Варшавского простиралась почти до 60 000 человек.

Армия короля Баварского составлена была из 12 полков линейной и шести батальонов легкой пехоты, шести полков легкоконных и одного артиллерийского. Линейные пехотные полки были 3-батальонные, из коих один резервный, в каждом батальоне находилось по 812 человек. Батальоны легкой пехоты состояли из восьми рот, в том числе двух резервных, в каждой роте было по 153 человека. Легкоконные полки состояли из 7 эскадронов, из коих один запасной, в каждом эскадроне было по 129 человек. Артиллерийский полк в 2035 человек состоял из 4 батальонов, в каждом по 5 рот, а в роте по 6 орудий. Вся Баварская армия в полном комплекте должна была состоять из 43 000 человек, в том числе 31 000 действующих в поле.

Король Саксонский имел один гвардейский гренадерский полк в 1666 человек, восемь полков линейной пехоты, каждый в 2075 человек, один полк конной гвардии, два кирасирских, четыре легкоконных и один гусарский. В каждом кавалерийском полку было по 718 человек, кроме гусарского, который состоял из 1002 человек. Все пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские 4-эскадронные. В Саксонской армии вместе с артиллерией состояло всего 29 670 человек.

Вестфальская армия составлена была из одного эскадрона конной гвардии в 168 человек; одного гвардейского легкоконного полка в 688 человек; одного гвардейского гренадерского батальона в 1005 человек; одного гвардейского егерского батальона в 654 человека; одного батальона гвардейских егерей-карабинеров в 434 человека; девяти полков линейной пехоты, в каждом по 2550 человек; одного батальона легкой пехоты в 850 человек; двух кирасирских полков – одного легкоконного и двух гусарских, в каждом из сих последних полков было по 829 человек. Все пехотные полки были 3-батальонные, а кавалерийские – 3-эскадронные. Три пехотных полка, батальон легкой пехоты и легкоконный полк находились в Испании. Вся Вестфальская армия в полном комплекте должна была состоять из 31 706 человек, из того числа около 7000 находились в Испании.

Армия короля Виртембергского состояла из одного полка конной гвардии в 375 человек; двух батальонов пешей гвардии и одного батальона гвардейских егерей, в каждом батальоне по 532 человека; двух полков легко конных, двух конноегерских и одного драгунского, в каждом полку по 500 человек; восьми полков линейной пехоты, в каждом по 1064 человека, и четырех батальонов легкой пехоты, в каждом по 532 человека. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские – 4-эскадронные, за исключением конногвардейского полка, который состоял только из 3 эскадронов. Вся Виртембергская армия в полном комплекте, вместе с артиллерией, состояла из 15 693 человек.

Великий герцог Баденский имел гренадерский полк в 1400 человек; полк линейной пехоты, употребленный в Испании, в 1800 человек; два других полка линейной пехоты, в каждом по 1656 человек; один батальон пеших егерей в 828 человек, один эскадрон конной гвар-

дии в 178 человек и, наконец, один драгунский и один гусарский полки, в каждом по 678 человек. Пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские – 6-эскадронные. Все войска Великого Герцогства, считая в комплекте вместе с артиллерией, состояли из 9024 человек; из того числа 1800 человек находились в Испании.

Участки прочих князей Рейнского союза составляли вообще более 23 000 человек, из коих около 20 000 находились в Испании.

В предыдущей главе уже сказано, что Наполеон усилил себя еще союзами, заключенными с Пруссией и Австрией.

Прусская армия, значительно уменьшенная после Тильзитского мира, в 1811 году состояла только из 47 081 человека, считая вместе с 369 пионерами и 3688 человек гарнизона. Пехота разделена была на шесть бригад, из коих в одной считалось 5219 человек, в двух – по 4632, а в остальных трех – по 4231 человеку. Кавалерия также разделялась на шесть бригад, соответственных пехотным, из коих в одной было 2316 человек, а в прочих пяти – по 1503 человека. Артиллерия состояла только из трех бригад, в каждой по 2039 человек. Вспомогательный корпус прусских войск, по силе союзного трактата отданный в распоряжение Франции, состоял из 20 батальонов, в каждом по 664 человека, и 24 эскадронов, в каждом по 164 человека; всего почти из 20 000 человек с 60 орудиями.

Военные силы Австрийского государства состояли из 38 2-батальонных полков немецкой пехоты; 15 3-батальонных полков венгерской пехоты; 11 полков пограничной пехоты; 9 батальонов егерей; 8 кирасирских и 6 драгунских 6-эскадронных полков; 6 легкоконных, 11 гусарских, одного полка пограничных гусаров, трех уланских 8-эскадронных полков и, наконец, четырех полков артиллерии, в каждом по 16 рот. Каждый батальон немецкой пехоты состоял из одной гренадерской роты в 116 человек и шести рот фузилерных, в каждой по 125 человек. Кадры третьего батальона в каждом полку состояли только из 98 человек, разделенных на четыре роты. Венгерские пехотные полки состояли из 18 рот, в том числе двух гренадерских, в каждой по 116 человек, и

16 фузилерных, в каждой по 145 человек. Из числа пограничной пехоты в шести полках было по 12 рот, в каждой по 206 человек; в одном полку 16 рот, в каждой по 206 человек, и в четырех полках по 12 рот, в каждой по 180 человек. Егерские батальоны были 2-ротные, в каждой роте по 144 человека, но в военное время прибавлялось к ним еще по две роты. В каждом кавалерийском эскадроне было по 120 человек, исключая пограничный гусарский полк, в коем эскадрон состоял из 149 человек, и уланские полки, имевшие в эскадроне по 130 человек. Артиллерийские роты состояли каждая на 170 человек. Из сего видно, что Австрийская армия должна состоять почти из 200 000 человек, но часть их находилась в отпуске.

Вспомогательный корпус, данный Австрией Наполеону, состоял из шести полков немецкой пехоты, четырех 2-батальонных полков венгерской пехоты, двух сводных гренадерских батальонов, трех батальонов пограничной пехоты, двух батальонов егерей, одного полка драгунского, двух легкоконных и четырех гусарских; всего из 30 000 человек с 60 пушками.

Из всего вышесказанного следует, что громада военных сил Наполеона в начале 1812 года состояла из следующих войск:

Французская армия	850 000	человек
Итальянская	50 000	
Герцогства Варшавского	60 000	
Баварская армия	40 000	
Саксонская	30 000	
Вестфальская	30 000	
Виртембергская	15 000	
Баденская	9 000	
Войска Рейнского союза	23 000	
Прусский вспомогательный корпус	20 000	
Австрийский вспомогательный корпус	30 000	
Неаполитанская армия	30 000	
Всего:	1 187 000	человек

Французский император, повелевая более нежели миллионом воинов, легко мог выставить против России сильную армию, не ослабляя армий своих, находившихся в Испании, однако ж, несмотря на несметность способов, бывших уже в его распоряжении, он помышлял еще о средствах приготовить сильный резерв. Способ, доставляемый конскрипцией, казался ему уже истощившимся, почему и приказал он из всех людей, способных к оружию как в Империи Французской, так и в Королевстве Италийском, составить народную стражу (Garde nationale), разделенную на три набора: в первом наборе заключались люди от 20 до 26 лет; второй набор составлен был из людей от 26 до 40 лет; а последний – из людей от 40 до 60 лет. По силе сенатского определения даже и первый набор, прежде прочих созданный, не должен был выходить из пределов империи, ибо исключительно назначался для содержания внутреннего порядка и охранения границ, больших приморских депо, арсеналов и крепостей. Сто когорт сего первого набора, каждая в 1120 человек, немедленно должны были поступить в распоряжение военного министра. Столь сильные оборонительные меры, каких Наполеон никогда еще не употреблял в прежних войнах своих, ясно показывают, что он верно исчислил всю трудность предприятия, на которое отваживался, и с того времени уже предвидел, что, перейдя за реку Неман, подвергнется опасности быть прогнанным назад к Рейну.

Французский император, устроив начала, необходимо нужные для составления новых сил, занялся образованием Главной армии, назначенной для нашествия на Россию. Она составлена была из 13 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов следующим образом: Отдельный гвардейский корпус под начальством маршалов Лефевра, Мортье и Бесси ера состоял из 32 батальонов и 27 эскадронов Французской гвардии, Лефевр-Нефшательского батальона, возвратившегося из Испании, 6 батальонов Дармштатских войск, гвардейских велитов принца Боргезе, велитов Тосканской гвардии, Испанского пионерного батальона, Португальского конногерского полка, пришедшего из Эпинала, одного эскадрона почетной гвардии, одного легкконного полка, возвратившегося из Испании, и, наконец, из легиона Вислы, который, равномерно пришед из Испании, присоединился к гвардейскому корпусу уже по открытию похода. В сем корпусе находилось 54 батальона и 35 эскадронов.

Маршал Лефевр (1755–1820)

1-й корпус под начальством маршала Даву состоял из 13 полков линейной пехоты; 4 полков легкой пехоты и трех конноегерских полков Германской армии; двух испанских батальонов полка Иосифа Наполеона, пришедших из Нимвегена; одного полка баденской пехоты; трех

батальонов мекленбургских и одного полка польских улан; всего из 88 батальонов и 16 эскадронов.

2-й корпус под начальством маршала Удино составлен был из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков, взятых из лагеря при Зюйдларене; двух пехотных линейных и одного конноегерского полков из лагеря при Утрехте; двух пехотных линейных полков из лагеря при Булони; одного Кроатского полка, пришедшего из Иллирии; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Антверпена; другого такого же полка из Безеля; 3-го Португальского полка из Оксона; четырех швейцарских полков; одного конноегерского полка, пришедшего из Страсбурга; другого такого же полка из Гренингена; третьего полка, возвратившегося из Испании; и, наконец, одного легкоконного полка, прибывшего из Седана; всего из 51 батальона и 20 эскадронов.

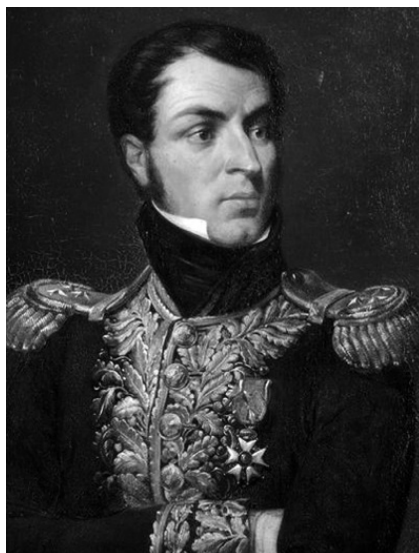
3-й корпус под начальством маршала Нея состоял из одного пехотного линейного полка Германской армии; двух пехотных линейных полков из лагеря при Утрехте; трех из лагеря при Булони; 1-го Португальского полка, пришедшего из Тула; 2-го Португальского из Лиона; одного полка легкой пехоты из Парижа; Иллирийского полка, прибывшего из Турина; одного конноегерского полка из Турина; одного гусарского из Фонтеная; одного легкоконного из Доля и, наконец, пяти пехотных линейных полков, четырех батальонов легкой пехоты и трех конноегерских полков виртембергских войск; всего из 48 батальонов и 24 эскадронов.

4-й корпус, составленный из войск, приведенных вице-королем Евгением из Италии, находился под его начальством.

Маршал Удино (1767–1847)

В нем было шесть полков линейной пехоты, возвращенных из Италии; два полка легкой пехоты – один Кроатский и один легкоконный, взятых из Иллирии; два батальона Испанского полка Иосифа Наполеона, возвратившихся из Италии; один легко конный полк, пришедший из Пармы; пять батальонов и четыре эскадрона Итальянской гвардии и, наконец, два полка линейной пехоты, два полка легкой пехоты, один Далматский, один драгунский и два конноегерских полка итальянских войск; всего 57 батальонов и 24 эскадрона.

*Генерал Ренье
(1771–1814)*

5-й корпус под начальством генерала князя Понятовского составлен был из одиннадцати полков пехотных, одного кирасирского, двух конноегерских, одного гусарского и одного уланского польских войск Герцогства Варшавского; всего из 44 батальонов и 20 эскадронов.

6-й корпус под начальством генерала графа Гувион-Сент-Сира состоял из одиннадцати полков линейной пехоты, шести батальонов легкой пехоты и четырех легкоконных полков баварских войск; всего из 28 батальонов и 16 эскадронов.

7-й корпус под начальством генерала Ренье составлен был из трех гренадерских батальонов, семи полков пехотных, одного драгунского, одного гусарского и одного уланского полка саксонских войск; всего из 17 батальонов и 16 эскадронов.

8-й корпус под начальством генерала Жюно состоял из трех батальонов гвардии, пяти полков линейной пехоты, трех батальонов легкой пехоты и двух гусарских полков вестфальских войск; всего из 16 батальонов и 8 эскадронов.

Маршал Ожеро (1757–1816)

9-й корпус под начальством маршала Виктора составлен был из одного полка линейной пехоты, пришедшего из лагеря при Зюйдлаарене; двух полков линейной пехоты из Булоньского лагеря; одного резервного полка, составленного из трех батальонов, взятых из Булоньского лагеря; одного полка легкой пехоты, прибывшего из Бреста; другого такого же полка, равномерно взятого изнутри Франции; четырех пехотных и одного уланского полков бергских войск; двух полков линейной пехоты, одного батальона легкой пехоты и одного гусарского полка баденских войск; трех польских пехотных полков Герцогства Варшавского; двух пехотных и одного драгунского полка саксонских войск; одного Вестфальского пехотного полка и, наконец, одного пехотного и одного драгунского полков дариштатских войск; всего из 54 батальонов и 16 эскадронов.

10-й корпус под начальством маршала Макдональда состоял из трех польских пехотных полков, одного баварского пехотного, одного вестфальского пехотного и, наконец, шести полков линейной пехоты, двух батальонов легкой пехоты, двух драгунских и двух гусарских полков прусских войск; всего из 36 батальонов и 16 эскадронов.

11-й корпус под начальством маршала Ожеро составлен был из одного полка легкой пехоты, взятого из Италии; двух полков линейной пехоты, пришедших из Бреста; третьего такого же полка из Шербурга; четвертого из Тулона; Бель-Ильского полка, прибывшего с острова Бель-Иля; Валхеренского полка, пришедшего из Миддельбурга; 1-го морского Средиземного полка из Пияченцы; 2-го морского Средиземного из Поркероля; полка Ре, прибывшего с острова Экс; десяти резервных полубригад, составленных из батальонов, оставшихся внутри Франции; восьми драгунских полков, взятых из Испании; одного пехотного полка и одного легкоконного эскадрона вирцбургских войск; пяти пехотных полков и четырех эскадронов неаполитанских войск; одного пехотного полка великого герцога Франкфуртского; трех пехотных полков князей Рейнского союза и, наконец, одного саксонского пехотного полка; всего из 83 батальонов и 37 эскадронов.

Вспомогательные австрийские войска составляли отдельный корпус под начальством генерала князя Шварценберга. Корпус сей состоял из четырех гренадерских батальонов, четырех полков венгерской пехоты, шести полков немецкой пехоты, двух батальонов пеших егерей, трех батальонов пограничной пехоты, одного драгунского, четырех гусарских и двух легкоконных полков; всего из 27 батальонов и 54 эскадронов.

1-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Нансути составлен был из пяти кирасирских полков, одного конноегерского и двух гусарских, взятых из Германской армии; одного кирасирского, прибывшего из Тионвила; одного легкоконного из Шартра; другого легкоконного из Амиена и третьего из Вильдесгаузена; двух польских уланских полков и одного прусского гусарского полка; всего из 60 эскадронов.

Французский драгун. 1810 г.

2-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Монбрюна составлен был из двух карабинерных полков, пришедших из Люневиля; четырех кирасирских, прибывших из Меца, Понт-а-Мусона, Бове и Сарр-Луи; двух конноегерских из Вердюна и Сент-Мигеля; двух легкоконных из Суассона и Шатодюна; двух полков гусарских из Стеная и Нев-Бризаха; одного польского гусарского, одного виртембергского конноегерского и одного прусского уланского; всего из 60 эскадронов.

3-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала графа Груши состоял из трех кирасирских полков Германской армии; четырех драгунских, трех конноегерских и

одного гусарского, взятых из Италии; одного легкоконного полка, пришедшего из Монмеди; двух баварских легкоконных и одного саксонского драгунского; всего из 60 эскадронов.

4-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерала Латур-Мобурга составлен был из двух саксонских кирасирских, двух вестфальских кирасирских и семи польских уланских полков; всего из 44 эскадронов.

В апреле месяце все корпуса сии пришли в движение: 1, 2, 3, 6, 7 и 8-й пехотные корпуса вместе с 1-м и 2-м кавалерийскими вступили в прусские владения и Саксонию и, по переходе чрез реку Одер, подвинулись к Висле. 4-й корпус и 3-й кавалерийский, выступив из Вероны, прошли через Тироль в Силезию. 5-й корпус и 4-й кавалерийский расположились по реке Висле. 10-й корпус собрался между Данцигом и Кенигсбергом. Австрийский корпус собрался в Галиции, в окрестностях города Лемберга. Гвардия Наполеона выступила из Парижа к Дрездену. 9-й корпус оставался в резерве, между реками Эльбой и Одером. 11-й корпус начинал составляться в окрестностях Майнца.

В начале мая месяца Французская армия достигла берегов реки Вислы. 1-й корпус пришел в Эльбинг и Мариенбург, 2-й – в Мариенвердер, 3-й – в Торунь, 4-й и 6-й – в Плоцк, 5-й – собрался в самой Варшаве, 8-й – по правую сторону Варшавы, 7-й – в Пулавах, а гвардия прибыла в Дрезден.

В то время, когда Наполеон вышесказанным образом приготавливался к нападению, император Александр, со своей стороны, также принимал деятельные меры к обороне. Мы видели, что в 1810 году можно было уже предвидеть близкий разрыв между обоими государствами, и с того самого года российское правительство начало военные приготовления свои, положив укрепить некоторые пункты, дабы впоследствии они могли служить опорой действий для его армий. На сей конец приказано было усилить оборону крепостей Киева и Риги и построить две новые крепости: одну – в Бобруйске на реке Березине, а другую – в Динабурге на Двине. Постройка Бобруйска производилась с такой деятельностью, что при открытии неприятельских действий крепость сия была почти совсем готова, но работы, предпринятые в Динабурге, только что начаты были, когда военные происшествия принудили прекратить их.

Российское военное министерство обратило внимание свое не на одну только постройку новых оплотов, оно занялось также пополнением и умножением военных сил государства. В июне месяце 1810 года Российская армия состояла из 13 гренадерских полков, 96 пехотных, 32 егерских, 6 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских. Сверх того, находилась еще лейб-гвардия, составленная из трех полков гренадерских, одного егерского, одного Финляндского егерского батальона, двух полков кирасирских, одного драгунского, одного гусарского, одного уланского, одного казачьего и сотни уральских казаков. Российская артиллерия состояла из 25 бригад, не считая гвардейского пешего батальона и гвардейской конвойной роты. Пионеров было два полка. Сверх того, находилось 105 гарнизонных батальонов, в том числе один гвардейский. Все гренадерские, пехотные и егерские полки были 3-батальонные, кроме лейб-гвардии Преображенского полка, состоявшего из 4 батальонов. В каждом батальоне линейных войск было по 738 человек, в каждом гвардейском батальоне по 764 человека. Все кирасирские и драгунские полки были 5-эскадронные, а гусарские и уланские – 10-эскадронные, кроме гвардейских гусарского и уланского полков, в коих было по 5 эскадронов. Лейб-гвардии казачий полк состоял только из трех сотен. В каждом кавалерийском эскадроне было по 151 человеку, а в гвардейском эскадроне – 159 человек. Из числа 25 артиллерийских бригад, в шестнадцати было по 6 рот, в семи по 5 рот, а в двух по 4 роты. В каждой артиллерийской роте было от 240 до 250 человек с 12 орудиями.

Вся армия, состоявшая из 437 батальонов и 399 эскадронов, разделялась на 25 дивизий; 1-я дивизия составлена была из полков лейб-гвардии с присовокуплением одного гренадерского и одного пехотного полков. В 6-й дивизии было пять пехотных полков, один егерский, один кирасирский, один драгунский и два уланских. 15-я и 17-я дивизии состояли каждая из

четырех пехотных полков, двух егерских и двух драгунских. В 19-й дивизии было три полка пехотных, один егерский и четыре драгунских. В 20-й дивизии – два полка гренадерских, шесть пехотных, три егерских и один драгунский. В 23-й дивизии находилось только два полка пехотных и один драгунский. В 25-й дивизии – три полка пехотных, один егерский и два драгунских. В 13, 21 и 24-й дивизиях, составленных из одних пехотных и егерских полков, не было кавалерии: 13-я дивизия состояла из восьми, 21-я из шести, а 24-я из двух полков. Остальные четырнадцать дивизий составлены были каждая из шести полков гренадерских, пехотных или егерских, двух полков кирасирских или драгунских и одного полка гусарского или уланского.

Кирасир русской армии. 1810 г.

Все сии войска разделялись на три армии, пять отдельных корпусов и три отдельные дивизии. 1-я отдельная дивизия под начальством Его Императорского Высочества великого князя цесаревича Константина Павловича находилась в С.-Петербурге и состояла из 21 943 человек.

Корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля, расположенный в Финляндии, состоял из 17, 21 и 6-й дивизий, кроме кавалерии, принадлежавшей к сей последней; в нем считалось 33 040 человек.

Корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, назначенный для охранения берегов Балтийского моря, расположен был в Лифляндии и состоял из 14-й и 5-й дивизий, за исключением двух драгунских полков и пяти уланских эскадронов, принадлежащих к 5-й дивизии; в нем было всего 29 414 человек.

Корпус генерал-лейтенанта Эссена 1-го, находившийся в Литве, состоял из 2, 3 и 4-й дивизий, в коих пехотные полки были 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные; в нем было всего 36 779 человек.

Корпус генерала от инфантерии Дохтурова, расположенный на Волыни, состоял из кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Меллера-Закомельского, составленного из кавалерийских полков 5-й и 6-й дивизий, к коим присовокуплен был еще один кирасирский полк от 22-й и один драгунский от 18-й дивизии и из 7, 25 и 9-й дивизий. Из сей последней дивизии взяты были один льготный полк и четыре эскадрона гусаров, но взамен того придан к ней один драгунский и один гусарский полки от 10-й дивизии. Все полки сего корпуса также были пехотные 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные; в нем находилось всего 38 298 человек.

П. Х. Витгенштейн
(1768–1843)

Резервная армия под начальством генерала от инфантерии Милорадовича, расположенная вдоль по Двине и Днепру, составлена была из резервных батальонов и запасных эскадронов 4, 2, 3, 7, 10, 25, 9 и 18-й дивизий и запасных эскадронов 5, 6 и 22-й дивизий; в ней считалось всего 38 350 человек.

Молдавская армия под начальством генерала от инфантерии графа Каменского 2-го, действовавшая против турок, состояла из одного пехотного полка 9-й дивизии, четырех пехотных полков 13-й дивизии, всех пехотных полков 10-й дивизии и из целых 11, 12, 15, 16, 18 и 22-й дивизий, за исключением одного гусарского полка от 12-й дивизии, одного драгунского от 18-й дивизии и одного кирасирского от 22-й дивизии. Три полка 13-й дивизии и все полки 10-й и 18-й дивизий были пехотные 2-батальонные, а кавалерийские 4- и 8-эскадронные. Число войск Молдавской армии простиралось до 115 687 человек. Впоследствии она усилена была еще пехотными полками 9-й дивизии, которые приказано было генералу Дохтурову отправить к ней для пополнения урона, понесенного сей армией на неудачном приступе к Рушуку.

Корпус генерал-лейтенанта герцога Ришелье, расположенный в Одессе и в Крыму, составлен был из пяти гусарских эскадронов от 9-й дивизии, одного драгунского полка от 10-й дивизии, одного гусарского полка от 12-й дивизии и из всей 13-й дивизии, за исключением девяти батальонов, употребленных из Молдавской армии. В сем корпусе находилось всего 14 862 человека.

Грузинская армия под начальством генерала от кавалерии Тормасова, действовавшая против персиян, состояла из 19-й и 20-й дивизии, в которых было всего 34 837 человек.

23-я дивизия под начальством генерала от кавалерии князя Болконского, расположенная на пограничной Оренбургской линии, состояла из 5580 человек.

Наконец, 24-я дивизия под начальством генерал-лейтенанта Глазенапа, расположенная на пограничной Сибирской линии, состояла из 4169 человек.

Д. С. Доктуров (1759–1816)

Из вышесказанного видно, что во всей Российской армии находилось около 400 тысяч человек регулярных войск, к коим должно еще присовокупить с лишком 70 тысяч человек гарнизона и более 100 тысяч нерегулярных войск.

В течение 1811 года как в составе, так и в размещении армии произошли большие перемены.

В конце 1810 года правительство для пополнения обыкновенной убыли людей в корпусах и потерь, понесенных Молдавской армией в кровопролитном походе, ею выдержанном,

повелело сделать рекрутский набор по три человека с 500 душ мужского пола во всей империи, кроме новоприобретенных Финляндии, Грузии и областей Белостокской и Тернопольской. Люди сего набора употреблены были для пополнения уже существующих полков и формирования новых: один пехотный полк переименован был в гренадерский, а 14 пехотных же полков – в егерские; взамен их сформировано 15 новых пехотных полков и 4 егерских, от чего армия и составила из 14 полков гренадерских, 96 пехотных и 50 егерских. К прежним шести кирасирским полкам было вновь сформировано еще два полка. Лейб-гвардия равномерно была увеличена. В Преображенском 4-батальонном полку убавлен один батальон, который и послужил основанием к составлению нового гренадерского 3-батальонного полка. Из лейб-гвардии Финляндского батальона также составлен новый комплектный егерский полк. Таким образом, в Российской армии состояло всего 498 батальонов и 409 эскадронов, не считая 97 гарнизонных батальонов.

Внутренний состав дивизий также изменился: кавалерия, отделенная от пехоты, разделена была на две кирасирские, восемь кавалерийских и одну гвардейскую кавалерийскую дивизии. В каждой кирасирской дивизии находилось по пяти полков вместе с двумя гвардейскими полками, поступившими в состав 1-й кирасирской дивизии. Каждая кавалерийская дивизия состояла из четырех драгунских и двух гусарских или уланских полков, кроме 4-й дивизии, которая была сильнее прочих одним гусарским полком, и 8-й дивизии, составленной токмо из трех драгунских и одного гусарского полка. Гвардейские кавалерийские полки, за исключением двух кирасирских, составили гвардейскую кавалерийскую дивизию. Из пяти драгунских полков, не вошедших в состав дивизии, два оставлены были в Финляндии при корпусе генерал-лейтенанта Штейнгеля, один присоединен к 19-й пехотной дивизии, находившейся на Кавказской линии, а два последние остались при 20-й пехотной дивизии, употребленной в Грузии. Вся пехота разделена была на 27 дивизий, не считая лейб-гвардии, составившей отдельную дивизию. В двух первых пехотных дивизиях находилось в каждой по шесть гренадерских полков; все же прочие дивизии, за исключением 19, 20, 23 и 25-й, состояли каждая из четырех полков пехотных и двух егерских. 19-я и 23-я дивизии остались по-прежнему, каждая из трех пехотных и одного егерского полка. 20-я дивизия состояла из двух гренадерских, пяти пехотных и четырех егерских полков. Наконец, в 25-й дивизии были только один пехотный и два егерских полка, но в случае войны положено было усилить ее тремя морскими полками, находившимися в Кронштадте.

Офицер и пехотинец русской армии

В состав 1-й гренадерской дивизии поступили гренадерские полки, расположенные в С.-Петербурге и в бывших польских губерниях; а в состав 2-й дивизии – все гренадерские полки Молдавской армии. Тогда 2-я пехотная дивизия переименована была в 11 – ю, а имевшая прежде сей номер расформирована. 23-я и 24-я дивизии соединены в одну дивизию, получившую номер 23. 25-я дивизия названа 24-й, и составлены еще новые три пехотные дивизии, означенные номера 25, 26 и 27. Кроме сих дивизий находились еще 28-я и 29-я, составленные из одних гарнизонных батальонов.

Несогласия, возникшие между петербургским и тюльерийским дворами, сделались наконец столь важными, что невозможно уже было долее сомневаться в скором разрыве, почему император Александр и счел за нужное усилить корпуса, расположенные на западной границе его государства. Для сего собран был новый корпус войск между реками Двиной и Вилией, а корпус генерала Дохтурова, значительно увеличенный, преобразован в армию и поступил под начальство генерала от инфантерии князя Багратиона.

В то же время 17-я пехотная дивизия, отчисленная от Финляндского корпуса, переведена была на Двину-реку, и главнокомандующему Молдавской армией дано повеление отослать за реку Днестр пять дивизий из числа девяти, составлявших его армию. Однако ж необходимость удержать чрезвычайные усилия турок, которые в конце похода 1811 года сами перешли на левый берег Дуная, принудила снова отправить к Молдавской армии две из упомянутых дивизий, расположенных на Днестре.

Взамен того 23-я пехотная дивизия, выведенная из Оренбурга и Омска, получила приказание следовать в Могилев на Днепр.

Ф. Ф. Штейнгель
(1762–1831)

1 января 1812 года военные силы Российского государства распределены были таковым образом:

В Финляндии находился корпус генерал-лейтенанта Штейнгеля, составленный из двух драгунских полков и 6, 21 и 25-й пехотных дивизий; всего из 30 653 человек.

В С.-Петербурге расположен был корпус Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича, состоявший из гвардейской кавалерийской дивизии, гвардейской пехотной дивизии, двух гвардейских кирасирских полков, двух гренадерских и одного пехотного полка; в коих было всего 28 526 человек.

В Лифляндской и Курляндской губерниях размещен был корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, составленный из 1-й кавалерийской и 5-й и 14-й пехотных дивизий; всего из 34 290 человек.

В Виленской и Витебской губерниях стоял корпус генерал-лейтенанта Багговута, составленный из 1-й кирасирской, 2-й кавалерийской, 1,4 и 17-й пехотных дивизий, за исключением двух кирасирских и двух гренадерских полков; всего из 47 520 человек.

В Гродненской, Минской и Могилевской губерниях находился корпус генерал-лейтенанта Эссена 1-го, составленный из 3-й кавалерийской и 23, 3 и 11-й пехотных дивизий, за исключением одного пехотного полка из сей последней; всего из 41 045 человек.

На Волыни и в Подолии расположена была армия генерала от инфантерии князя Багратиона, составленная из 2-й кирасирской, 4-й и 5-й кавалерийских, 2,7,12,18,24 и 26-й пехотных дивизий; всего из 104 322 человек.

На реке Дунай стояла Молдавская армия генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, составленная из 6-й и 7-й кавалерийских, 8, 9,10,15,16 и 22-й пехотных дивизий, за исключением восьми батальонов 9-й дивизии; в ней было всего 87 026 человек.

В Крыму и поблизости сего полуострова находился корпус генерал-лейтенанта герцога Ришелье, состоявший из 8-й кавалерийской, 13-й пехотной дивизий и восьми батальонов, отделенных от 9-й дивизии; всего из 19 501 человека.

На Кавказской линии был корпус генерал-лейтенанта Ртищева, составленный из одного драгунского полка и 19-й пехотной дивизии; всего из 9928 человек.

В Грузии находился корпус генерал-лейтенанта маркиза Пауллуччи, составленный из двух драгунских полков и 20-й пехотной дивизии, в котором было 23 745 человек.

В Москве, во вновь сформированной 27-й пехотной дивизии, состоял 10 641 человек.

Присовокупив к вышеупомянутым войскам 2417 человек учебных войск, 4051 пионера, 4851 человека резервной артиллерии и 69 166 человек гарнизона и служащих инвалидов, окажется, что в то время все сухопутные силы Российской империи состояли из 517 682 человек регулярных войск.

Образование столь многочисленной армии не истощило деятельности российского правительства: оно пеклось также и о составлении сильных резервов. Высочайшим указом от 16 сентября 1811 года уже предписан был рекрутский набор по четыре человека с 500 душ мужского пола во всей империи, кроме новоприобретенной Финляндии, Грузии и областей Белостокской и Тернопольской. Сей набор послужил к составлению многочисленных рекрутских депо, расположенных во внутренних губерниях, ближайших к тем, в коих собирались армии.

Дабы обеспечить продовольствие войск, собранных на границе, главные депо с провиантом и фуражом учреждены были в Новгороде, Соснице и Трубчевске. Главные магазины размещены в Риге, Динабурге, Бобруйске, Киеве, Вильно, Заславе и Луцке, а другие, меньшие магазины – в Дриссе, Великих Луках, Шавле, Вилкомире, Свенцанах, Гродне, Бресте-Литовском, Слониме, Слуцке, Пинске, Мозыре, Старом Константинове, Житомире, Остроге, Дубне и Ковеле.

Сколь ни явны были неприязненные расположения французского императора, однако российское правительство весьма затруднялось в военных приготовлениях своих необходимою сохранять наружный вид миролюбия, дабы не дать Наполеону никакого предлога обвинять Россию в вызове на войну. Но когда вступление французских войск в Пруссию и движение к реке Висле подало несомненный знак к разрыву, тогда император Александр, признав, что наступило уже время отложить всякую осторожность, занялся единственно составлением действующих армий на западной границе государства. Гвардия получила повеление выступить из С.-Петербурга в Вильно, и в то же время предписано было генералу Кутузову, дабы отослав из Молдавской армии две пехотные дивизии, присоединившиеся к ней в конце похода 1811 года, направил их к городу Луцку, назначенному местом соединения для армии князя Багра-

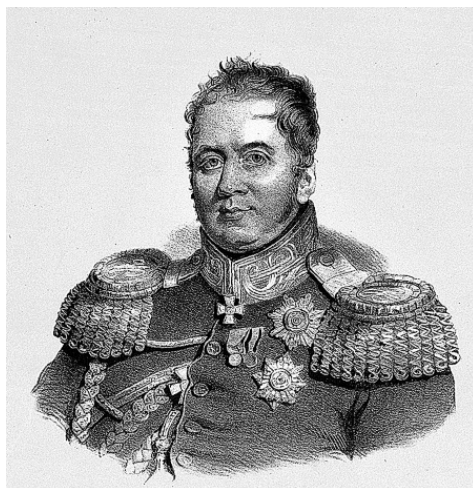
тиона. Сверх того, крайность обстоятельств побудила императора Александра повелеть новый рекрутский набор по два человека с 500 душ мужского пола, посредством коего умножено число людей, находившихся в рекрутских депо.

Все войска, собранные на западной границе государства, составили две армии, разделенные на разные корпуса:

Первая Западная армия, вверенная военному министру генералу от инфантерии Барклаю де Толли, имела главную квартиру свою в Вильно и состояла из шести пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов.

1-й корпус, или отдельный правого крыла, под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна состоял из 5-й и 14-й пехотных дивизий, двух драгунских и одного гусарского полков от 1-й кавалерийской дивизии, трех артиллерийских бригад и трех казачьих полков.

Во 2-м пехотном корпусе под начальством генерал-лейтенанта Багговута находились 4-я и 17-я пехотные дивизии, один гусарский полк от 2-й кавалерийской дивизии, две артиллерийские бригады и рота конной артиллерии.

Ф. К. Корф
(1773–1823)

3-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Тучкова 1-го составлен был из 3-й пехотной и 1-й гренадерской дивизий, двух артиллерийских бригад, роты конной артиллерии, лейб-гвардии казачьего и еще одного казачьего полка.

4-й пехотный корпус под начальством генерал-адъютанта графа Шувалова состоял из 11-й и 23-й пехотных дивизий, одного гусарского полка от 2-й кавалерийской дивизии и двух артиллерийских бригад.

5-й корпус под начальством Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича составлен был из дивизий: гвардейской пехотной, 1-й кирасирской и сводной гренадерской с гвардейской артиллерией.

В 1-м резервном кавалерийском корпусе под начальством генерал-адъютанта Уварова находились: гвардейская кавалерийская дивизия, за исключением лейб-казаков, два драгунских полка от 1-й кавалерийской дивизии, один драгунский полк от 3-й дивизии и рота конной артиллерии.

2-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-адъютанта барона Корфа состоял из одного уланского полка от 1-й кавалерийской дивизии, четырех драгунских полков от 2-й дивизии и четырех рот артиллерии.

6-й корпус, или отдельный левого крыла, под начальством генерал-лейтенанта Эссена 1-го составлен был из 7-й и 24-й пехотных дивизий, 3-й кавалерийской дивизии за исключением

одного драгунского полка, двух артиллерийских бригад и четырех казачьих полков. Сия кавалерия составляла 3-й резервный кавалерийский корпус, который, следовательно, и был соединен с 6-м корпусом.

Все вышеупомянутые корпуса размещены были следующим образом: 1-й – в Шавле; 2-й – в Вилкомире; 3-й – в Вильно; 4-й – в Василишках; 1-й кавалерийский – в Оникштах; 2-й кавалерийский – в Новогрудке и 6-й корпус – в Пружанах.

Сверх того, летучий корпус из 15 казачьих полков с ротой Донской конной артиллерии, находившийся в Белостоке, под начальством войскового атамана генерала от кавалерии Платова равномерно составлял часть Первой Западной армии.

Вторая Западная армия находилась под предводительством генерала от инфантерии князя Багратиона, коему и дано было повеление перевести главную квартиру свою из Житомира в Луцк. Сия армия состояла из четырех пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов.

7-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Раевского составлен был из 26-й и 12-й пехотных дивизий с двумя артиллерийскими бригадами.

Офицеры и солдаты русской армии

В 8-м пехотном корпусе под начальством генерала от инфантерии Каменского 1-го находились 18-я пехотная и сводная гренадерская дивизии с одной артиллерийской бригадой.

9-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Маркова состоял из 15-й и 9-й пехотных дивизий с двумя артиллерийскими бригадами.

10-й пехотный корпус под начальством генерала от инфантерии Дохтурова составлен был из 2-й гренадерской и 2-й кирасирской дивизий.

4-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-майора Чаплина состоял из 4-й кавалерийской дивизии.

5-й резервный кавалерийский корпус под начальством генерал-адъютанта графа Ламберта состоял из 5-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при Второй армии находились 12 рот артиллерии и десять казачьих полков.

Все пехотные полки, поступившие в состав двух действующих армий, были двухбатальонные; полки тяжелой кавалерии состояли каждый из четырех эскадронов, а полки легкой кавалерии – каждый из восьми эскадронов. Одни только шесть пеших гвардейских полков, исключительно сего правила, выступили в поход в трех батальонах.

Третьи батальоны пехотных, пятые эскадроны тяжелых кавалерийских, девятые и десятые эскадроны легких кавалерийских полков поступили в состав резервных войск. Однако из гренадерских рот, взятых от резервных батальонов, составлены были сводные гренадерские батальоны. 5, 14, 3, 11, 7 и 24-я пехотные дивизии удержали при себе свои сводные гренадерские

батальоны, но батальоны 1-й гренадерской, 4, 17 и 23-й пехотных дивизий составили сводную гренадерскую дивизию Первой армии; гренадерские же батальоны от шести пехотных дивизий Второй армии составили сводную гренадерскую дивизию при ней.

Вышеупомянутые резервные батальоны и запасные эскадроны поступили в состав новых восьми пехотных и четырех кавалерийских дивизий: 30-я пехотная дивизия состояла из резервных батальонов 14-й и 4-й дивизий; 31-я дивизия – из батальонов 5-й и 17-й дивизий; 32-я – из батальонов 1, 23 и 11-й дивизий; 33-я – из батальонов 3-й и 7-й дивизий; 34-я – из батальонов 24-й и 26-й дивизий; 35-я – из батальонов 2-й и 12-й дивизий; 36-я – из батальонов 18-й и 15-й дивизий; а 37-я – из батальонов 27-й и 29-й дивизий.

9-я кавалерийская дивизия составлена была из запасных эскадронов 1-й кирасирской, гвардейской и 1-й и 2-й кавалерийских дивизий; 10-я – из эскадронов 3-й и 4-й кавалерийских дивизий; 11-я – из эскадронов 4-й и 5-й кавалерийских и 2-й кирасирской дивизий; а 12-я – из эскадронов 6-й и 7-й кавалерийских дивизий, находившихся в Молдавской армии.

Из этих резервных войск составлены были два корпуса: 1-й резервный корпус под начальством генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского, имевший корпусную квартиру свою в городе Торопце, состоял из 32-й и 33-й пехотных дивизий и 9-й кавалерийской; 2-й резервный корпус под начальством генерал-лейтенанта Эртеля, имевший корпусную квартиру свою в городе Ромне, состоял из 27-й дивизии, сформированной в Москве, 34, 35 и 36-й пехотных и 10-й и 11-й кавалерийских дивизий; 30-я и 31-я дивизии составили гарнизон Риги под начальством военного губернатора сего города генерал-лейтенанта князя Лобанова-Ростовского. Наконец, 12-я кавалерийская дивизия, оставшаяся в резерве у города Ольвиополя, находилась в готовности присоединиться, смотря по обстоятельствам, к Молдавской или ко Второй Западной армии. Причем должно заметить, что все резервные батальоны и запасные эскадроны были весьма слабы, ибо из них пополнены были действующие батальоны и эскадроны, и к тому еще резервные батальоны, по взятии от них гренадерских рот, были только трехротные.

Тридцать шесть рекрутских депо, в три линии расположенных по внутренним губерниям, ближайшим к театру войны, назначены были к пополнению убыли в действующих войсках. Депо первой линии находились в селении Подгоще, городах Старой Русе, Холму, Торопце, Белом, Вязьме, Ельне, Рославле, Стародубе, Новгород-Северском, Конотопе, Ромне, Сумах, Змиеве, Изюме, Чигрине, Новомиргороде, Елисаветграде и Ольвиополе. Депо второй линии были в городах Петрозаводске, Новгороде, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославле. Наконец, депо третьей линии размещены в городах Вологде, Ярославле, Владимире, Рязани, Тамбове, Воронеже и Черкасске. Кроме сих тридцати шести депо было еще пять, учрежденных в городах Каргополе, Олонце, селении Ивановке вблизи Славыносербска, Таганроге и Азове. Два первые должны были служить для 6-й и 21-й дивизий, оставшихся в новоприобретенной Финляндии. Ивановское депо назначено было для 13-й пехотной дивизии, расположенной в окрестностях Одессы и в Крыму, а Таганрогское и Азовское депо принадлежали к 19-й и 20-й дивизиям, находившимся в Грузии и на Кавказской линии. Дабы сделать подвижными депо первой линии, то из них составлены были четвертые батальоны пехотных, шестые эскадроны тяжелых кавалерийских, и 11-й и 12-й эскадроны легких кавалерийских полков, употребленных в действующих корпусах. Сии батальоны и эскадроны, названные запасными батальонами и эскадронами, составили девять новых пехотных дивизий, означенных номерами 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46 и 47, и четыре кавалерийские дивизии за номерами 13, 14, 15 и 16. Каргопольское и Олонецкое депо равномерно составили пехотную дивизию номер 38; в состав 39-й пехотной дивизии из 4500 человек поступили шесть батальонов Подгощинского и столько же батальонов Старорусского депо; в состав 40-й дивизии из 5400 человек – шесть батальонов Холмского и шесть батальонов Торопецкого депо; 41-й дивизии из 5500 человек – шесть батальонов Белого и шесть батальонов Ваземского депо; 42-й дивизии из 7800 человек – четыре батальона Еленского, пять батальонов Рославльского

и шесть батальонов Стародубовского депо; 43-й дивизии из 5300 человек – шесть батальонов Новгород-Северского и шесть батальонов Конотопского депо; 44-й дивизии из 6600 человек – шесть батальонов Роменского и шесть батальонов Сумского депо; 45-й дивизии из 6200 человек – шесть батальонов Изюмского и шесть батальонов Змиевского депо; 46-й дивизии из 4700 человек – шесть батальонов Чигринского и шесть батальонов Новомиргородского депо; 47-й дивизии из 5000 человек – шесть батальонов Елисаветградского и шесть батальонов Ольвиопольского депо; 13-я кавалерийская дивизия из 4000 человек составлена была из эскадронов Подгощинского, Старорусского, Холмского, Торопецкого, Еленского и Рославльского депо, в каждом депо по 4 эскадрона; 14-я кавалерийская дивизия из 1600 человек состояла из шести эскадронов Новгород-Северского депо и четырех эскадронов Конотопского депо; 15-я кавалерийская дивизия из 1400 человек – из четырех эскадронов Роменского и четырех эскадронов Сумского депо и, наконец, 16-я кавалерийская дивизия из 2500 человек – из эскадронов Чигринского, Новомиргородского, Екатеринославского и Ольвиопольского депо, в каждом депо по четыре эскадрона. Сим новым дивизиям предположено было следующее назначение: 39,40,41 и 42-я пехотные и 13-я кавалерийская дивизии должны были усилить Первый резервный корпус, а 14-я кавалерийская дивизия присоединиться ко второму резервному корпусу; между тем как 43,44,45,46 и 47-я пехотные дивизии, 15-я и 16-я кавалерийские составили бы новую резервную и вместе наблюдательную армию, которая, будучи усилена 12-й кавалерийской дивизией, собралась бы при городе Дубно под начальством генерала от кавалерии Тормасова. Скорое открытие похода воспрепятствовало окончить формирование упомянутых дивизий, а батальоны и эскадроны, долженствовавшие поступить в состав оных, постепенно употреблены были для усиления действующих армий.

Российское правительство обратило внимание свое также и на учреждение резервных артиллерийских парков. Парки первой линии размещены были: в Вильно – для трех дивизий, в Динабурге – для пяти, в Несвиже – для одной, в Бобруйске – для двух, в Полонном – для трех и в Киеве – для шести дивизий. Парки второй линии находились: в Пскове – для четырех дивизий, в Порхове – для четырех, на Шостенском пороховом заводе – для пяти, в Брянске – для четырех и в Смоленске – для двух дивизий; наконец, парки третьей линии расположены были: в Москве – для двух дивизий, в Новгороде – для восьми и в Калуге – для девяти дивизий. По устройении всех вышесказанных мер император Александр отправился из С.-Петербурга в Вильно и, прибыв туда 16 апреля, вскоре засим изволил отъехать для осмотра корпусов Первой армии, расположенных в окрестностях сего города.

Поскольку казалось весьма вероятным, что страна между реками Неманом, Березиной и Двиной сделается театром войны, то и положено было устроить укрепленный лагерь на левом берегу Двины, при городе Дриссе, дабы в случае надобности иметь безопасный пункт, к которому могли бы отступить разные корпуса Первой армии. Укрепления сего лагеря скоро были окончены. Кроме сего построено также предмостное укрепление на реке Березине, при городе Борисове, дабы владеть переправой в сем важном пункте, лежащем на большой дороге из Вильно через Минск и Смоленск в Москву.

Между тем как россияне вышесказанным образом приготавливались к обороне на своих границах, Французская армия продолжала движение к реке Неману. В конце мая месяца маршал Даву прибыл в Кенигсберг, маршал Удино – в Велау, маршал Ней – в Гольдаш, вице-король Итальянский с 4-м и 6-м корпусами – в Растенбург, король Вестфальский с 8-м и 7-м корпусами – в Варшаву, а князь Понятовский со своим корпусом – в Пултуск. 31 мая Наполеон подвинул главную квартиру свою в Кенигсберг.

Сии движения, очевидно показывавшие, что главные военные действия производиться будут на нижней части реки Немана, требовали перемены в составе и назначении Второй Западной армии, почему рассуждено за благо сблизить ее с Первой армией, а для прикрытия Волыни составить Третью армию. На сей конец князь Багратион получил повеление перейти из

окрестностей Луцка в Пружаны, со 2, 19 и 26-й пехотными дивизиями, 2-й кирасирской дивизией и 4-м резервным кавалерийским корпусом, за исключением Павлоградского гусарского полка. 6-й пехотный корпус, над коим генерал Дохтуров принял начальство, переведен был из Пружан в Волковиск и присоединен ко Второй армии. Генерал-лейтенант Эссен 1-й, дотоле командовавший сим корпусом, назначен был генерал-губернатором в Ригу, на смену генерала князя Лобанова-Ростовского, которому приказано отправиться во Владимир на Клязьме для надзора за формированием новых резервных войск. 9, 15 и 18-я пехотные дивизии, Павлоградский гусарский полк и 5-я кавалерийская дивизия, оставшаяся в окрестностях Луцка, составили Третью Западную армию, предводительство над коей вверено было генералу от кавалерии Тормасову. Сия армия усилена была еще 8-й кавалерийской дивизией, отделенной от корпуса герцога Ришелье, находившегося в Одессе, и 36-й и 11-й пехотными дивизиями, взятыми из Второго резервного корпуса. 27-я льготная дивизия, равномерно назначенная в состав сего 2-го резервного корпуса, получила приказание продолжать марш свой через Минск ко Второй Западной армии для усиления оной.

После таковых перемен Вторая армия состояла из трех пехотных и двух резервных кавалерийских корпусов, полагая в то число 3-й кавалерийский корпус, соединенный с 6-м пехотным корпусом. Состав сего последнего ни в чем не изменился. 7-й пехотный корпус также остался в прежнем составе, только прибавлен к нему один гусарский полк от 4-й кавалерийской дивизии; 8-й пехотный корпус под начальством генерал-лейтенанта Бороздина состоял из 2-й гренадерской дивизии, сводной гренадерской дивизии, составленной из сводных гренадерских батальонов 7, 24, 26, 12 и 2-й пехотных дивизий и 2-й кирасирской дивизии; 4-й резервный кавалерийский корпус составлен был из четырех драгунских полков и одного уланского полка от 4-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при сей армии находилось девять казачьих полков под начальством генерал-майора Иловайского 5-го.

Третья Западная армия составила из трех пехотных корпусов и одного резервного кавалерийского. В корпусе генерала от инфантерии графа Каменского 1-го находились 18-я пехотная дивизия, сводные гренадерские батальоны 9, 15 и 18-й пехотных дивизий и Павлоградский гусарский полк с четырьмя артиллерийскими ротами. Корпус генерал-лейтенанта Маркова состоял из 15-й и 9-й пехотных дивизий, одного гусарского полка от 5-й кавалерийской дивизии и семи рот артиллерии. Корпус генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена состоял из 36-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизий, одного гусарского полка от 8-й кавалерийской дивизии и двух рот артиллерии.

Резервный кавалерийский корпус генерал-адъютанта графа Ламберта состоял из трех драгунских полков от 8-й кавалерийской дивизии и четырех драгунских и одного гусарского полков от 5-й кавалерийской дивизии. Сверх того, при сей армии находились три роты резервной артиллерии и девять казачьих полков.

Французская армия продолжала свое движение. 5 июня Наполеон перевел главную квартиру свою в Инстербург, 7-го – в Гумбинен, а 8-го – в Вилковишки. Поскольку громада сил его взяла направление к городу Ковно, то россияне и усмотрели необходимость еще подкрепить свою Первую армию, более прочих подверженную неприятельскому нападению. Для сего 6-й корпус, снова присоединенный к Первой армии, получил приказание перейти из Волковиска к Лиде. Генерал Платов со своим летучим корпусом перешел из Белостока к Гродно; князю Багратиону также предписано было перевести Вторую армию из окрестностей Пружан к Волковиску. Едва окончены были сии движения, как неприятель открыл военные действия. Но прежде чем описывать их, мы считаем за нужное представить читателю общее обозрение страны, вскоре долженствовавшей сделаться театром войны.

Тогдашняя западная граница России, начиная от местечка Полангена вблизи Балтийского моря до города Залещиков на реке Днестре, простиравшаяся почти на тысячу верст, самой природой разделена на три неравные, весьма различные части. Правая часть границы,

от Полангена до Гродно, почти везде прикрыта рекой Неманом, которая отделяет ее также и от средней части. Река сия, вытекающая из болот Долгиновичских между местечками Шацком и Уздой, направляется от востока к западу, через Новый Свержень, Столицы, Любчу и Белицу к городу Гродно, при коем круто поворачивает на север к Ковно, в окрестностях сего последнего города она опять делает поворот и течет на северо-запад до впадения своего в залив Куришь-гаф. Граница России простирается вдоль правого берега Немана от Гродно, через Меречь, Олиту, Ковно и Юрбург, в десяти же верстах ниже сего последнего местечка, оставив реку в левой стороне, она упирается к морю вблизи Полангена. Река Неман начинает быть судоходной при местечке Столицах, где имеет уже 30 сажен ширины. Выше Ковно она расширяется от 90 до 110 сажен, а ниже сего города, приняв в себя воды реки Вилии, увеличивается еще на 50 или 60 сажен. Сия река от города Гродно до устья своего течет в глубокой долине, составляемой высокими, крутыми горами, отчего и имеет только малое число и то довольно затруднительных переправ. Выше Гродно почти везде правый берег повелевает противлежащим. Сообщение между обоими берегами обеспечивается посредством мостов при Новом Свержене, Белице, Мостах и Гродно. Ниже сего последнего города переправа чрез реку производится в Ковно и Юрбурге на паромах, против Юрбурга – вброд, а в Тильзите – по мосту, находящемуся уже во владениях короля Прусского.

Река Вилия, под г. Ковно впадающая в Неман, вытекает из болот при местечке Шклянцах и, направляясь от востока к западу, образует большие изгибы. Правый берег ее почти везде повелевает левым. Она имеет мало бродов, а переправляются через нее в Вильно и Ковно по мостам и во многих местах на паромах. Ширина ее в городе Вилейке не более 8 или 10 сажен, но при устье от 100 до 120 сажен.

Страна, между реками Вилией, нижним Неманом и Двиной лежащая, гориста, лесиста, болотиста и изрезана множеством речек, в весьма глубоких оврагах текущих, которые все впадают или в какую-либо из трех вышеупомянутых рек, или в море. К востоку от города Вилкомира местоположение пересекается еще множеством небольших озер, почти непрерывной цепью простиравшихся до истоков реки Вилии и окрестностей города Полоцка. К северу от города Шавель, в направлении через Митаву и Бауск к реке Двине, местоположение становится ровнее, однако же не менее того покрыто лесами и болотами. Страна по левую сторону Вилии, между сею рекой и верхним Неманом лежащая, в направлении от Вильно к Ковно, Гродно и Белице, покрыта густыми лесами, которые к стороне Ошман становятся реже, а в окрестностях сего последнего города, также местечек Ольшан и Липнишек находятся обширные равнины. Все вышеупомянутое пространство, заключающее в себе Курляндскую, Виленскую и части Минской и Гродненской губерний, несмотря на плодородие почвы в некоторых округах, представляет мало способов для многочисленной армии. Деревни в ней малы и бедны, местечки и города, равно как и во всех польских областях, суть токмо убежища евреев, тщетно усиливающихся деятельностью промышленности своей вознаградить недостаток даже самых необходимых произведений. Одни только большие города Вильно и Минск могут доставить способы к учреждению в них больших депо. Первый из сих городов, древняя столица литовская, лежит на левом берегу реки Вилии, в ста верстах от границы по Ковенской дороге. Город Минск, построенный среди обширных лесов, отделяющих источники реки Вилии от вершин Немана, находится в 180 верстах позади Вильно.

Средняя часть западной границы российской заключает в себе пространство между городами Гродно и Брестом-Литовским. В Гродно пограничная черта переходит на левую сторону реки Немана и, направляясь к истокам реки Бобры, по левому берегу оной спускается до впадения ее в Нарев, а по правому берегу сей последней реки поднимается к Суражу. От сего местечка граница, перейдя в речку Нурцу, упирается в нее в 10 верстах ниже Брянска, потом спускается по левому берегу Нурца до впадения в Буг и по правому берегу сей последней реки поднимается чрез местечки Дрогичин, Мельники и Немиров к Бресту-Литовскому.

Река Бобра, имеющая начало свое в 16 верстах к юго-западу от Гродно, течет по широким болотам, чрез которые находится малое число проходов, да и те легко защищать можно. Река Нарев, вытекающая из Беловежского леса, при местечке Новом Дворе, направляется от востока на запад к Суражу, при сем местечке поворачивает она на север к Тикочину, но не доходя его, опять поворачивает она на запад и, в сем направлении продолжая течение свое, входит в земли Герцогства Варшавского, где и впадает в реку Буг под Сероцком, близ Варшавы.

Река Нарев, точно как и Бобра, окружена широкими болотами, делающими доступ к ней затруднительным; пространство же между слиянием сих двух рек и местечками Гонюндзом и Тикочиним совершенно непроходимо.

Река Нурец, образуемая из двух ручьев, которые, вытекая от местечек Клещели и Мелетичи, соединяются выше местечка Боцки, также имеет берега весьма болотистые. Сначала течет она на северо-запад, но ниже Брянска поворачивает на юго-запад и там составляет границу государства. Нижняя часть сей реки, от местечка Цехановца до устья, удобопроходима, ибо не окружена уже болотами, простирающимися только до Цехановца.

Полоса земли между городом Гродно и рекой Бугом, непосредственно за пограничной чертой лежащая, состоит из Белостокской области, страны плодородной и хорошо возделанной, особенно в южной части ее по левую сторону реки Нарева. Белосток, в 14 верстах от границы по дороге в Тикочин лежащий, есть один из богатейших и наилучше выстроенных городов во всей Польше.

Промежуток рек Нарева и Нурца, окрест Бельска и Орлы состоящий из прекрасных равнин, с восточной стороны загражден болотистым лесом Беловежским, лежащим почти в 40 верстах от границы, за местечками Наревым, Орлово и Клещеями. Сей лес, имеющий около 50 верст в длину и 40 верст в ширину, соединяется посредством лесистых болот реки Яселды с другими обширными лесами, простирающимися от Пинска к Слониму. Страна между Беловежским лесом и рекой Неманом довольно открыта и орошается речками Свислочью, Россой и Зельвой, которые, взяв начало свое или при самой опушке леса, или в болотах реки Яселды, текут от юга на север, параллельно к границе, до самого впадения своего в Неман. По южную сторону помянутого леса до берегов реки Буга и обширных болот, вокруг местечка Дивина и при Ратно лежащих, находятся равнины, изрезанные болотистыми речками, впадающими в Буг.

Река Припять, выходящая из вышесказанных болот, течет от юго-запада на восток к городу Мозырю, при коем склонившись на юго-восток, вливает воды свои в Днепр, в 70 верстах выше Киева. Эта река имеет от 15 до 50 сажень ширины и малое число бродов. От истока своего до Мозыря окружена она непроходимыми болотами, простирающимися от Пинска до Мозыря с лишком на 200 верст; и на сем расстоянии находятся только в трех местах сообщения, но столь дурные, что не могут служить для прохождения корпуса войск.

Город Пинск есть пункт, заслуживающий особенного внимания, ибо, находясь при впадении реки Яселды и Стыря в Припять и на единственной большой дороге, с правой стороны Припяти внутрь Литвы ведущей, он составляет главное средоточие сухопутных и водяных сообщений всего края. Пространство по левую сторону реки Припяти, между городами Пинском, Слонимом и местечками Глуском и Петриковым, покрыто обширным болотистым лесом, в коем изредка встречаются бедные деревушки, а сообщения, его перерезывающие, непроходимы для корпуса войск, кроме одной большой дороги из Пинска в Несвиж. К препятствиям, которые встретил бы неприятель, зашедший в сию глухую страну, должно присовокупить еще и затруднительность переправы чрез судоходный канал Огинского. Сей канал соединяет реку Яселду, вытекающую из болот, между Пружанами и Волковиском лежащих, и вливающуюся в Припять ниже Пинска, с рекой Щарой, которая, взяв начало свое близ Несвижа, омывает город Слоним и впадает в Неман между Белицей и Гродно. Берега Щары болотисты и лесисты. Между рекой и верхним Неманом, в направлении от Новогрудка и Слонима чрез Несвиж под

самый Слуцк, простираются хорошо возделанные поля с перелесками. Сия прекрасная страна ограничивается великими лесами, на правой стороне верхнего Немана лежащими, которые от окрестностей Минска простираются чрез Глуцк и связываются с лесами, покрывающими левую сторону реки Припяти. Часть сих лесов, между местечками Воложиным, Николаевым и Столицами наполненная болотами и не имеющая никаких дорог, вовсе непроходима. Между Столицами и Глуцком есть несколько сообщений, но в малом числе и в весьма худом состоянии, кроме двух дорог: из Несвижа через Койданов и Минск в Борисов и из Несвижа чрез Слуцк и Глуцк в Бобруйск. Сверх того, имеется еще хорошая поперечная дорога из Минска чрез Игумен в Бобруйск.

Река Припять и болота, из коих она вытекает, составляют естественное разделение между средней и левой частями западной границы государства. Пограничная черта сей последней части продолжается от Бреста-Литовского вверх по правому берегу Буга, но за семь верст не доходя местечка Сокал, уклоняется вправо от сей реки и вогнутой дугой, простирающейся почти на 250 верст, направляется к реке Днестру, к коей и примыкает в 25 верстах выше города Залещиков. Все это протяжение сухой границы в 1812 году обезопасено было нейтралитетом Галиции, постановленным на том основании, что хотя Австрия и вспомоществовала Франции, однако не была в явной войне с Россией.

Река Буг, имеющая вершину свою в Галиции близ Злочова, течет в направлении от юга на север к Бресту-Литовскому, здесь поворачивает она на северо-запад к местечку Нуру, при коем опять склоняется влево и таким образом, продолжая бег свой на запад, впадает в Вислу при Новом Дворе, ниже Варшавы. Ширина ее при местечке Устилуг от 12 до 14 сажен, а под Дрогичиным – в 40 сажен. Летом переходят ее вброд во многих местах, особенно между Влодавской и Брестом-Литовским. В части течения реки Буга, составляющей российскую границу, левый берег повелевает правым, кроме нескольких мест при Устилуге, Опалине, Бресте, Немирове и Дрогичине, где выгоды военной позиции находятся на правом берегу. От местечка Устилуга до окрестностей Бреста правый берег покрыт болотами, которые находятся в связи с лежащими при местечках Ратно и Дивине.

Страна, простирающаяся от Устилуга чрез Владимир, Луцк, Дубно и Острог к Новгороду-Волынскому, включает в себе плодородные и хорошо возделанные поля Волынии, орошаемые многими реками, вливающими воды свои в Припять, из коих примечания достойны Стирь и Горынь, тем более что на правом берегу сих рек, текущих с юга на север, находятся хорошие оборонительные позиции против неприятеля, наступающего от Устилуга. Вышеупомянутая прекрасная страна ограничена с севера лесистыми болотами, примыкающими к Припяти, столь же глухими, как и страна, лежащая по левую сторону этой реки; с востока – великими лесами, простирающимися от Новгорода-Волынского чрез Житомир и Овруч к реке Днепру и нижней Припяти; а с юга – лесистой полосой, около 150 верст длины и 20 верст ширины, которая, связываясь с большим лесом, что при Житомире, отделяет Дубенский и Острожский уезды от богатых жатвой холмов Подолии. Пространство между сей последней губернией и рекой Днепром занято необозримыми плодородными равнинами Украины.

За средней пограничной частью, углубляясь далее внутрь страны, встречается река Березина, которая вышла из болот при местечке Докшицах, течет на юго-восток чрез обширные леса до самого впадения своего в Днепр, в 60 верстах ниже Рогачева. Верховье сей реки соединяется с рекой Жой, впадающею в Двину посредством судоходного Березинского канала. Березина между каналом и устьем своим имеет от 25 до 50 сажен ширины. Она по всему течению своему окружена широкими болотами, которые затрудняют доступ к ней ниже Веселова, а выше сей деревни делают ее совершенно непроходимой. Березинский канал, проведенный чрез болота, столь же недоступен. Правый берег Березины превышает противоположный, исключая места при Веселове, Борисове и Нижнем Березине, где левый берег повелевает правым. Переправы чрез эту реку находятся в Борисове и Бобруйске по мостам и во многих местах на паро-

мах. Летом бывает на ней много бродов. Ниже Борисова сообщения на правом берегу лучше находящихся на левом, напротив того выше сего города одни только дороги на левом берегу проходимы, между тем как на правом берегу, в болотах, между местечками Верхним Березиным, Докшицами, Плещеницами и Зембином лежащих, не проложено никакого пути, кроме тропины, из Верхнего Березина чрез Заречье и Зарембы в Зембин ведущей, которая однако ж для войск неудобопроходима. Чтобы пройти из Верхнего Березина в Зембин, корпус войск нашелся бы принужденным сделать ведущий обход чрез Докшицы, Долгинов и Плещеницы. Оборонительная линия, рекой Березиной образуемая, усиливается еще новой Бобруйской крепостью, лежащей на правом берегу, по дороге из Несвижа в Рогачев. Российское правительство намеревалось было заградить также и другой проход чрез леса посредством крепости, заложенной при городе Борисове, что на большой дороге из Минска в Оршу, но как вскоре возгоревшаяся война воспрепятствовала производству предположенных работ, то и удовольствовались на первый случай построить только одно предмостное укрепление на правом берегу Березины, против Борисова.

Оборонительная линия березинская упирается правой оконечностью своей к Двине, а левой – к Днепру. Первая из сих рек, вышедшая из озера между городами Осташковым и Торопцем, течет на юго-запад чрез Велиж, Сураж и Витебск до местечка Бешенковичей, при коем повернув на северо-запад, продолжает путь свой чрез Полоцк, Десну, Дриссу, Динабург, Якобштат, Фридрихштат и Ригу и ниже сего последнего города вливает воды свои в Рижский залив при Динаминдской крепости. Она начинает быть судоходной при городе Сураже, между Витебском и Динабургом имеет от 60 до 100 сажен ширины, под Ригой – 330 сажен, а в устье – почти 600 сажен.

От Витебска до Друи левый берег Двины почти везде превышает противолежащий, но отсюда до Риги правый берег повелевает левым. Переправы чрез реку находятся в Велиже, Сураже, Витебске, Динабурге и Риге – по мостам, а в Будиловом, Бешенковичах, Уас, Полоцке, Диене, Дриссе, Леонполе, Друе, Креславе, Якобштате и Фридрихштате – на паромках. В летнюю жару по всей реке бывает много бродов. Крепость Рига, на правом берегу Двины, в 15 верстах выше ее устья и в 270 верстах от границы, по дороге из Полангена лежащая, есть богатый торговый и многолюдный город. Цитадель, по северную сторону крепости воздвигнутая, усиливает оборону оной, а укрепление Кобершанц, на левом берегу Двины построенное, прикрывает мост и чрез то обеспечивает сообщение между обоими берегами реки.

Устье Двины защищается крепостицей Динаминде, на левом берегу реки лежащей, на острове, образованном морем, Двиной и двумя рукавами реки Болдер-Аа. Россияне заложили было крепость также и при городе Динабурге, в 214 верстах выше Риги, на правом берегу Двины лежащем, но не имели времени окончить постройку оной. Город Витебск, на обоих берегах реки Двины расположенный, в 270 верстах к северо-востоку от Минска, есть один из важнейших во всей стране. В 200 верстах ниже Витебска и в 100 верстах выше Динабурга построен был укрепленный лагерь на левом берегу Двины, против города Дриссы. Лагерь сей долженствовал прикрывать прямую дорогу из Вильно в Петербург, служить местом соединения для всех корпусов Первой армии и в случае нужды обеспечивать отступление за реку Двину.

Край по северную сторону верхней Двины, между Балтийским морем, Чудским озером (Пейпусом) и Финским заливом лежащий, заключает в себе Лиландию и Эстландию – губернии, составляющие, так сказать, обширное болото, покрытое лесом и пересеченное дорогами, образующими почти непрерывные теснины. Здешние селения дурно построены и рассеяны малыми деревушками в один, два и три двора. Следуя вверх по Двине к Полоцку и Витебску, вступаешь в страну, пересеченную озерами, болотами, лесами и холмистыми равнинами, по коим извиваются речки, впадающие в Двину. Примечательнейшая из сих речек есть Дрисса, ибо течет почти параллельно с Двиной и правый берег ее повсюду повелевает противолежа-

щим, почему она и представляет хорошую оборонительную позицию против неприятеля, перешедшего Двину между городом Дриссой и устьем речки Дды.

Река Днепр, выходящая из болот между городами Сычевкой и Белым, сначала направляется от севера на юг до окрестностей Дорогобужа, а потом, повернув направо, течет на юго-запад почти параллельно с Двиной, чрез Смоленск до Орши, при сем последнем городе она опять круто поворачивает налево и, взяв прежнее направление от севера на юг, продолжает бег свой чрез Копыс, Могилев, Старый Быхов, Рогачев, Речицу, Киев, Черкасы, Кременчуг, Верхнеднепровск, Екатеринославль, Александров и Херсон до самого Черного моря, в которое и несет дань вод своих, умноженных на пути присоединением больших рек Березины, Сожи, Припяти и Десны. Днепр начинает быть судоходным при Дорогобуже, где и имеет уже тридцать сажен ширины, между Смоленском и Старым Быховым он расширяется от 35 до 60 сажен, между Старым Быховым и устьем Припяти – от 60 до 200 сажен, а между сею последней рекой и Кременчугом – от 200 до 700 сажен. Правый берег Днепра везде повелевает левым, исключая места при селениях Катани, Дубровне и городе Орше, где выгоды военной позиции переходят на сей последний. Переправы чрез реку находятся в Смоленске, Могилеве и Киеве по мостам и во многих местах на паромов. В летнюю жару бывают на ней также и броды: при селении Хомине, близ местечка Лядов, в Могилеве, Новом Быхове и Вышгороде, в 16 верстах выше Киева. Важнейшие из городов, омываемых Днепром, суть Смоленск и Киев. Сей последний есть ключ нижнего Днепра, точно как Смоленск служит ключом верхнего Днепра. Киев, некогда бывший столицей России, ныне имеет при себе крепость и есть один из знатнейших городов в государстве. Он лежит в 430 верстах от границы по дороге из Бродов и, будучи построен на повелевающих высотах правого берега Днепра, прикрывает важную переправу, к коей сходятся с одной стороны все дороги из Малороссии, а с другой – дороги из Волынии, Подолии и Украины. В последние годы укрепления его были исправлены и умножены.

Смоленск, лежащий на соединении дорог из Орши, Поречья, Духовщины, Дорогобужа, Рославля и Мстиславля, составляет главное средоточие всех больших сообщений с внутренностью государства. Сей город, расположенный на высотах левого берега Днепра, защищен только одной каменной стеной, и к тому еще повелевают им превышающие его высоты правого берега. Смоленск довольно богат, хорошо выстроен и находится в 300 верстах позади Минска.

Промежуток рек Двины и Днепра между Оршей и Витебском имеет 80 верст ширины и покрыт лесами и болотами, простирающимися в одну сторону до города Сенно, а в другую – до Поречья и Смоленска.

Промежуток Днепра и Березины итого еще лесистее: обширный болотистый лес, около Минска и Глуска находящийся, продолжается также и по левую сторону реки Березины и становится реже только в окрестностях Орши и в нескольких других местах, прилежащих к Днепру.

Дав понятие о топографии страны между западной границей России и реками Двиной и Днепром, покажем теперь главные пути из Пруссии и Герцогства Варшавского, к сим рекам ведущие, коими неприятель мог пользоваться, дабы проникнуть внутрь государства.

Все протяжение границы от пределов Галиции до Балтийского моря представляет пять главных проходов, соответствующих большим дорогам, из чужих земель ведущих внутрь России. Проходы сии суть: Устилуг и Брест-Литовский на реке Буг, Гродно и Ковно на реке Неман и Поланген близ Балтийского моря. Дорога, пролегающая чрез Устилуг, ведет из Люблина чрез Владимир-Волынский, Луцк, Дубно, Кунин, Острог и Новгород-Волынский в Житомир. От сей дороги отходят на полдень четыре другие: 1) дорога из Дубно чрез Кременец в Чепелевку, где и падает она на большую дорогу из Новгорода-Волынского в Лемберг; 2) дорога из Острога, пересекающая первую в Кременец и ведущая чрез Радзивилов в Лемберг; 3) дорога из Острога чрез Заслав в Старый Константинов, где она выходит на 4) большую дорогу из Новгорода-Волынского чрез местечко Рогачев, Полонное, Старый Константинов, Красилов, Чепелевку, Воло-

чиск и Тарнополь в Лемберг. Сверх того, есть еще другая дорога из Старого Константинова, ведущая чрез Проскуров в Каменец-Подольский к реке Днестру.

От Житомира равномерно отходят еще три дороги, из коих одна ведет в Бердичев и далее в Подолию и Украину, другая – чрез Радомысл в Киев, а третья – чрез Овруч и Мозырь в Якимову Слободу, где разделившись надвое, ведет направо в Горваль и налево чрез Солонное в Ждоби́н.

Большая дорога, пролегающая чрез Брест-Литовский, направляется из Варшавы чрез Станиславов, Мендзиржиц и Брест в Кобрин, где, разделившись, ведет вправо – чрез Евлаши и Пинск в Несвиж, а влево – чрез Пружаны, Ружану, Слоним и Сталовичи также в Несвиж. Дорога из Бреста-Литовского в Пинск имеет два сообщения с дорогой из Устилуга в Житомир. Первое из сих сообщение от самого Бреста-Литовского направляется чрез Ратно в Ковель, где и разделяется на две ветви, отходящие к Владимиру и Луцку. Второе сообщение отделяется от Брестской дороги в Евлашах и, пролегая чрез Любашево и Ровно, падает в Кунине на Устилюгскую дорогу. Между Брестом-Литовским и Гродно находятся еще шесть проходов: Дрогичин, Бранна, Цехановец, Хороща, Гониондз и Домброва, но все заграничные пути, из Варшавы, Иоганнисбурга и Олецка чрез них ведущие, выходят на поперечную дорогу, которая из Дрогичина направляется через Боцки, Вельск, Белосток, Васильков, Соколку и Кузницу в Гродно. Дорога из Олępка чрез Рачки, Сейны и Голынку также выходит в Гродно.

Дорога из Гродно, внутрь страны ведущая, пролегает вдоль правого берега реки Немана, чрез Скидель, Камионку, Щучин и Жолудек в Белицу; здесь, перейдя Неман, направляется она чрез Новогрудек, Кореличи, Турец и Мир в Несвиж, где и соединяется с дорогами, отходящими из Бреста-Литовского. От сей дороги отделяются две ветви к югу и две ветви к северу. Отделяющиеся к югу служат поперечными сообщениями с дорогой из Кобрина чрез Слоним в Несвиж и ведут: одна из Камионки чрез Мосты,

Пески и Волковиск в Ружану, а другая из Белицы чрез Дзенциол в Слоним. Ветви же, направляющиеся к северу, отходят из Щучина и Белицы и, соединившись в Лиде, ведут чрез Беньякони в Вильно. Из Несвижа идут две дороги: первая чрез Романов, Слуцк, Глуск, Бобруйск и Поболов в Жлобин, другая чрез Новый Свержень, Койданов, Минск, Борисов, Коханов, Бараны, Оршу и Красный в Смоленск. Между сими двумя дорогами есть поперечное сообщение из Минска чрез Игумен в Бобруйск.

Дорога, пролегающая чрез Ковно, ведет из Гумбинена чрез Вилковишек, Ковно и Жижморы в Вильно. Здесь, разделившись надвое, направляется она вправо чрез Ошмяны и Сморгони в Молодечно, а тут, снова раздвоившись, одной ветвью ведет чрез Радошковичи в Минск, а другой – чрез Вилейку, Докшицы и Диену в Лозовку, где и выходит на большую дорогу из Риги в Витебск. Дорога, направляющаяся влево, ведет чрез Свенцаны, Видзы, Браслав и Друю в Придруйск. Другая дорога из Ковно пролегает чрез Кейданы и Шадово в Шавли, где и выходит на дорогу из Мемеля в Митаву. Между Ковно и Полангеном есть еще три пути: из Нейштата в Вилиону и из Тильзита в Юрбург и Тауроген. Первые два пути выходят на дорогу, вдоль по правому берегу реки Немана ведущую из Юрбурга чрез Вилиону и Средник в Ковно. Третий путь из Тильзита направляется чрез Тауроген, Нимокшты и Кельм в Бубпо, где и падает на дорогу из Мемеля в Митаву. Дорога из Кенигсберга чрез Мемель входит в Россию в Полангене, из коего ведут на Митаву две дороги: правая пролегает чрез Телын Бубию, Шавли и Янишки; а левая – чрез Шрунден и Фрауенбург. От сей последней дороги отделяются еще две другие, ведущие к морю: первая из Шрундена чрез Газенпот в Либаву, а вторая из Фрауенбурга чрез Годьдинген в Виндаву. Из Митавы выходят две дороги, из коих одна направляется чрез Бауск, Фридрихштат, Альт-Зельбург и Якобштат в Крейпбург, а другая – чрез Сент-Олай в Ригу. Дорога, ведущая из сего последнего города в Витебск, пролегает вдоль по правому берегу реки Двины, чрез Кокенгаузен, Крейцбург, Динабург, Придруйск, Дриссу, Лозовку, Гамзелево, Полоцк и Куриловщину.

Дорога из Витебска в Киев ведет чрез Бабиновичи к Орше на правый берег Днепра и вдоль сей реки чрез Бараны, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев, Жлобин, Солонное, Горваль и Речицу в Лоев, здесь переходит она за Днепр и, оставив его в правой стороне, продолжается чрез Великую Вось, Чернигов и Козелец в Шев. Из местечка Коханова, что на пути из Минска в Оршу, отделяются две поперечные дороги: одна ведет на полдень, чрез Староселье в Шклов, а другая – на север, чрез Сенно и Будилову Пристань в Куриловщину, где и выходит она на дорогу из Полоцка в Витебск.

Дорога от берегов Двины, ведущая к С.-Петербургу, направляется из Риги, Динабурга, Придруйска, Полоцка и Витебска. Дорога из Риги проходит по Лифландии чрез Вольмар, Валк, Дерпт, Нарву и Ямбург. Дорога из Динабурга ведет через Режицу и Люцынь, дорога из Придруйска – чрез Замосье, а дорога из Полоцка – чрез Гамзелево и Клясицы. Последние три дороги соединяются в Себеж, откуда уже один путь направляется чрез Опочку и Остров в Псков. Из сего последнего города можно идти к Петербургу или чрез Гдов и Нарву, или чрез Боровичи и Лугу. Дорога из Полоцка чрез Юревичи и Невель, дорога из Витебска чрез Городок и Невель и, наконец, дорога из Витебска чрез Сураж и Усват равномерно соединяются в Сеньковом в один путь, ведущий в С.-Петербург чрез Великие Луки, Порхов, Боровичи, Лугу, Гатчину и Царское Село. Эта последняя дорога, равно как и Псковская, пролегает чрез Псковскую и С.-Петербургскую губернии, которые по неплодородию своему представляют мало способов для содержания армии. Между Великими Луками и Порховом находятся холмистые обширные равнины, но за последним городом не видно ничего, кроме печальных, сосновыми лесами пересекаемых, болотистых кустарников, которые почти беспрерывно продолжаются до самого С.-Петербурга. Дорога из Себежа в Псков и далее в Боровичи или в Нарву пролегает страной, наполненной теснинами, лесами, болотами, и, следовательно, для прохода войск весьма затруднительна.

Пути от Днепра, ведущие к Москве, отходят из Киева и Смоленска. Киевская дорога пролегает через Козелец, Нежин, Борзну, Кролевец, Глухов, Севск, Дмитровск, Кроны и Орел, а отсюда ведет в Москву или чрез Мценск, Тулу, Серпухов и Подол, или чрез Волхов, Белев, Лихвин, Калугу, Малый Ярославль и Боровск. Она проходит чрез Черниговскую, Курскую, Орловскую, Тульскую и Калужскую губернии, которые полагаются в числе плодороднейших в государстве. Калужская губерния не столь плодородна, как прочие, но взамен того содержит значительное число заводов и фабрик, распространяющих между обывателями довольство и благосостояние. Дорога из Киева проложена чрез необозримые равнины, пересеченные лесами, сначала частыми, но по мере приближения к Москве оные становятся все реже и реже, так что за городом Орлом уже токмо местами встречаются небольшие рощицы.

Мы говорили уже о путях, соединяющихся в Смоленске и делающих столь важным положение сего города. Дорога из Смоленска чрез Духовщину ведет в Белой. Дорога в Поречье далее направляется чрез Велиж в Усват, где и выходит на большую дорогу из Витебска чрез Великие Луки в С.-Петербург. Мы уже видели, что дорога чрез Оршу ведет также и в Минск, откуда можно идти чрез Вильно в Ковно, чрез Белицу в Гродно и чрез Несвиж в Брест-Литовский. Дорога, ведущая в Мстиславль, далее идет чрез Пропойск, Новую Белицу и Чернигов в Киев. Дорога, пролегающая чрез Рославль, ведет в одну сторону чрез Стародуб в Чернигов, а в другую чрез Брянск в Орел. Наконец, дорога из Смоленска в Дорогобуж продолжается чрез Вязьму, Гжать и Можайск на Москву. В Вязьме от главной дороги отделяются три другие – две на север и одна на полдень. Эта последняя проходит чрез Юхнов в Калугу. Две северные дороги ведут: одна чрез селение Настасьино в город Белой, а другая чрез Сычевку и Зубцов в Старицу, где, раздвоившись, выходит она в Торжок и в Тверь, лежащие на большой дороге из Москвы в С.-Петербург. Из Гжати равномерно отделяется дорога, которая, направляясь к северу, выходит между Сычевкой и Зубцовым на дорогу из Вязьмы в Старицу.

Печальные леса литовские, не простираясь за реку Днепр, оканчиваются не доходя Смоленска. От сего города в направлении к Москве страна, сделавшись открытее, состоит в полях, хорошо возделанных и пересеченных удобопроходимыми лесами средственной величины. По мере приближения к Москве красота и богатство земли постепенно увеличиваются. Сами французы сравнивали ее с наилучшими местами Франции и Германии. Здесь усовершенствованное земледелие успело преодолеть затруднения, которые свойство не весьма плодородной почвы против полагало успехам оною. Выше сего уже упомянуто о благосостоянии Калужской, Тульской, Орловской и Черниговской губерний, лежащих по южную сторону дороги из Смоленска в Москву. Тверская и Новгородская губернии, простирающиеся к северу от сей дороги, далеко не столь изобильны, как вышесказанные. Особенно Новгородская губерния, большей частью покрытая лесами, озерами и болотами, представляет способы весьма ограниченные.

Москва есть средоточие всех сообщений государства. Семь главных путей, из нее выходящих, направляются во все стороны до самых отдаленных пределов России. Первый из сих путей чрез Можайск в Смоленск уже описан. Второй и третий пути ведут чрез Боровск в Калугу и через Серпухов в Тулу – о них также упомянуто, говоря о сообщении Киева с Москвой. Четвертый путь направляется чрез Бронницы, Коломну, Рязань и Тамбов в Астрахань. Пятый, пролегая чрез Богородск, Владимир, Нижний Новгород, Казань и Пермь, ведет даже внутрь Сибири. Шестой проходит чрез Переславль-Залесский, Ярославль и Вологду в Архангельск. Наконец, седьмой путь идет чрез Клин, Тверь, Торжок и Новгород в С.-Петербург.

Из всего вышесказанного следует, что города Митава, Вильно, Несвиж и Житомир суть четыре места, в коих пересекаются все главные сообщения пограничных губерний Российского государства. Но то неоспоримо, что, сколь бы велико ни было протяжение какой-нибудь границы, всегда находится токмо один решительный пункт, на коем необходимо нужно соединить армию, назначенную для ее обороны. В тогдашних обстоятельствах россиян сей пункт без сомнения был Вильно, ибо заранее можно было предвидеть, что неприятель, собиравшийся в Восточной Пруссии, не преминет направить громаду сил своих к сему городу. Впрочем, даже и в том случае, если бы неприятель по ошибке взял направление к Митаве, Российская армия, перейдя от Вильно к Шавли, получала возможность действовать на его сообщениях и оттеснить его в полуостров, составляемый западной частью Курляндии. Направление к Несвижу представляло столько же опасностей Наполеону, а потому не его бы искусству свойственно было зайти между Российской армией, владевшей промежутком рек Немана и Вилии и болотами Припяти, в которые он мог быть загнан после малейшей неудачи, претерпенной левым крылом его.

Еще менее того можно было ожидать, чтобы Наполеон обратил главные усилия свои на Житомир, ибо сей путь действий, кроме излишнего отдаления, представлял ему еще и другую важную неудобность: Российская армия, пользуясь временем, которое неприятель должен был употребить на сосредоточение сил к правому крылу своему, находившемуся в Люблине, могла перейти от Вильно к Пинску, и если бы неприятель продолжал движение свое к Житомиру, то вскоре нашелся бы запертым между Днепром, болотистыми лесами Припяти и Российской армией, которая, выступив из окрестностей Пинска, зашла бы ему в тыл через Ровно и Острог и овладела бы его сообщениями.

Движения, нами здесь означенные, ясно показывают неосновательность вообще почти всеми военными людьми принятого мнения, что граница, для обороны выгодная, должна быть стеснена. Слова, не у места употребленные, утвердили сей предрассудок. Конечно, труднее охранять все пункты линии слишком растянутой, нежели короткой, однако защита границы не в том состоит, чтобы не позволить неприятелю перейти ее в каком-либо месте, но дабы после сего перехода воспретить ему прочно утвердиться в стране, прикрываемой этой границей. Многие, не постигнув такового различия, смешали выгодное для таможенного кордона с тем, что должно быть полезно для армии, имеющей поручение оборонять страну. В самом

деле, чем длиннее протяжение границы, тем удобнее можно действовать во фланги неприятельской армии, вторгающейся чрез оную, и подвиг армии, обороняющей страну, облегчается по мере того, чем более находит она глубоких и, следовательно, превосходных путей военных действий, ведущих во все стороны. Напротив того, когда граница стеснена, то армия, обороняющая ее, будучи затруднена в своих движениях, не может действовать во фланги неприятеля, не подвергаясь опасности быть самой сжатой между его армией и препятствием местоположения, стесняющим границу, и тогда она принуждена бывает к перпендикулярному отступлению, лишаящему ее способов пользоваться удобными случаями возвратить области, которые на отступлении своем оставляет она неприятелю.

Россияне, в полной мере знавшие важность положения Вильно, соединили Главную армию свою в окрестностях сего города и даже сблизили к нему Вторую армию. Однако, отдавая полную справедливость рассудительному выбору пункта Вильно, должно признаться, что путь отступления, который, как то укрепленный лагерь при Дриссе показывал, назначено было направить из Вильно к сему лагерю, избран был не столь удачно. Сей путь, удалявший Первую армию от Второй, сверх того представлял еще и другую неудобность, ибо давал неприятелю способ предупредить Первую армию в важном занятии города Смоленска и стать между ней и плодородными южными губерниями. Кажется, выгоднее было бы отступать из Вильно к Минску, где Первая армия нашлась бы в тесной связи со Второй и на самом естественном пути своих действий, т. е. на средней дороге чрез Смоленск в Москву. События похода, к описанию которого приступаем, оправдают это замечание.

Глава III

Положение армий при начале военных действий. – Наполеон переходит реку Неман. – Отступление Первой Западной армии к реке Двине. – Отступление Второй Западной армии. – Укрепленный лагерь при городе Дриссе. – Первая армия отступает к Полоцку. – Император Александр отъезжает в Москву для приготовления новых вооружений внутри государства. – Первая армия продолжает отступление свое к Витебску. – Бой при местечке Островне. – Первая армия уклоняется к Смоленску. – Вторая армия отступает на Могилев. – Бой при деревне Салтановке. – Обе российские армии совершают соединение свое под Смоленском. – Наполеон останавливается в Витебске.

Прежде, нежели начнем повествование о происшествиях, ознаменовавших открытие похода, считаем за нужное напомнить читателю о положении, которое обе российские армии занимали в то время.

*К. Ф. Багговут
(1761–1812)*

1-й отдельный корпус правого фланга под начальством генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, в числе около 23 000 человек, находился при Россиене и Кейданах; авангард его под начальством генерал-майора Кульнева, состоявший из двух егерских полков, четырех гусарских эскадронов и двух казачьих полков с ротой легкой артиллерии, стоял при местечке Ераголе. 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута, из 16 500 человек, простирался правым флангом к реке Свенте, а левым упирался к реке Вилие, при селении Оржишках; авангард его под начальством генерал-майора Всеволожского, из одного гусарского полка, четырех егерских полков и роты конной артиллерии состоявший, занимал оба берега реки Вилии, впереди местечка Янова. 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, из 18 500 человек, находился при городе Новых Троках; авангард же его под начальством генерал-майора князя Шаховского, состоявший из двух егерских полков, лейб-гвардии казачьего и еще другого казачьего полка и полуроты конной артиллерии, стоял при местечке Высоком Дворе. 4-й пехотный корпус генерал-адъютанта графа Шувалова, из 13 500 человек, был при Олкениках; авангард его под начальством генерал-майора Дорохова, из одного гусарского и двух егерских полков составленный, находился при Оранах. 5-й корпус под начальством Его Императорского Высочества цесаревича, из 20 500 человек, сосредоточивался на город Свенцаны. 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова, из 3000 человек, стоял при городе Вилкомире. 2-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа, из 4000 человек, был при Сморгонах. Войсковой атаман генерал Платов, с 7000 донских казаков, находился при Гродно. 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Дохтурова, отделенный от Второй армии для присоединения к Первой, находился при городе Лиде и состоял из 20 500 человек, включая в то число 3-й кавалерийский корпус, поступивший в состав пехотного корпуса. Авангард 6-го корпуса под начальством генерал-майора графа Палена 1-го, состоявший из двух егерских и двух гусарских полков с ротой конной артиллерии, находился при местечке Лебюде. Все вышеупомянутые корпуса, в числе около 127 000 человек, составляли Первую Западную армию, главная квартира коей находилась в Вильно.

8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина, из 15 000 человек, был у города Волковиска. 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского, из 16 500 человек, стоял при местечке Новом Дворе. 4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа Сиверса, из 3500 человек, находился у местечка Зельвы. Эти три корпуса составляли Вторую Западную армию, коей сила простиралась до 59 000 человек, включая в то число 4000 казаков, растянутых от Вельска до Бреста-Литовского. Главная квартира Второй армии находилась в Волковиске. Она ожидала к себе на подкрепление еще вновь сформированную в Москве 27-ю пехотную дивизию, в числе около 9000 человек, которая, находясь в следовании к ней, прибыла уже в окрестности Минска.

Третья Западная армия расположена была на Волини, по дивизиям, в кантонир-квартирах: 8-я кавалерийская дивизия, из 4000 человек, стояла при Любомле; 18-я пехотная, из 7000 человек, в Мациове; сводные гренадерские батальоны от 9-й, 15-й и 18-й дивизий, в числе 3000 человек, находились при Ковеле; 5-я кавалерийская дивизия, из 4000 человек, также была при Ковеле; 15-я пехотная дивизия, из 6000 человек, стояла при Торчине; 9-я пехотная, из 6000 человек, у города Луцка; 36-я пехотная, из 4000 человек, у города Заслава; 11-я кавалерийская дивизия, из 2000 человек, у города Старого Константинова; 4000 казаков, растянутые от пределов Гродненской губернии до местечка Ягорлыка, что в Подолии на реке Буг, также принадлежали к Третьей армии, число коей, вместе с 3000 человек артиллерии, простиралось до 43 000 человек. Главная квартира ее находилась в Луцке.

Таким образом, во всех трех действующих армиях состояло около 217 000 человек.

М. Б. Барклай де Толли (1757–1818)

Кроме войск, выставленных в первой линии, россияне, как уже сказано, имели на западной границе еще резерв, состоявший из 87 батальонов и 54 эскадронов. Сей резерв расположен был следующим образом: 18 батальонов, в числе 5600 человек, находились в Риге и Динаминде; 12 батальонов и 4 эскадрона, всего 3400 человек, в Митаве; 19 батальонов, в них 7000 человек, при Динабурге; 20 эскадронов, в числе 3200 человек, размещены были на временных квартирах по правую сторону реки Двины от города Валка до Невеля; 2 батальона, в обоих 500 человек, находились в городе Борисове; 18 батальонов, в них 5200 человек, были в Бобруйской крепости; 12 батальонов и 14 эскадронов, всего 5300 человек, стояли при городе Мозыре; 6 батальонов, в них 2500 человек, в Киеве и, наконец, 16 эскадронов, в коих было 1600 человек, стояли по квартирам на левой стороне реки Буга при Ольвиополе.

Число всех войск второй линии вообще могло простираться до 35 000 человек. Мир, в апреле месяце заключенный с Портой Оттоманской, позволял еще располагать Молдавской

армией, состоявшей из 72 батальонов, 80 эскадронов, 17 рот артиллерии и 14 казачьих полков, в коих, кроме казаков, считалось более 50 000 человек. Предводительство над этой армией, назначенной для вторжения в Италию, чрез Сербию, Боснию и Кроацию, вверено было адмиралу Чичагову.

Сосредоточение главных сил неприятельских при городе Ковно, в стране, лишенной способов продовольствия, заставляло предполагать, что Наполеон не замедлит перейти реку Неман для нашествия на Россию. Главная российская армия, растянутая на слишком длинной линии, не в силах была воспрепятствовать сему нашествию: она не могла вводить порознь корпуса свои в дело против великой громады сил Наполеона без того, чтобы все виды к успеху не обратились на сторону неприятеля. Главнокомандующий Первой армией генерал Барклай де Толли рассудил справедливо, что он должен был уклоняться от сражения, пока не соединит все корпуса, составляющие его армию. Для этого назначил он общее сборное место при городе Свенцанах, пункте, почти в равном расстоянии отстоящем от местечка Кейдан, занятого оконечностью правого крыла Первой армии, и от города Лиды, к которому примыкало левое крыло оной; и все корпусные начальники получили предварительные приказания отступить по назначенному для каждого из них направлению, коль скоро начнутся военные действия. Граф Витгенштейн с 1-м отдельным корпусом должен был прийти в четыре перехода от Кейдан к местечку Солоку; генерал-адъютант Уваров с 1-м кавалерийским корпусом, также в четыре перехода, – от Вилкомира к Пелуше; генерал-лейтенант Багговут со 2-м пехотным корпусом, в четыре перехода, – от Оржишек к местечку

Колтынянам; генерал-лейтенант Тучков 1-й с 3-м пехотным корпусом, в четыре перехода, – от Новых Троков к Свенцанам; граф Шувалов с 4-м пехотным корпусом, в четыре перехода, – от Олкеников к Свенцанам; наконец, генерал-адъютант барон Корф со 2-м кавалерийским корпусом, в три перехода, – от Сморгони к местечку Константинову; генерал от инфантерии Дохтуров с 6-м корпусом должен был идти от города Лиды и местечка Олышан двумя колоннами к Кобыльникам и Мядзиолу. Однако корпусным начальникам предписано было не прежде начинать это отступление, как по получении вторичного приказания из главной квартиры; одному только графу Витгенштейну позволено было начать движение по собственному его усмотрению в том случае, если бы неприятель обратил большие силы против его правого фланга или корпус Багговута принужденным нашелся податься назад. Генерал Платов с казаками получил приказание действовать во фланг и в тыл неприятельских корпусов, которые станут переправляться чрез реку Неман, а в подкрепление к нему назначен был генерал князь Багратион со Второй армией. Генерал Тормасов, предводительствовавший Третьей армией, получил повеление наблюдать движение неприятеля, и если сей обратит против него превосходные силы, то отступать к Киеву; напротив того, если неприятель не противопоставит ему больших сил, в таком случае он должен был идти к Пинску с частью своей армии, расположенной в окрестностях Луцка, дабы угрожать правому флангу неприятельских корпусов, которые действовать будут против князя Багратиона. В последнем случае генерал-лейтенант барон Остен-Сакен должен был оставаться при Старом Константинове с 36-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизиями и некоторым числом казаков, дабы угрожать австрийской Галиции.

Между тем как в российской главной квартире в Вильно принимали эти меры, император Наполеон располагался к открытию похода. Он разделил все действующие силы свои, простиравшиеся почти до 500 000 человек, на три больших отделения. Сам он со своей гвардией, пехотными корпусами маршалов Даву, Удино, Нея и резервными кавалерийскими корпусами генералов Нансути, Монбрюна и Груши, всего с 250 000 человек, готовился стремительным нападением на центр Первой Западной армии уничтожить ее прежде, нежели успеет она сосредоточиться. Король Вестфальский с пехотными корпусами генералов Жюно, Понятовского, Ренье и резервным кавалерийским корпусом Латур-Мобурга, составлявшими громаду в 80 000 человек, должен был произвести то же движение против Второй Западной армии. Вице-

королю Итальянскому со средней, также почти 80 000 армией, из собственного его корпуса и корпуса генерала Сент-Сира составленной, предписано было врезаться между двумя вышеупомянутыми российскими армиями, дабы пресечь взаимное их сообщение и не позволить им соединиться. Кроме этих трех больших армий, неприятель составил еще два отдельных боковых корпуса. На левом фланге маршал Макдональд почти с 30 000 корпусом своим должен был вступить в Курляндию, дабы, угрожая правому флангу россиян, вместе с сим показывать вид, что намеревается сделать покушение на город Ригу. На правом фланге князь Шварценберг с Австрийским вспомогательным также 30 000 корпусом получил назначение удерживать армию генерала Торماسова и заслонять от нее путь действий Главной Французской армии.

Обе противные армии, стоя одна против другой, с нетерпением ожидали повеления к открытию неприятельских действий. Что война неизбежна, в том никто уже не сомневался, однако никакое всенародное объявление не возвестило еще оной. Наконец, Наполеон выдал 10 июня в императорской квартире своей в Вильковишках следующее воззвание:

Солдаты!

Начинается вторая война Польская. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом: в Тильзите Россия клялась иметь вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого объяснения в странных поступках своих, доколе орлы французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Неужели почитает она нас переменившимися? Разве мы не те уже воины, которые сражались под Аустерлицем? Россия поставляет нас между бесчестьем и войной, выбор не может быть сомнителен. Итак двинемся вперед. Перейдем Неман. Внесем войну в ее пределы. Вторая Польская война, точно как и первая, прославит оружие французское; но мир, который заключим мы, будет прочен и положит конец сему кичливому влиянию, которое Россия уже пятьдесят лет производит на дела Европы...

Неприятельские армии 11 июня занимали следующее положение: маршал Макдональд с 10-м корпусом из 31 000 человек стоял при Тильзите. Неаполитанский король, имевший под начальством своим генерала Нансути с 1-м кавалерийским корпусом из 13 000 человек и генерала Монбрюна со 2-м кавалерийским корпусом из 10 000 человек, находился против города Ковно и при местечке Пренах. Генерал Груши с 3-м кавалерийским корпусом из 7000 человек был у селения Кордаков, на дороге из Пильвишек в Ковно. Маршал Даву с 1-м корпусом из 83 000 человек находился перед Пильвишским лесом. Маршал Удино со 2-м корпусом из 47 000 человек, включая в то число кирасирскую дивизию Думерка, стоял позади 1-го корпуса. Маршалы Лефевр и Бессьер с гвардией из 55 000 человек расположились перед Вильковишками. Маршал Ней с 3-м корпусом из 43 000 человек – впереди Мариенполя. Генерал Гувион Сент-Сир с 6-м корпусом из 27 000 человек – впереди Олецка. Вице-король с 4-м корпусом из 52 000 человек – у самого Олецка. Генерал Латур-Мобург с 4-м кавалерийским корпусом из 7000 человек стоял против Гродно. Князь Понятовский с 5-м корпусом из 39 000 человек, генерал Ренье с 7-м корпусом из 18 000 человек и генерал Жюно с 8-м корпусом из 18 000 человек находились в окрестностях Новгорода на реке Нарев. Князь Шварценберг с Австрийским 30 000 корпусом приближался к Дрогичину на реке Буг.

Наполеон вознамерился не отлагать долее открытия похода, несмотря на то что его армии центра и правого крыла, остававшиеся сзади, не могли действовать одновременно с Главной армией. Он опасался потерять много времени в ожидании, пока вице-король и король Вестфальский войдут в линию с ним, и чрез то дать российским армиям удобность сосредоточить свои силы. Напротив того, поспешив со своей стороны нашествием, он надеялся воспользоваться разделением российских корпусов и сражаться с ними порознь. 11 июня в 2 часа пополудни Наполеон прибыл на передовые посты свои против Ковно и, надев на себя шинель и

шапку польского улана, в сопровождении инженерного генерала Гаксо осмотрел берега реки Немана, дабы назначить место для переправы.

Вследствие сего обозрения приказал он навести три моста выше Ковно, в колене, образуемом рекой Неманом, между Ковно и местечком Понемуни. В 10 часов пополудни прибыли к берегам Немана понтонеры под начальством генерала Эбле, и генерал Моран переправился чрез реку на судах с тремя волтижерными ротами своей дивизии, дабы прикрывать наведение мостов, которые тотчас спущены были на воду. Один из мостов поставлен был против кургана, находящегося по левую сторону деревни Лежи, а другие два – между этим мостом и местечком Понемуни, в 150 саженьях один от другого. В 11 часов мосты были изготовлены, и корпус маршала Даву начал переправу, которая и произведена была беспрепятственно, ибо россияне имели на противном берегу только одни извещательные казачьи пикеты.

В половине второго часа пополудни весь 1-й корпус был уже построен на правом берегу Немана. 12 числа в полдень генерал Пажоль со своей легкой кавалерийской бригадой и одним батальоном дивизии Морана оттеснил казаков и занял город Ковно. Под вечер Наполеон перевел туда главную квартиру свою и приказал поставить мост на реке Вилие. Маршал Даву, следуя вверх по Неману, прибыл в Румшишки, а король Неаполитанский с кавалерией расположился позади селения Якштан. 12 и 13 июня неприятельская армия продолжала свою переправу.

16 числа вечером кавалерия короля Неаполитанского, опередив 1-й корпус, протянулась до города Жижмор. Маршал Ней следовал к местечку Кормелову, а маршал Ддшно, перейдя реку Вилию, взял направление к Кейданам. 14 числа неприятель продолжал свое движение: Удино перешел в Ясвоин, Ней – в Скорули, а король Неаполитанский подвинулся к местечку Еве, гоня перед собой казачью цепь, которая, не будучи подкреплена, без сопротивления уступила ему место.

Известие о переправе неприятельской армии чрез Неман пришло в российскую главную квартиру Вильно вечером 12 числа. Генерал Барклай де Толли, видя, что надлежало без потери времени сосредоточить свою армию, тотчас разослал ко всем начальникам корпусов приказания, дабы начинали отступать по данным заранее направлениям. В то же время отправлены были к генералу Платову и князю Багратиону курьеры с извещением, дабы начинали действовать сходно с предначертанием, которое прежде сего им сообщено было.

Вторжение наполеоновской армии в Россию 24 июня 1812 г.

13 июня император Александр объявил войскам своим об открытии войны, следующим приказом:

Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши, но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а будучи токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковно открыл первый войну. Итак, видя его никакими средствами не преклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши против сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождам, полководцам и воинам Нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, Свободу. Я с вами. На начинающего Бог.

АЛЕКСАНДР

Это воззвание в высочайшей степени возвысило дух в войсках, и без того уже горевших желанием сразиться с неприятелем².

Во всех рядах армии видимо было единственное желание: заставить неприятеля раскаиваться в том, что нарушил неприкосновенность священных пределов отечества. Однако в то время воинственный жар сей обуздан был приказаниями к отступлению, полученными из главной квартиры, которые и были в точности исполнены.

14 июня генерал Багговут прибыл к местечку Ширвинтам, а генералы Тучков и Шувалов соединились в позиции пред Вильно. Арьергард генерала Тучкова расположился при Новых Троках; отряд из четырех батальонов и нескольких эскадронов поставлен был при местечке Рыконтах для наблюдения Ковенской дороги. Генерал Дорохов, начальствовавший арьергардом 4-го корпуса, не получил вовремя приказа к отступлению, почему, не последовав за движением своего корпуса, остался при Оранах. Поскольку наступление Французской армии несколько замедлено было переправой чрез реку Неман, то генерал Барклай де Толли, видя, что неприятель показывался еще не в больших силах, вознамерился, со своей стороны, приостановить отступление. Вследствие сего генералы Багговут, Тучков и граф Шувалов получили предписание остановиться до нового приказания.

Граф Витгенштейн, известившись, что неприятель перешел границу, равномерно начал отступать, но, опасаясь, чтобы французы, выступив из Ковно, не предупредили его в Вилкомире, он условился с генералом Уваровым, дабы сей держался в означенном городе до его прибытия³.

² Народу объявлено было о войне следующим рескриптом его величества к главнокомандующему в С.-Петербурге фельд-маршалу графу Салтыкову: *Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользой моего народа. Все старания мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых с недавнего еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное мое дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем. Препываю Вам благосклонный* АЛЕКСАНДР. Вильно, июня 13, 1812 года.

³ *Примечание переводчика.* Поскольку авангард 1-го корпуса, имевший сборное место при городе Россией, легко мог быть отрезан неприятелем, следовавшим на Бейданы, то граф Витгенштейн предписал генерал-майору Бульневу, дабы спешил к нему на соединение только с четырьмя эскадронами гродненских гусаров. Остальным войскам авангарда, сделавшимся уже токмо боковым отрядом правого фланга и состоявшим из 24-го и 24-го егерских, Родионова 2-го и части Платова 4-го казачьих полков с легкой ротой № 9, под начальством полковника Властова дано было приказание направить отступление свое чрез город Поневеж, местечки Оникшты и Вижуны. Между тем вечером 12 июня собран был при местечке Жеймах отряд из 25-

14 числа Витгенштейн пришел в Шаты, а 15-го – в Вилкомир. Арьергард его под начальством генерал-майора Кульнева, из четырех батальонов, четырех эскадронов и трех сотен казаков состоявший, с шестью орудиями занял пост при местечке Девелтове⁴.

Того же числа маршал Удино прибыл в Шаты, а на другой день двинулся вперед. Авангард его, встретившись поутру при Девелтове с арьергардом генерал-майора Кульнева, отражен был огнем российской артиллерии. В полдень Уцшо со всем корпусом своим возобновил нападение. Кульнев, к коему между тем присоединился драгунский полк, присланный генерал-адъютантом Уваровым, хотел было еще держаться, но видя невозможность противостоять превосходным силам, на него напирющим, начал отступать к Вилкомиру. Неприятельская кавалерия быстро прошла чрез местечко Девелтово, в намерении преследовать россиян, но генерал Кульнев, вместо того чтобы поспешить с отступлением, решился стоять твердо, дабы дать время главному корпусу перейти за реку Свенту. Российская артиллерия и кавалерия целых два часа удерживали неприятеля; наконец, Кульнев, уведомившись, что граф Витгенштейн уже оканчивает свою переправу, опять начал отступать к Вилкомиру, что и произвел в совершенном порядке и не позволив ни разу себя расстроить. Будучи принужден преследовавшим его неприятелем перейти за реку Свенту, он оставил город Вилкомир по зажжении магазинов, в нем находившихся. В сей сшибке Кульнев потерял 60 человек убитых и 38 раненых. Неприятельский урон состоял в 30 человеках, выбывших из строя⁵.

го егерского полка, двух сводных гренадерских батальонов 5-й пехотной дивизии, двух эскадронов Ямбургского драгунского полка и легкой роты № 27 под начальством генерал-майора Базачковского, который, следуя чрез местечко Шаты на Девелтово, прикрывал отступление 1-го корпуса.

⁴ *Примечание переводчика.* По прибытии генерал-майора Бульнева к Девелтову составлен был новый арьергард из 23-го и 25-го егерских полков, четырех эскадронов гродненских гусаров в 300 казаков, с шестью орудиями конной роты № 3, всего из 3000 человек. Отряд генерала Базачковского, смещенный сим арьергардом, поступил в состав корпуса.

⁵ *Примечание переводчика.* По показанию французов, но у них зато было человек 90 пленных, между тем как с российской стороны не потеряно ни одного.

Я. П. Кульнев (1763–1812)

Первая встреча приносит много чести генералу Кульневу и его войскам, которые, неустрашась великого превосходства сил неприятельских, производили движения свои с хладнокровием и порядком. Граф Витгенштейн спокойно отступил к Перкале. Генерал Уваров взял то же направление. Неприятель только на три версты подвинулся за Вилкомир. Корпус генерала Багговута перешел от Ширвинт к Гедройцам.

Между тем как это происходило на правой стороне реки Вилие, Наполеон продолжал движение свое к Вильно. По приближении неприятеля генерал Барклай де Толли решился совсем отступить к Свенцанам. 16 числа в 4 часа пополуночи армия, снявшись с лагеря под Вильно, выступила тремя колоннами: 1-я, составленная из 3-й пехотной дивизии, перешла реку Вилию по Зеленому мосту и взяла направление через местечки Кальварию, Верки и Решу к селению Любову, при коем и остановилась. Арьергард ее состоял из 20-го егерского, лейб-гвардии канского и Тептарского казачьего полков с шестью орудиями конной артиллерии под

начальством генерал-майора князя Шаховского. Вторая колонна, из 1-й гренадерской дивизии состоявшая, прошла чрез город Вильно и предместье оногo Антоколь, далее чрез селения Тартак, Антовьиль и, переправившись чрез реку Видно в Братанишках, остановилась у сего селения. Арьергард ее состоял из 21-го егерского, лейб-гвардии Казачьего и Каргопольского драгунского полков с шестью орудиями конной артиллерии. 4-й пехотный корпус составлял третью колонну, которая, пройдя чрез виленское предместье Остробраму в деревню Варжовку, прибыла к селению Копунж. Генерал-майор Дорохов со своим отрядом долженствовал составить арьергард этой колонны, но так как он не мог соединиться со своим корпусом, то движение генерал-адъютанта графа Шувалова прикрыто было одной сотней черноморских казаков. Главная квартира генерала Барклая де Толли перешла в Братанишки. Генерал Багговут отступил от Гедройцев к Окмянцам. Неприятель показался в то время, когда арьергард, находившийся при Рыконтах, готовился уже оставить это местечко. Наполеон, с нетерпением желавший овладеть г. Вильно, двинул вперед кавалерию короля Неаполитанского, поддерживая ее корпусом маршала Даву, но российский арьергард, по размене нескольких пушечных выстрелов с неприятельской легкой кавалерийской дивизией графа Брюера, отступил к городу и прошел через него в хорошем порядке. Князь Шаховской с арьергардом своим, перейдя реку Вилию по Зеленому мосту, зажег его. Магазины городские равномерно были сожжены. Дивизия Брюера, близко следовавшая за россиянами, заняла Вильно и преследовала арьергард средней колонны, отступавшей по большой дороге к Свенцанам. При Антокольском предместье завязалась сшибка, в коей неприятель потерял несколько человек пленных. Под вечер россияне отступили к Антовилю. Едва успели они выйти из Вильно, как город отправил к Наполеону депутатов для поднесения ему ключей. Французский император, в полдень вступивший в Вильно, тотчас приказал починить Зеленый мост с великой деятельностью, а по исправлении его часть неприятельской кавалерии, перейдя реку Вилию в 6 часов пополудни, атаковала князя Шаховского, стоявшего при Верках, который и отступил к Любову. Российская левая колонна была преследуема, однако граф Шувалов рассудил за благо оставить в 14 верстах позади Копунжи полковника Бистрома с четырьмя батальонами, шестью орудиями и сотней казаков для прикрытия обозов, еще не успевших пройти.

17 числа в 3 часа пополудни Российская армия опять выступила. Левая колонна, перейдя реку Вилию в Брижах, прибыла к Повевюрк. Средняя колонна расположилась у Подбродья, а арьергард ее – при Юсине. Правая колонна отступила к Подубинкам, арьергард ее – к Скирлянам. Главная квартира переведена была в Боярели; 1-й корпус пришел к Покольне, а 2-й корпус – к Лобонарам и Мальзунам. 18 числа армия имела роздых, дабы дать время обозам очистить Свенцанскую дорогу, но 1-й и 2-й пехотные корпуса, продолжая отступное движение свое, прибыли: 1-й к Таурогинам, а 2-й к Колтыщанам. 1-й кавалерийский корпус, служивший связью между корпусами графа Витгенштейна и генерала Багговута, пришел к Антоломесту. 5-й корпус, составлявший резерв при городе Свенцанах, равномерно отступил к Старым Даугелишкам, дабы очистить место для войск, долженствовавших сосредоточиться под Свенцанами. 19 числа 3-й и 4-й пехотные корпуса и 2-й кавалерийский соединились на позиции в двух верстах впереди Свенцан. Арьергарды их оставлены были при селениях Люнине и Соре: 2-й пехотный корпус остался при Колтыщанях, 1-й кавалерийский корпус пришел к Полуше, а 1-й корпус – к местечку Солок, оставив арьергарды свои при Таврогинах и Давгели.

Наполеон рассудил за благо остановиться в Вильно с гвардией своей, в ожидании прихода армии вице-короля Итальянского, которая, перейдя реку Неман 19 числа в Пиланах, близ местечка Румшишек, следовала к Вильно. Прочие корпуса Главной Французской армии получили приказание продолжать свое движение. Маршал Удино взял направление от Вилкомира к Двине-реке. Король Неаполитанский с кавалерийским корпусом Монбрюна и пехотными дивизиями Фриана и Гюдена от корпуса маршала Даву должен был преследовать Российскую армию по дороге к Свенцанам. За ним в подкрепление шел корпус маршала Нея. Генерал Нансути

с двумя дивизиями Брюера и Сент-Жермена своего кавалерийского корпуса и пехотной дивизией Морана от корпуса Даву послан был от местечка Неменчина к Михалишкам, дабы стараться отрезать 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова и препятствовать соединению его с главными силами Российской армии. Маршал Даву с остальными своего корпуса дивизиями Дессе и Компана, легкими кавалерийскими бригадами Бордесульта и Пажоля и кирасирской дивизией Баланса от корпуса генерала Нансути пошел по дороге из Вильно в Ошмяны, дабы, следуя между армиями князя Багратиона и генерала Барклая де Толли, препятствовать соединению их и таким образом заступить место вице-короля Итальянского, который, оставшись слишком позади, не мог уже исполнить своего первоначального назначения. Генерал Груши со своим кавалерийским корпусом, взяв направление на Олышаны, должен был содействовать движениям маршала Даву. Неприятельские боковые корпуса правого и левого флангов также ускорили движение, дабы войти в линию с Главной армией. Маршал Макдональд перешел реку Неман в город Тильзит 19 июня, а 18 числа прибыл в Россиену. Король Вестфальский перешел ту же реку 18 числа в Гродно; казаки генерала Платова, занимавшие этот город, отступили к Лиде. Князь Шварценберг не мог вступить в пределы российские раньше 21 июня, что и произвел, переправившись чрез реку Буг в Могильнице близ Дрогичина.

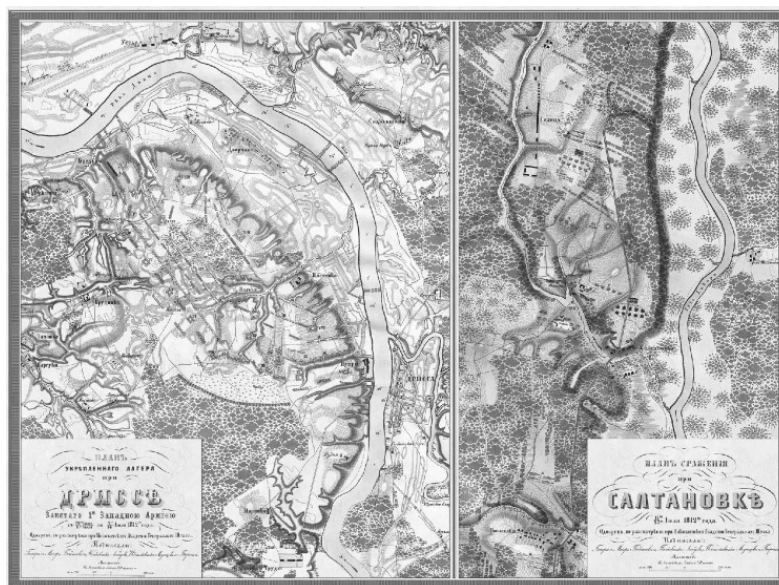
Французы с такой быстротой двинулись к Вильно, что 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова и отряд генерал-майора Дорохова едва не были отрезаны. Генерал Дохтуров находился в Лиде во время перехода неприятельского чрез границу. Приказ к отступлению, полученный им из главной квартиры Вильно, побудил его сосредоточить свой корпус 15 июня при местечке Олышанах. 16 числа продолжал он отступать двумя колоннами, из коих первая шла чрез Ошмяны и Соллы к Дунашеву, а вторая – чрез Куцевиче к Сморгони. 18 числа соединил он свой корпус при Дунашеве. Того же дня в 8 часов пополудни генерал-майор Крейц с Мариупольским гусарским и Сибирским драгунским полками, прикрывавшими движение его со стороны Вильно, встретил в Ошмянах два неприятельских эскадрона и выгнал их из города. Пленные объявили, что эти эскадроны составляли передовые войска авангарда маршала Даву, почему генерал Дохтуров, видя, что неприятель идет с ним бок о бок, почувствовал необходимость поспешить со своим отступлением. 19 числа перешел он от Дунашева к местечку Свиру и посредством сего 42-верстного перехода успел опередить головы колонн, направленных неприятелем из Вильно в намерении пресечь его путь отступления. 20 числа генерал Дохтуров прибыл в Кобыльники, вступил в линию и в непосредственную связь с Главной армией, собравшейся под Свенцанами. Таким образом, сей генерал деятельностью своей обеспечил соединение 6-го корпуса с Главной армией.

Генерал-майор Дорохов был не столь счастлив. Начальствуя авангардом 4-го пехотного корпуса графа Шувалова, находился он 12 июня вместе с резервом своим при местечке Оранах, а остаток его войск, разделенный на малые отряды, содержал передовые посты от Даугжи до Марциканцев. По несчастному случаю приказ об отступлении, в то время по всем командам разосланный, не дошел до него. Тщетно ожидал он сего приказания целых двое суток, 13 и 14 июня, наконец, не получая никакого известия от 4-го корпуса и видя себя уже окрыленного неприятелем, подвинувшимся из Ковно к Вильно, генерал Дорохов решился 15 числа отступить к Олкеникам. На сем переходе получил он наконец приказание от главнокомандующего идти через местечко Рудники на Михалишки, но как Рудники были уже заняты неприятелем, то он и нашелся принужденным сделать большой обход. 17 числа Дорохов прибыл в Большие Солешники, где принужден был остановиться на несколько времени, дабы притянуть к себе две егерские роты, стоявшие в Марциканцах и еще не успевшие присоединиться к нему. 18 числа он атакован был двумя неприятельскими полками легкой кавалерийской бригады Бордесульта, которую маршал Даву отрядил по дороге к городу Лиде, однако опрокинул неприятеля и, пользуясь им, с безопасностью отступил к местечку Девенишкам. 19-го генерал Дорохов прибыл в Олышаны и оттуда располагался идти далее через Кревы на Зашкевичи, но, узнав, что

авангард маршала Даву уже занял город Ошмямы, начал опасаться, что он предупредит его в Зашкевичах, а потому и решился повернуть через Богданово на Воложинь. Об остальных движениях сего генерала упомянуто будет при описании действий Второй Западной армии князя Багратиона, к коей он принужден был присоединиться.

Главная российская армия 20 июня дневала при Свенцанах. Под вечер арьергард ее потревожен был неприятелем, который однако не успел одержать никакой поверхности. Прибытие 6-го корпуса в Кобыльники довершило сосредоточение Первой армии, так что в два перехода она могла быть беспрепятственно собрана при Свенцанах, в числе около 115 000 человек. Несмотря на сие, генерал Барклай де Толли справедливо рассудил, что благоразумие требовало не отваживаться на сражение с неприятелем, почти вдвое превосходящим его в силах, и он решился продолжать свое отступление к укрепленному лагерю при городе Дриссе, в коем надеялся соединиться со Второй армией и положить конец неприятельским успехам, противопоставив ему большую громаду сил. 21 числа 2-й и 3-й пехотные корпуса расположились при Старых Даугелишках, а 4-й и 2-й кавалерийские корпуса – при Мелигане. Арьергарды их оставлены были при Пошманах и позади Свенцан. 1-й кавалерийский корпус стал при Новых Даугелишках, а 5-й корпус отступил к городу Видзам. Главная квартира переведена была в Старые Даугелишки. Граф Виттенштейн пришел в Римшаны, а генерал Дохтуров – в Поставы. Колтынанские и свенцанские магазины были сожжены.

22 июня 2-й и 3-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса перешли реку Дисну при селении Кочергишках, заняли позицию у Видзы-Воловщицны, куда генерал Барклай де Толли перевел и главную квартиру свою. 4-й пехотный корпус вместе со 2-м кавалерийским расположились при Тверече. Арьергард под начальством генерал-адъютанта барона Корфе стал при Старых Даугулишках и Мелигане. Генерал Дохтуров прибыл в Козяны.

Карта Дрисского лагеря. 1812 г.

Того же дня неприятель, преследовавший Российскую армию, расположился: маршал Удино – в Аванте, маршал Ней – в Малятах, а король Неаполитанский – в Свенцанах. Генерал Нансути, не могший предупредить генерала Дохтурова при местечке Свире, находился в следовании к Поставам.

23 числа 4-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса равномерно перешли реку Диену, остановились в четырех верстах позади Твереча. 5-й корпус занял позицию между местечками Угором и Замоше. Российский арьергард имел при Даугелишках весьма жаркую сшибку с лег-

кой кавалерийской бригадой генерала Сюберви, составлявшей авангард неприятельского корпуса генерала Монбрюна. Генерал Корф, отступив за реку Дисну, разломал мост, несмотря на огонь батареи о 30-ти орудиях конной артиллерии, поставленной генералом Монбрюном на правом берегу реки для воспрепятствования сему действию. Под вечер Российская армия опять выступила и 24 числа заняла следующее положение: 1-й отдельный корпус – у местечка Дрисвят, аррьергард его – при селении Свинцанах⁶; 2-й и 3-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса – при местечке Опсе, где помещена и главная квартира; 4-й пехотный корпус – у Гайдуковщицны; 2-й кавалерийский – при Альбенгофе; 5-й корпус – при Иказни; а 6-й – у селения Новой Шарковщицны. Того же дня войска поднялись в поход в 10 часов пополудни, а 25 числа главная квартира прибыла в селение Бельмонт, при котором расположились 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский; 1-й корпус стал при городе Браславе; 4-й пехотный – при Навлоках, а 5-й – у селения Милашева. Генерал Дохтуров с 6-м корпусом отступил к деревне Новы-Грады. Того же дня король Неаполитанский прибыл в местечко Опсу, где постепенно присоединились к нему маршал Ней и генерал Нансути, прошедший через Постава и Козяны. 26 числа, после нового ночного марша, Российская армия еще сблизилась к реке Двине. 6-й корпус генерала Дохтурова пришел к селению Старым Крукам. Генерал граф Остерман, по случаю болезни графа Шувалова принявший начальство над 4-м пехотным корпусом, подвинулся к деревне Бассинее. 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский поставлены были при Малавке. Главнокомандующий перевел главную квартиру свою в Перебродье. Граф Витгенштейн с 1-м корпусом прибыл к местечку Друе, где и нашел три моста, поставленные на реке Двине. Генерал-майор князь Репнин-Волконский с восемью батальонами, пришедшими из Динабурга, и тремя кавалерийскими полками резервных войск, составлявшими 4-тысячный корпус, находился у Придруйска.

27 числа 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский пришли к Милашеву; 5-й корпус – к местечку Леонполю, а 4-й пехотный – в лагерь при городе Дриссе. На другой день 2-й и 3-й пехотные корпуса и 1-й кавалерийский прибыли к Леонполю, 5-й корпус отступил в лагерь при Дриссе. Граф Витгенштейн получил приказание перейти Двину в Друе и снять мосты, там находившиеся, за исключением одного, назначенного для отступления казаков 1-го корпуса, которых он должен был оставить на левом берегу Двины. Наконец, 29 июня, Первая армия соединилась под Дриссой. 2, 3, 4 и 5-й пехотные корпуса, равно 1-й и 2-й кавалерийские, помещены были в укрепленном лагере на левом берегу Двины. 1-й отдельный корпус расположился на правом фланге лагеря, у селения Балина, что на правом берегу реки, против местечка Леонполя. Корпус сей усилен был еще 4-тысячным отрядом князя Репнина-Волконского, находившимся прежде сего у Придруйска. 6-й пехотный корпус равномерно перешел на правый берег Двины и расположился на левом фланге укрепленного лагеря, на правом берегу реки Дриссы, у селения Прудников.

Неприятель только слегка тревожил последние переходы Российской армии, ибо главные силы авангарда короля Неаполитанского не проходили далее местечка Опсы, и один только маршал Удино продолжал движение свое к Динабургу.

Поскольку непрерывное отступление от самого Вильно до Дриссы, производимое Российской армией, могло иметь опасное влияние на дух войск, то и надлежало ободрить их, представив им, что сие отступление сделано было только для сосредоточения разных корпусов, Первую армию составляющих. На сей конец император Александр издал на другой день следующий приказ, подписанный 27 июня, в день знаменитой победы Полтавской.

⁶ *Примечание переводчика.* Здесь присоединился к 1-му корпусу отряд полковника Властова, который, выступив из города Россиемы через Поневеж, 17 июня прошел в местечко Рагово, 19-го – в Вижуны, 20-го – в селение Будраны, что между Давгели Солока, 21-го – в Солок, 22-го – в Схольвы и 24-го – в Дрисваты.

Русские воины! Наконец вы достигли той цели, к которой стремились. Когда неприятель дерзнул вступить в пределы Нашей империи, вы были на границе для наблюдения оной. До совершенного соединения армии Нашей временным и нужным отступлением удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкий шаг неприятеля. Ныне все корпуса Первой Нашей армии соединились на месте предназначенном. Теперь предстоит новый случай оказать известную вашу храбрость и приобрести награду за понесенные труды. Нынешний день, ознаменованный Полтавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков ваших да возбудит к славнейшим подвигам! Они мощною рукою разили врагов своих; вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на Веру, Честь, Отечество и семейства ваши. Правду нашу видит Бог и ниспошлет на вас Свое благословение.

АЛЕКСАНДР

В лагере при Дриссе.

Июня 27 дня 1819 года.

Наполеон, оставшийся в Вильно, старался сделать полезным пребывание свое в сем городе, учреждая внутреннее правление в Литве, которое уже более не существовало, поскольку россияне на отступлении своем вывезли из всех городов архивы и увели с собой гражданских чиновников. Французы учредили генеральное временное правление и назначили префектов и подпрефектов. Они помышляли также и об учреждении земской полиции. Для чего во всех округах назначено было составить жандармские эскадроны, а город Вильно выставил два батальона народной стражи (Gardee nationales). Наполеон, желавший сделать для себя сборное место (place d'armes) из сего города, приказал укрепить развалины древнего замка князей Литовских, лежавшего на горе на левом берегу Вилии, а на правом берегу сей реки устроить укрепленный лагерь, который бы имел сообщение с городом посредством пяти мостов. Комиссия генерального временного правления литовского предписала также набор шести пехотных и четырех кавалерийских полков, но последняя мера сия никогда не была совершенно исполнена. Поляки Герцогства Варшавского, упоенные успехами Наполеона, вообразили, что если он мог беспрепятственно достигнуть до Вильно, то Россия была уже совершенно низложена, и потому, не будучи остановлены неприличностью поступка, ими предпринимаемого, самовольно объявили восстановление Королевства Польского. После чего отправили они к Наполеону депутацию, дабы, уведомив его о сем происшествии, вместе с тем испросить и его покровительства, однако ж французский император, довольно сухо принявший сию депутацию, сделал ей двусмысленный ответ. Несмотря на то, временное правление литовское приступило к Варшавской конфедерации актом, обнародованным 2 июля, но жители бывших польских областей, не занятых неприятельскими армиями, были спокойны, ибо умели оценить сей акт по истинному достоинству одного.

П. И. Багратион
(1765–1812)

Прежде, нежели приступим к описанию дальнейших действий Главной российской армии, кажется, прилично будет показать движения Второй армии.

Князь Багратион коль скоро узнал об открытии действий, то и начал сосредоточивать войска свои, дабы, сходно с данным ему предварительным предписанием, быть в готовности подкреплять казаков генерала Платова. Но в главной квартире уже отменено было предположение сделать диверсию в правый фланг и в тыл неприятеля; к тому ж Наполеон, прикрыв сей фланг армией короля Вестфальского, учинил таковое предположение вовсе неисполнимым. Вследствие сего генерал Барклай де Толли, выступая из Вильно, послал к генералу Платову и к князю Багратиону новые приказания. Первый должен был отступить из Гродно через города Лиду и Сморгони к Свенцанам, а князю Багратиону сообщено было, дабы старался не быть отрезанным от городов Минска и Борисова и для того немедленно перешел бы на правую сторону реки Щары. В вечер 16 июня Багратион выступил из Волковиска к Зельве. Генерал-адъютанту Васильчикову вверено было начальство над арьергардом, состоявшим из одного гусарского и одного уланского полков и всех казаков Второй армии, которые были еще расположены по границе и не могли присоединиться к нему иначе как в несколько переходов. В подкрепление же к арьергарду назначен был генерал-майор граф Воронцов, с его сводной гренадерской дивизией.

Князь Багратион намеревался продолжать движение свое к Минску, куда по данному маршруту и должен был прийти 25 июня, но 18 числа привез к нему в местечко Зельву

Его Императорского Величества флигель-адъютант полковник Бенкендорф новое повеление от государя, которое и заставило его переменить помянутое направление. Поскольку силы, обращенные Наполеоном против Первой российской армии, были числом несравненно превосходнее оной, то и сочтено за нужное соединить обе армии, дабы противопоставить неприятелю большую громаду сил. Вследствие сего Второй армии назначено было идти в лагерь при Дриссе, к коему и Первая армия равномерно готовилась взять направление. Дабы выполнить такое приказание, князь Багратион решился идти через Новогрудек на Вилейку.

19 июня главная квартира Второй армии переведена была в город Слоним, 20-го – в местечко Дворец, 21-го – в Новогрудек, а 22-го армия соединилась на берегу реки Немана, против местечка Николаева. Главнокомандующий приказал немедленно поставить мост у Николаева. Недостаток способов и вода, от необыкновенно сильных дождей высоко поднявшаяся в Немане, много сему препятствовали, однако, несмотря на то, успели поставить довольно порядочный мост, удобный даже для артиллерии. Тяжелый обоз должен был переправляться чрез

Неман по другому мосту, поставленному выше, у деревни Колодзеной. 22 числа пополудни часть Второй армии перешла реку. На другой день должен был переправляться и остаток оной, но в ночи полученное донесение от генерала Платова заставило сделать еще новую перемену.

Генерал Платов оставил Гродно в ночь с 16 на 17 июня, и вследствие вышеупомянутого предписания пошел по дороге к городу Лиде. 17 числа прибыл он в Мильковщизну, 18-го – в Ишолно, а 19-го – в Лиду. По сожжении магазинов сего города располагался он продолжать движение свое по назначенному направлению на Сморгонь, но узнав, что неприятель в больших силах находился в окрестностях местечка Ольшаны, взял правее и 21 числа прибыл в Ивие. На другой день намеревался он перейти в Вишнев, но получив от разъездов своих донесение, что местечко сие уже занято было сильным неприятельским корпусом, решился идти в Бакшты в намерении следовать оттуда на Воложин, дабы соединиться там с отрядом генерал-майора Дорохова, который, как мы уже видели, в это время находился в Воложине. Пленные, взятые казаками в сшибках 21 и 22 числа, уведомили, что в Вишнев стоял маршал Даву со всем корпусом своим, силу коего показали они, в 60 000 человек. Платов немедленно известил о сем князя Багратиона.

Хотя французские корпуса, посланные против генерала Платова и князя Багратиона, далеко не были столь многочисленны, как сказывали пленные, однако они в самом деле занимали места, ими означенные. 22 июня маршал Даву прибыл в Вишнев, а генерал Груши, накануне находившийся в Трабах, подвинулся к местечку Субботникам. Наполеон весьма хитро поступил, разделив корпус маршала Даву, ибо через то привел россиян в недоумение. Князь Багратион тем скорее уверился, что имеет против себя 60 000 человек, что по прежним известиям сила корпуса маршала Даву долженствовала даже многим превосходить упомянутое число, между тем как в самом деле у сего маршала вместе с генералом Груши было не более 46 000 человек. Князь рассудил, что неблагоприятно было бы вступать в дело с превосходной в числе армией, проходя из Николаева к Воложину по весьма худым дорогам, проложенным через леса и болота и составляющим почти непрерывные теснины, выходы из коих занимал неприятель. К тому же в случае неудачи Российская армия не имела иного пути к отступлению, как по дурным мостам при Николаеве и Колодзиной, почему и подвергалась опасности быть совершенно истребленной на переправе через реку Неман. Причины столь важные побудили главнокомандующего отменить движение на Воложин и стараться достигнуть города Минска усиленными переходами через местечки Кореличи, Мир, Новый Свержень, Койданов.

Маршал Груши (1766–1847)

23 июня утром войска, уже переправившиеся за Неман, возвратились на левый берег реки, и вся армия прибыла к Кореличам. Генералу Платову приказано было вместе с генерал-майором Дороховым держаться у Воложина до 26 числа, а потом отступить к Новому Свержению через местечки Камень, Хатово и Столицы. Но приказание сие оказалось неисполнимым: генерал Дорохов еще 22 числа отступил в Камень, а 23-го сам маршал Даву прибыл в селение Вобровичи, вблизи Воложина. Кавалерийская бригада Пажоля, составлявшая его авангард, подвинулась в Першай, а кавалерийская бригада Бордесульта, назначенная для прикрытия его правого фланга, пришла в Бакшты. Генерал Платов, не имевший достаточных сил, чтобы вытеснить неприятеля из его позиций, начал отступать по дороге, взятой князем Багратионом.

24 июня Вторая армия пришла к местечку Миру. Князь Багратион намерен был в следующие дни продолжать движение свое к Минску, но донесение, от генерал-майора Дорохова полученное, снова расстроило его предположения. Дорохов писал, что его теснит неприятель, коего главные силы уже находились в окрестностях местечка Ракова. Князь, видя невозможность достигнуть Минска без сражения с неприятелем, счел за должное не подвергаться опасностям

оного. Правда, что, соединившись с генералами Платовым и Дороховым, он мог противопоставить маршалу Даву армию, почти равную его силам, которую полагали в 60 000 человек, но в сражении, данном в таких обстоятельствах, выгоды, от победы полученные, были бы несравненно значительнее для неприятеля. Одержав поверхность, россияне только что совратили бы путь свой для соединения с Первой армией, а маршал Даву отступил бы к главным силам Французской армии через местечки Городок и Радосковичи или через Плещеницу и Докшицу, чему нельзя было воспрепятствовать. Напротив того, князь Багратион в случае потери сражения не имел иного отступления, как по дороге из Несвижа через Новый Свержень, но сию дорогу мог пресечь король Вестфальский, ибо потеря времени, причиненная покушением россиян перейти реку Неман у Николаева, доставила ему возможность приблизиться ко Второй армии, которую назначено было ему преследовать. Причины сии побудили князя Багратиона избрать единственный путь к реке Березине, еще не занятый неприятелем, – чрез города Несвиж и Слуцк в Бобруйск.

25 числа 8-й пехотный корпус прибыл к Несвижу. Князь Багратион с остатком армии пошел к Новому Сверженю, дабы притянуть к себе отряд генерал-майора Дорохова, который под вечер и прибыл к сему местечку. 26-го вся армия соединилась при Несвиже. Того дня маршал Даву, продолжавший движение к Минску, занял сей город.

Князь Багратион решился остановиться на три дни в Несвиже, чтобы дать время артиллерийским паркам и обозам пройти к Слуцку и очистить сию дорогу, а между тем доставить некоторое отдохновение войскам своим, сделавшим без роздыха девять весьма утомительных переходов. Генерал Платов получил приказание стать у местечка Мира для наблюдения за неприятелем, который начал уже показываться в окрестностях Новогрудка.

Мы уже видели, что вестфальский король перешел реку Неман 18 июня в Гродно. В следующие дни продолжал он подвигаться к Белице, где вторично перешел Неман с пехотными корпусами генералов Жюно, князя Понятовского и резервным кавалерийским корпусом Латур-Мобурга. Корпус генерала Ренье, несколько отставший от прочих, следовал по левому берегу Немана. 26 числа, неприятельская кавалерия авангарда короля Вестфальского, показавшаяся при местечке Кореличах, прогнана была казаками опять к Новогрудку. 27-го вестфальский король прибыл в Новогрудек со всею армией своей, за исключением корпуса генерала Ренье, находившегося еще у Слонима. Того же дня Польская кавалерийская дивизия генерала Рознецкого, составлявшая его авангард, подвинулась к местечку Миру. Князь Багратион усилил генерала Платова двумя казачьими полками своей армии и послал к нему на помощь еще генерал-адъютанта Васильчикова с тремя кавалерийскими и одним пехотным полком. Сам он со сводной гренадерской дивизией и 7-м пехотным корпусом генерала Раевского был в готовности подкрепить свой авангард. Но казаки окончили дело еще до прихода генерала Васильчикова: три полка польской кавалерии под начальством генерала Турно, приблизившиеся к местечку Миру, были совершенно разбиты и прогнаны казаками с потерей 200 человек пленных. На другой день генерал Рознецкий, желая отомстить, выслал шесть полков своих, что и подало повод к блистательному кавалерийскому делу. Казаки, вспомоществуемые кавалерией генерал-адъютанта Васильчикова, еще раз успели опрокинуть поляков, претерпевших великий урон.

Князь Багратион охотно желал бы воспользоваться сим первым успехом, невероятно возвысившим дух войск его армии, дабы вступить в сражение с королем Вестфальским, коего силы мог предполагать почти равными своим силам, но он рассудил, что заводить дело с Иеронимом было бы гнаться за побочностью с упущением главного, ибо через то маршал Даву получил бы возможность предупредить его на реке Березине. Сверх того, к королю Вестфальскому каждый час мог присоединиться генерал Ренье, что и доставило бы ему чрезмерное превосходство числа над Второй российской армией. Но возвратимся к Первой армии.

Маршал Удино, прибыв 1 июля к Динабургу, немедленно атаковал предмостное укрепление, построенное россиянами на левом берегу реки Двины. Генерал-майор Уланов, занимавший Динабург с 2500 человек резервных войск, в продолжение целого дня с успехом оборонял помянутое укрепление. На другой день неприятель опять сделал несколько неудачных покушений к овладению оным. Поскольку по тогдашним обстоятельствам занятие Динабурга не представляло россиянам большой пользы, то они намеревались уже оставить сей пост, как вдруг маршал Удино, получив приказание соединиться с королем Неаполитанским, сам отступил от Динабурга в ночь с 3 на 4 число и пошел к местечку Опсе, где находился еще Иоаким со своим авангардом⁷.

Граф Витгенштейн, приметив, что неприятель имел в Друе только одни кавалерийские пикеты, приказал генерал-майору Кульневу, начальствовавшему его авангардом, навести в ночь со 2 на 3 июля мост на Двине против сего местечка и, перейдя реку, атаковать неприятельские передовые посты. Кульнев переправился ночью и 3 числа утром двинулся из Друи к селению Чернову. В одной миле от Друи сделал он внезапное нападение на два кавалерийских полка дивизии генерала Себастьяни, разбил их совершенно и взял в плен генерала Сент-Женье и 143 человека. После сего успеха он спокойно возвратился за Двину⁸.

Лагерь, занимаемый Первой российской армией, укреплен был с большим тщанием и находился на левом берегу Двины, в колене, составляемом сей рекой между городом Дриссой и деревней Бредзиво. Протяжение дуги, образуемой сим коленом, содержало в себе 3900 сажен на хорде в 2600 сажен. Фронт лагеря защищаем был десятью редутами, расположенными по выпуклой черте длиной в 3200 сажен, которая обоими концами своими упиралась к реке, а в промежутках редуты построены были батареи. Каждый редут прикрыт был ложементом длиной в 100 сажен, расположенным в 60 саженях впереди одного. Впереди левого крыла лагеря находился болотистый лес, которым мог бы воспользоваться неприятель, почему часть леса была вырублена, а из поваленных деревьев в 190 саженях перед 6, 7, 8 и 9-м редутами (считая с

⁷ *Примечание переводчика.* Динабургский гарнизон состоял из десяти резервных батальонов и четырех эскадронов сводного гусарского полка под начальством генерал-майора Панова. Маршал Удино, подступив 1 июля под Динабург, атаковал предмостное укрепление большей частью своего корпуса, однако, испытав весьма сильное сопротивление, был отбит и принужден отступить к деревне Калкумен. Между тем главнокомандующий Первой армией поручил графу Витгенштейну оборону Двины, дав ему предписание оставить Динабург, коль скоро неприятель в силах перейти реку по близости одного. Вследствие сего послан был туда начальник артиллерии 1-го корпуса генерал-майор князь Яшвил, дабы управлять обороной и упразднением Динабурга. 9 июля неприятель снова атаковал предмостное укрепление, но без малейшего успеха. 3 числа он произвел столь же неудачное нападение, а в ночь на 4 число маршал Удино, получивший повеление соединиться с королем Неаполитанским, оставил окрестности Динабурга. Российский гарнизон, сделав вылазку против его арьергарда, занял деревню Балкумен и у местечка Езероса взял у него 80 человек пленных.

⁸ Генерал-майор Кульнев со своим авангардом, состоявшим из казачьего Платова 4-го, Гродненского гусарского, 23-го и 25-го егерских полков с шестью батарейными и 12 легкими орудиями, начал переправляться числа вместе с рассветом. Казаки первые перешли за Двину, тотчас напали на неприятельские передовые посты, занимавшие местечко Друю, и прогнали их к деревне Оникштам, у которой стояли Французский 11-й конноегерский и Польский 10-й гусарский полки, в числе 8 эскадронов. Российский авангард перешел мост, расположился вдоль речки Друйки, а казаки продолжали перестрелку с неприятелем, пока полковник Ридигер, прибывший к ним на подкрепление с четырьмя эскадронами гродненских гусаров, ударил на неприятеля и прогнал его к оврагу, находящемуся при деревне Литишки, за коим он опять построился в четыре колонны. Полковник Ридигер, видя, что за ним следуют остальные четыре эскадрона его полка, приближавшиеся развернутой линией, разделил бывшие при нем эскадроны на две части, обошел овраг, ударил в оба фланга неприятельской кавалерии и, опрокинув ее, принудил отступить в величайшем беспорядке к деревне Яги. Здесь неприятель снова построился на близлежащей высоте и, спешив часть своих конных егерей, составил из них стрелковую цепь. Несмотря на сие, гродненские гусары в третий раз атаковали неприятеля с фронта, между тем как казаки заехали ему во фланг, и неприятель, совершенно опрокинутый, преследуем был до селения Чернова. Пехота генерал-майора Бульнева оставалась на месте, дабы прикрывать действия своей кавалерии от главного неприятельского авангарда, стоявшего против российского укрепленного лагеря при Дриссе. По сделании полковником Ридигером предположенного обозрения генерал-майор Бульнев возвратился за Двину со всем авангардом своим, за исключением казаков, оставшихся на левом берегу реки. В сем блистательном кавалерийском деле, в коем Гродненский гусарский полк явил первый опыт той храбрости, которою не переставал он отличаться во все продолжение похода, урон с русской стороны состоял только в 12 человеках убитых и шести офицерах и 57 рядовых раненых. Напротив того, неприятель потерял более 300 человек, выбывших из строя, не считая 144 человек, взятых в плен, в числе которых находился бригадный генерал Сент-Женье с тремя офицерами.

правого фланга) сделана была засека с лишком в 1000 сажен длины и в 60 сажен ширины. Дабы еще увеличить оборону сей части лагеря, в промежутке 7-го и 8-го редутов построили большой люнет, имевший перешеек почти в 140 сажен и связанный с помянутыми двумя редутами посредством некоторого рода куртин длиной в 74 сажени. За серединой сего люнета, почти в 100 саженях от перешейка его, построили еще новый редут. Пять других редутов составляли вторую линию в расстоянии около 260 сажен от фронта первой линии, а в 400 саженях позади центра второй линии находился еще один редут. Большой люнет, равно как и почти все редуты, снабжены были палисадом, поставленным во рвах оных, а последние шесть редутов окружены тройным рядом волчьих ям, с острым колом в каждой яме. Сообщение лагеря с правым берегом Двины обеспечено было посредством четырех мостов, из которых два средние прикрыты были большим тенальным укреплением. Правый и левый мосты, отстоявшие от средних, первый – в 700, а последний в – 1000 саженях, также защищены были тенальными укреплениями, но меньшего размера. Войска, занимавшие сей лагерь, распределены были следующим образом: в каждом из десяти редутов первой линии, равно как и в редуте, построенном позади большого люнета, находилось по одному пехотному батальону. Ложементы, построенные впереди редутов, также защищаемы были каждый одним егерским батальоном, кроме двух крайних по крылам лагеря, которые, будучи длиннее прочих, заняты были каждый двумя егерскими батальонами. Таким образом, 23 батальона употреблены были для охранения укреплений. Правое крыло армии, поставленное позади 1-го и 2-го редутов, простиралось правым флангом к самой реке и состояло из восьми батальонов в первой и четырех во второй линии. За ним в подкреплении находились восемь эскадронов драгун и девять эскадронов лейб-гвардии казачьего и Тептарского полков. 15 батальонов, построенные позади 3, 4, 5, 6 и 7-го редутов, составляли центр, а за ними во второй линии находилось 11 батальонов. Кроме того, центр подкрепляем был еще двумя линиями кавалерии, из которых первая состояла из 16 эскадронов драгун, а вторая также из 16 эскадронов гусар и улан. Первая линия левого крыла, состоявшая из восьми батальонов, расположена была позади 8, 9 и 10-го редутов. За ней во второй линии находились два батальона, восемь эскадронов драгун и восемь эскадронов улан. Резерв, расположенный позади редуты второй линии, имел в первой линии 13 батальонов, а на каждом из флангов второй линии, состоявшей из шести батальонов, находилось по восемь эскадронов кирасир, 132 орудия, расставленных на батареях между редутами, защищали доступ к позиции. 222 орудия оставались в резерве.

Казачи. 1812 г.

Из вышесказанного видно, что армия, запершаяся в лагере, состояла из 90 батальонов и 81 эскадрона. Сверх того, на правом берегу Двины, против правого фланга лагеря, поставлен был отряд из трех батальонов и пяти эскадронов с 12 пушками. Другой отряд, из четырех

батальонов и пяти эскадронов с 12 пушками, расположен был также за Двиной, против левого крыла, позади города Дриссы. Сей последний отряд устроил в самом городе батарею о четырех орудиях, дабы сбоку оборонять левый фланг лагеря. Остаток армии, как уже сказано, находился на правом берегу реки, против местечка Леонполя и у селения Прудников, под начальством генералов графа Витгенштейна и Дохтурова⁹.

Позиция, нами здесь описанная, несмотря на некоторые погрешности в самом расположении укрепления, была довольно крепка, однако не могла быть полезна для Российской армии. Она представила бы превосходный стратегический пункт в таком случае, если б Наполеон в самом деле вознамерился идти на Псков или в Лифляндию, но как он учинил на левом крыле своем один только вид нападения, а главную громаду сил своих обратил к правому крылу, то россияне и не могли оставаться долее при Дриссе, не подвергнувшись опасности быть обойденными с левого фланга и оттесненными в Лифляндию и к морю с совершенной потерей всех сообщений своих с внутренними губерниями государства. Для избежания столь пагубных последствий положено было оставить лагерь при Дриссе и вверх по правому берегу Двины идти через Полоцк к Витебску. Направление сие было тем лучше избрано, что кроме выгоды сближения армии к важному среднему пути действий, проходящему через Смоленск на Москву, оно встречалось еще с путем, по которому должен был следовать князь Багратион, и таким образом облегчало столь желанное и необходимое соединение обеих армий. В окрестностях Дриссы оставлен был только один 1-й корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна, в котором вместе с отрядом князя Репнина-Волконского состояло 25 000 человек. Граф Витгенштейн получил приказание прикрывать С.-Петербургскую дорогу и вследствие чего, действуя только оборонительно, не переходить за реку Двину. Но если бы неприятель начал теснить его превосходными силами, в таком случае путь отступления был назначен ему через Себеж и Псков на Новгород.

2 июля Первая армия, оставив лагерь при Дриссе, перешла за Двину-реку. 2-й пехотный корпус стал при деревне Покаевцах; 5-й корпус – при городе Дриссе, на правом берегу речки того же названия. 3-й и 4-й пехотные корпуса дошли до деревни Юстиновой, а 6-й пехотный корпус пошел к местечку Валынцам. Главная квартира находилась в Дриссе. 2-й и 3-й кавалерийские корпуса остались на левом берегу Двины для подкрепления передовых постов.

3 числа 2-й пехотный корпус соединился с 5-м, а прочие корпуса имели роздых. На другой день граф Витгенштейн сменил 2-й пехотный корпус при Покаевцах. Армия опять выступила¹⁰ двумя колоннами: левая, состоявшая из 2-го и 5-го пехотных корпусов, остановилась при местечке Валынцах, а 3-й и 4-й пехотные корпуса, составлявшие правую колонну, пришли к селению Прудникам. Главная квартира переведена была в Прилуки; 6-й пехотный корпус расположился при деревне Костоломах; арьергард его, состоявший из 3-го кавалерийского корпуса, под начальством генерал-майора графа Палена 2-го перешел Двину при Дисне и стал на правом берегу реки против сего города¹¹. Генерал-адъютант барон Корф со 2-м кавалерийским корпусом, перешел Двину при городе Дриссе, составив арьергард правой колонны.

5 июля левая колонна пришла к селу Саколищам, а правая – к деревне Барауху, куда генерал Барклай де Толли перевел и главную квартиру свою. 6-й пехотный корпус имел дневку. 6 числа армия прибыла к Полоцку и, пройдя сей город, расположилась лагерем на Витебской

⁹ *Примечание переводчика.* 2-й пехотный корпус, подкрепляемый частью 1-го кавалерийского, составлял правое крыло; 3-й пехотный корпус, имевший за собой остаток 1-го кавалерийского и часть 2-го кавалерийского корпусов, стоял в центре; а 4-й пехотный корпус с подкреплением 2-го кавалерийского находился на левом крыле. 5-й пехотный корпус с 1-й кирасирской дивизией расположен был в резерве позади центра и частью за левым крылом. За рекою Двиной, против местечка Леонполя, стоял 1-й корпус, а у города Дриссы и селения Прудников – 6-й пехотный корпус.

¹⁰ *Примечание переводчика.* Вверх по правому берегу реки Двины.

¹¹ Имея передовые посты на левом берегу Двины.

дороге. Главная квартира была переведена в Полоцк. 6-й пехотный корпус сменил правую колонну при Бараухе¹².

Опасение россиян в рассуждении левого крыла их оказалось основательным. Наполеон в самом деле предпринял обойти сие крыло громадой сил своих, а для исполнения сего намерения он поджидал только прибытия корпуса вице-короля Италианского. Сей последний пришел 22 июня в Новые Троки и через два дня получил от Наполеона повеление следовать на Докшицы, куда и прибыл 6 июля, проходя через Ошмяны, Сморгони и Вилейку. Маршал Мортье с частью гвардии выступил из Вильно 27 июня, а 4 июля пришел в местечко Глубокое. Остаток гвардии и Баварские войска, составлявшие корпус генерала Сент-Сира, следовали за маршалом Мортье на расстоянии нескольких переходов. Сам Наполеон прибыл в Глубокое 6 июля. Король Неаполитанский, узнав об оставлении россиянами лагеря их при Дриссе, равномерно выступил из местечка Опсы по дороге к Полоцку.

Его величество император Александр, оставив армию при Полоцке, изволил отъехать в Москву, дабы личным присутствием своим придать более деятельности вооружениям, производимым внутри государства. Наполеон вторгнулся в Россию с громадой сил, превосходнейшей той, которую полагали, что мог он употребить в дело, а от сего произошло, что Российская армия оказалась весьма малочисленной и для усиления ее надлежало прибегнуть к новым наборам. К тому ж необходимо нужно было составить сильные резервы для поддержания войны, которая могла сделаться продолжительной, ибо император Александр принял твердое намерение *не отлагать орудия, доколь не будет изгнан неприятель из пределов отечества*.

Высочайшим указом, данным в лагере при Дриссе, от 1 июля уже объявлен был рекрутский набор в губерниях Витебской, Могилевской, Подольской, Волынской, Лифляндской и Эстляндской по пяти человек с каждых 500 душ мужского пола, но как мера сия оказалась еще недостаточной, то его величество решился обратиться к верным подданным своим, объявив им о положении дел и о нуждах отечества. Первое воззвание к городу Москве было следующего содержания:

Первопрестольной столице Нашей Москве.

Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное Наше отечество. Хотя пылающее мужеством ополченное российское воинство готово встретить и низложить дерзость его и зломыслие, однако ж по отеческому сердоболшо и попечению Нашему о всех верных наших подданных не можем оставить Мы без предварения их о сей угрожающей им опасности, да не возникнет из неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имея в намерении для надежнейшей обороны собрать новые внутренние силы, наипервое обращаемся Мы к древней столице предков наших Москве, она всегда была главою прочих городов российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ее из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны отечества, для защиты оного. Никогда не настояло в том вяцей надобности, как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требует. Итак да распространится в сердцах знаменитого дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и Православная Наша церковь; да составит и ныне сие общее рвенье и усердие новые силы и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширности России! Мы не умедлим сами стать посреди народа Своего в сей столице и в других государства Нашего местах для совещания и руководства всеми нашими ополчениями, как ныне преграждающими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение оного везде, где только появится. Да обратится погибель, в которую мнит он низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России.

¹² 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, оставаясь при городах Дриссе и Дисне, составили арьергард армии.

АЛЕКСАНДР

Июля 6 дня 1812. В главной квартире вблизи Полоцка.

Воззвание сие сопровождается было следующим манифестом:

Божию милостью Мы Александр I император и самодержец всея России и проч., и проч., и проч.

Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силой и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему в преграду войска Наши, кипящие мужеством попрасть, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и кротость их твердую надежду, но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Мишина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем отечества; Святейший синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь весь: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

В главной квартире вблизи Полоцка. 1812 года июля 6 дня.

АЛЕКСАНДР

Вслед за этими двумя воззваниями государь император изволил прибыть 11 июля в Москву, где и принят с чувствительнейшими изъявлениями верности и усердия. Опасность, угрожавшая государству, не только не привела россиян в уныние, но напротив того, еще воспламенила в них чувства народного честолюбия и любви к отечеству. Все сословия, искренно присоединившись к главе государства, изъявили чистосердечное желание и готовность свою на все жертвования, каких только крайность обстоятельств могла потребовать. 15 числа дворянство и купечество московское приглашены были в Слободской дворец. Собрание сие внушало почтение как по спокойствию совещаний своих, так и по великости пожертвований, добровольно им определенных.

По прибытии в дворянскую залу генерал-губернатора московского графа Растопчина государственный секретарь открыл собрание чтением высочайшего манифеста от 6 июля, и граф Растопчин пригласил дворянство принять действенные меры к обороне страны, дабы тем

споспешествовать спасительным намерениям монарха. На сие один из членов собрания предложил сделать набор со всех поместьев дворянских по десяти человек со ста для составления внутреннего ополчения, и усердие, одушевлявшее сие знаменитое собрание, было столь велико, что, приняв немедленно и единогласно сделанное предложение, оно определило еще сверх того снабдить новонабранных ратников одеждой и провиантом и вооружить их по возможности. Купеческое сословие оказало столько же усердия. По прочтении высочайшего манифеста оно положило собрать со всех членов своих сумму, соразмерную с капиталом каждого, для вспомоществования внутреннему ополчению. Сверх того, многие купцы, изъявив желание сделать еще особенные приношения, просили позволения тотчас открыть добровольную подписку, не выходя из залы, и приступив к сему, скорее нежели в час времени собрали они более полутора миллиона рублей. Таково было расположение обоих сословий, когда государь по выслушании божественной литургии в дворцовой церкви изволил прибыть в дворянскую залу. Окруженный верными подданными своими, он беседовал с ними как отец с детьми, не скрыл от них, сколь велика была опасность, угрожавшая отечеству, но изобразив затруднительное положение государства, на которое неприятель учинил нашествие в столь чрезвычайных силах, что Российская армия, несмотря на всю великость усердия своего, могла только замедлить, а не остановить его движение, вместе с тем изъявил столько доверия на любовь к отечеству своего народа и столь решительное намерение скорее употребить последние способы обширных владений своих, нежели отложить оружие, что надежда возродилась во всех сердцах, и россияне, увлеченные примером августейшего монарха своего, взирали уже на бедствия, угрожавшие им, как на необходимые средства с успехом в конец истребить неприятеля. Государь, известившись о мерах, принятых собранием обоих сословий, благоволил принять патриотические их приношения и изъявил дворянству благодарность свою, сказав с чувством умиления: *Я ожидал сего: вы совершенно оправдали мнение, которое я имел о вас.* Потом его величество вошел в купеческую залу и сему сословию равномерно изъявил удовольствие свое в весьма милостивых выражениях, произведших всеобщий восторг. Достопамятное утро сие никогда не изгладится из памяти жителей московских. История всех народов мало представляет примеров столь благородного и искреннего соединения государя с подданными. Слава монарху, умевшему ценить народ свой! Слава народу, сделавшемуся достойным доверенности своего государя!

Император Александр, не сомневаясь более, чтобы порыв любви к отечеству, изъятый Московской губернией, не сообщился и прочим частям государства, рассудил за благо ограничить пожертвования их соразмерно настоящим нуждам государства и для этого повелел обнародовать следующий указ:

Божію милостію Мы, Александр І, император и самодержец Всероссийскій, и проч., и проч., и проч.

По воззвании ко всем верноподданным Нашим о составлении внутренних сил для защиты отечества и по прибытии Нашем в Москву нашли Мы, к совершенному удовольствию Нашему, во всех сословіях и состояніях такую ревность и усердіе, что предполагаемые добровольно приношения далеко превосходят потребное к ополченію число людей. Сего ради, приемля таковое рвеніе с отеческим умилением и признательностію, обращаем Мы попечение Наше на то, чтобы, составя достаточные силы из одних губерній, не тревожить без нужды других. Для того учреждаем: 1) округа, состоящие из Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской губерній, примут самыя скорыя и деятельныя меры к собранію, вооруженію и устройенію внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную столицу Нашу Москву и приделы сей округи; 2) округа, состоящие из Санкт-Петербургской и Новгородской губерній, сделают то же самое для охранения Санкт-Петербурга и пределов сей округи; 3) округа, состоящие из Казанской, Нижегородской,

Пензенской, Костромской, Симбирской, Вятской губерний, приготовятся расчислить и назначить людей, но до повеления не собирают их и не отрывают от сельских работ; 4) все прочие губернии остаются без всякого по оным действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным отечеству жертвам и услугам; наконец, 5) вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устроенное из предосторожности, в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к переменах одежды, и по прошествии надобности, то есть по изгнании неприятеля из земли Нашей, всяк возвратится с честью и славой в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям.

Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное внутреннее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора рекрут по установленным правилам.

В Москве. 1812 года июля 19 дня.

АЛЕКСАНДР

По принятия таких мер его величество изволил отъехать из Москвы в С.-Петербург, где высочайшим указом, обнародованным от 4 августа, повелел новый рекрутский набор по два человека со ста с удельных и казенных имений по всей империи и с помещичьих владений только в тех губерниях, которые не были приглашены к составлению внутреннего ополчения. Однако из сего набора исключены были губернии, объявленные в военном состоянии, также Псковская и Эстляндская губернии, во уважение тягостей, которые они должны были нести по причине близости своей к театру войны. Грузия равномерно освобождена была от рекрутства, а сибирским губерниям велено поставить только по пяти человек с 500 душ. Набор сей определено было начать 1 сентября и кончить к 1 ноября 1812 года.

Между тем как правительство принимало столь деятельные меры для составления многочисленных резервов внутри государства, мир, заключенный с Англией, возобновил прекратившуюся торговлю и через то опять открыл для России источник богатства, столь давно иссякший. Прекращение войны с Англией было необходимым следствием открытия неприятельских действий с Францией.

Теперь возвратимся к описанию военных действий. Генерал Барклай де Толли, приметив, что неприятель все тянется правым флангом, вознамерился и со своей стороны продолжать движение к Витебску, дабы предупредить тем французов.

7 июля 1-й кавалерийский корпус выступил из Полоцка к Витебску. На другой день последовала за ним вся армия: левая колонна пришла к селу Оболю Езуитскому, а правая колонна с главной квартирой – к селу Островлянам. 6-й пехотный корпус сменил армию при Полоцке. 2-й и 3-й кавалерийские корпуса подвинулись к Барауху¹³.

9 числа генерал Барклай де Толли с правой колонной прибыл к сельцу Климову, левая колонна – к местечку Сиротину; 6-й корпус перешел к Островлянам, а арьергарды расположились в половине перехода позади сего корпуса¹⁴.

На другой день левая колонна пришла к селу Погорельцам, правая с главной квартирой – в Старое Село; 6-й корпус – к сельцу Климову. Наконец, 11 числа армия прибыла к Витебску, в коем генерал Барклай де Толли и занял свою главную квартиру. 3, 4 и 3-й пехотные и 1-й кавалерийский корпуса перешли Двину, расположились на правом берегу речки Лучесы, по дороге в местечко Бышенковичи. 2-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса остались на

¹³ *Примечание переводчика.* Все обозы и артиллерийские парки следовали к Витебску по третьей дороге, через Козяны и Городок.

¹⁴ *Примечание переводчика.* Имея посты свои при Дисне.

правом берегу Двины, при городе Витебске. 6-й корпус пришел к Куриловщине. 3-й кавалерийский корпус остался в арьергарде, на малый переход позади 6-го корпуса.

Французы равномерно продолжали свои движения. 8 июля король Неаполитанский прибыл к городу Дисне с корпусом маршала Нея, дивизиями генералов Морана, Фриана и Гюдена от корпуса маршала Даву и кавалерийским корпусом генерала Монбрюна; сей последний перешел здесь Двину, сделал на правом берегу реки обозрение, удостоверившее неприятеля, что Российская армия уже прошла мимо Дисны. Генерал Нансути с двумя кавалерийскими дивизиями своими, составлявший авангард короля Неаполитанского, приблизился к Полоцку вверх по левому берегу Двины. Наполеон с гвардией своей прибыл к местечку Ушачу, а вице-король – к местечку Верхнему Березину. Генерал Сент-Сир с баварцами следовал в нескольких переходах позади гвардии.

9 числа вице-король подвинулся к Пышне, а 10-го пришел к местечку Камню. Маршал Ддшно, следовавший за королем Неаполитанским, прибыв к городу Дриссе, немедленно приказал скрыть укрепления лагеря, а потом продолжал движение свое к Полоцку. Около сего времени получил он повеление оставаться у Полоцка для действий против корпуса графа Витгенштейна.

11 числа Наполеон с гвардией прибыл к Камню, а вице-король подвинулся к селению Бочейкову на реке Уле, где, узнав, что местечко Бешенковичи занято было отрядом российской кавалерии, послал туда авангард свой с легкой кавалерией. Российский отряд возвратился на правый берег Двины еще до прихода сего авангарда.

Генерал Барклай де Толли начал опасаться, чтобы неприятель не бросился всей громадой в промежутки Днестра и Двины для препятствования соединению обеих российских армий, почему и решился предупредить его, потянувшись через город Бабиновичи прямо к Орше. В то же время писал он к князю Багратиону, приказывая ему именем государя императора, чтобы пробивался со Второй армией к Орше и для сего напал бы со своей стороны на правый фланг неприятеля, который не мог быть в силах на сем пункте, ибо большая часть его войск собиралась против Первой российской армии. Поскольку вся страна окрест Бабиновичей уже наводнена была неприятельскими партиями, то генерал Барклай де Толли отрядил 12 июля генерал-майора Тучкова 4-го с двумя егерскими полками, 12 эскадронами кавалерии, одним казачьим полком и шестью орудиями конной артиллерии, предписав ему, чтобы очистил дорогу к Бабиновичам и находился бы в сообщении¹⁵ с отрядом генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, посланным к городу Сенно.

Того ж 12 июля вице-король со всем корпусом своим прибыл к Бешенковичам, где и нашел уже генерала Нансути, пришедшего из местечка Уды. Вице-король приказал немедленно поставить мост на Двине при Бешенковичах, но Баварская легкая кавалерийская бригада генерала Прейсинга, между тем подоспевшая, не дожидаясь окончания сего моста, перешла Двину вброд, дабы учинить обозрение, которое Наполеон, вскоре засим лично прибывший на правый берег реки, приказал произвести верст за восемь от Бешенковичей, в направлении к деревне Куриловщине, все еще занятой генералом Дохтуровым. Поскольку сие обозрение удостоверило Наполеона, что он еще не миновал левого фланга Российской армии, главные силы коей уже прошли к Витебску, то и вознамерился он продолжать движение свое по левому берегу Двины. Того же вечера генерал Нансути со своими двумя кавалерийскими дивизиями и полком легкой пехоты подвинулся к селению Будилову; гвардия и корпуса маршала Нея и вице-короля расположились впереди Бешенковичей, где Наполеон занял свою квартиру.

13 числа рано утром генерал Барклай де Толли отрядил к местечку Островне генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстова с 4-м пехотным корпусом, одной драгунской бри-

¹⁵ *Примечание переводчика.* Генерал-майору Тучкову 4-му приказано было остановиться в селе Таховке, имея посты в Сридневе, Бабиновичах и Любавичах.

гадой, лейб-гвардии Гусарским и Сумским гусарским полками и ротой конной артиллерии, дабы сколь можно долее задержать неприятельский авангард и через то дать время генералу Дохтурову присоединиться к армии. В 6 часов утра граф Остерман-Толстой встретил у корчмы Комары¹⁶ первые ведеты неприятельские, которые и были опрокинуты. Два эскадрона лейб-гусар с полуротой конной артиллерии, составлявшие авангард графа Остермана-Толстова, бросились преследовать их с излишней запальчивостью, почему, встретившись при местечке Островне с превосходными силами, прогнаны были к своей пехоте, оставив в руках неприятельских все шесть орудий. Граф Остерман-Толстой, узнав о сем беспорядке, отрядил вперед Сумской гусарский полк, который и успел удержать французов до прибытия своей пехоты. Российский генерал, подойдя за две версты к Островне, увидел перед собой главные силы корпуса генерала Нансути под личным предводительством короля Неаполитанского. Он тотчас построил 11-ю пехотную дивизию генерал-майора Чоглокова в развернутом боевом порядке по обе стороны большой дороги; 23-я пехотная дивизию генерал-майора Бахметева, построенная в батальонных колоннах, составила вторую линию. В сем порядке 4-й корпус приближался к Островне, к тому месту, где большая дорога круто поворачивает направо, и расположился между двумя лесами. Неприятель занимал высоты позади Островны, а между сим местечком и деревней Александровой поставил до 10 тысяч кавалерии с многочисленной артиллерией. Король Неаполитанский выслал вперед кирасирскую дивизию генерала Сент-Жерменя, построил ее побригадно для подкрепления легкой кавалерийской дивизии генерала Брюера, находившейся в первой линии. Тогда началась с обеих сторон весьма сильная канонада, и в то же время Ингерманландский драгунский полк, отряженный для взятия неприятеля во фланг, показался против оконечности его правого крыла, но Французская кавалерийская бригада, составлявшая сие крыло, сделав перемену фронта направо, атаковала российских драгун и, опрокинув их, взяла до 200 человек пленных. Почти в то же время генерал Орнано, с другой кавалерийской бригадой дивизии Брюера хотевший атаковать по большой дороге, отражен был огнем российской пехоты. Король Неаполитанский имел на левом фланге своем небольшой лес, куда и послал пехотный полк, при нем находившийся. Присмотрев такое движение, три батальона российских отделились от левого крыла в намерении атаковать сей полк, но неприятельская кавалерия, перед которой они должны были проходить, принудила их возвратиться в свою линию. Граф Остерман-Толстой надеялся еще принудить неприятеля к отступлению, обойдя его с правого фланга, и для того послал несколько батальонов через лес, находившийся у него в левой стороны. В то же время другие два батальона выступили из леса, на правом фланге лежащего, вероятно, в намерении развлечь внимание неприятеля, но сии последние батальоны были атакованы и опрокинуты полком польских улан. Два батальона, прежде прочих выступившие из левого леса, будучи атакованы неприятельской кавалерийской бригадой, претерпели ту же участь. Однако ж сия неудача не остановила бы движения россиян на сем крыле, если б неприятель не получил подкрепления.

¹⁶ *Примечание переводчика. В 12 верстах от Витебска.*

*А. И. Остерман-Толстой
(1771–1857)*

Вице-король Итальянский, имевший назначение поддерживать короля Неаполитанского, узнав, что он вступил в дело с россиянами, поспешил к нему на помощь. Пехотная дивизия генерала Дельзона, следовавшая впереди, по приходу к месту сражения тотчас послана была вдоль Двины, против правого крыла россиян.

Битва у Островно 25 июля 1812 г.

Граф Остерман-Толстой, имевший у себя около 11 000 человек, и без того уже несколько часов выдерживал бой против 9000 кавалерии и 2000 пехоты, находившихся под предводительством короля Неаполитанского; приметив движение дивизии Дельзона, он не счел за должное продолжать сражение против сил, которые через присоединение сего подкрепления сделались вдвое превосходнее его корпуса, а потому и отступил в хорошем порядке к опушке леса, лежащего верстах в трех от Островны. Король Неаполитанский занял квартиру свою в сем местечке. Вице-король с главными силами своего корпуса остался при селении Сорице.

В ночь с 13 на 14 июля генерал Барклай де Толли послал вперед генерал-лейтенанта Коновницына с 3-й пехотной дивизией и 1-м кавалерийским корпусом, дабы, притянув к себе

войска графа Остермана-Толстова, сменить его. Генерал Коновницын занял на рассвете позицию при корчме Печанке¹⁷.

Остерман-Толстой, отступив за него, стал при корчме Добрейке. 14 числа утром король Неаполитанский, получивший от Наполеона приказание сделать сильное обозрение, двинулся вперед с кавалерийским корпусом генерала Нансути и пехотной дивизией генерала Дельзона. В 10 часов пополудни прибыл он к позиции генерала Коновницына, который стоял позади глубокого оврага, имея на левом фланге своем весьма густой лес. Король тотчас приказал дивизии Дельзона атаковать его. Генерал Гюар с двумя полками¹⁸ пошел против правого фланга россиян, а генералу Русселю с 92-м полком и батальоном вольтижеров приказано было пробраться через большой лес в обход левого фланга их позиции. 106-й полк, поддерживаемый всей кавалерией генерала Нансути, за исключением одной бригады, посланной вдоль правого берега Двины, остался в резерве перед фронтом россиян. Генерал Гюар принудил податься назад батальоны, им атакованные, но правое крыло французов, остановленное затруднением вытеснить россиян из леса, не могло иметь таких быстрых успехов, как на левом фланге; пользуясь сим, генерал Коновницын обратил весь резерв свой к правому флангу. Генерал Гюар был окрылен, опрокинут и преследован российскими батальонами за овраг, но кавалерийская атака, сделанная по приказанию короля Неаполитанского, принудила их возвратиться в свою позицию. Наконец, генерал Руссель, овладев большим лесом, выступил из него в левый фланг россиян, и левое крыло французов, усиленное 106-м полком, опять начало одерживать поверхность. Тогда генерал Коновницын приказал отступать, что и произведено было в наилучшем порядке из одной позиции в другую, до деревни Комарки, при которой российский генерал устоял до 5 часов вечера. С отрядом от 8 до 9 тысяч пехоты и до 3000 кавалерии держался он целый день против неприятельского корпуса, состоявшего из 12 000 пехоты и более 7000 кавалерии. У Комарок присоединился к Коновницыну генерал-лейтенант Тучков 1-й, отряженный главнокомандующим на подкрепление к нему с 1-й гренадерской дивизией графа Строганова. Генерал Тучков как старший по службе принял начальство над всем корпусом и продолжил отступление.

Неприятельская кавалерия преследовала россиян до корчмы Добрейки, при которой генерал Тучков соединился с графом Остерманом-Толстым. Наполеон, лично прибывший к концу сражения, занял квартиру свою в деревне Куковяхах. Король Неаполитанский и вице-король ночевали у корчмы Добрейки.

Потеря россиян в обоих сражениях простиралась до 2500 человек, выбывших из строя. Между прочими 13 числа был убит генерал-майор Окулов. Со стороны французов также убит был генерал Руссель, урон их убитыми и ранеными долженствовал быть весьма значителен, и сверх того взято у них 300 человек пленных.

Поскольку бои, 13 и 14 июля происходившие, показали, что неприятель в больших силах находился в окрестностях местечка Островны, то генерал Барклай де Толли и рассудил, что не может уже произвести предположенного им движения к городу Орше, не подвергнув большой опасности своего правого фланга. С другой стороны, он не мог более отступать к Поречью или Суражу, не отказавшись совершенно от соединения с князем Багратионом, которому сам назначил направление к Орше. В такой крайности Барклай де Толли принял дерзостное намерение дать сражение, несмотря на чрезмерную малочисленность сил своих в сравнении с неприятельскими. В Российской армии считалось не более 82 тысяч человек под ружьем, между тем как в армии Наполеона, состоявшей из его гвардии, корпусов маршала Нея, вице-короля Итальянского, трех пехотных дивизий корпуса маршала Даву и резервных кавалерий-

¹⁷ Примечание переводчика. В 17 верстах от Витебска.

¹⁸ Примечание переводчика. С 8-м легким и 84-м линейным пехотными полками.

ских корпусов генералов Нансути и Монбрюна, было не менее 190 тысяч человек, даже и в том предположении, что она потеряла десятую часть своих людей после перехода через реку Неман.

Н. А. Тучков
(1765–1812)

Позиция, занятая Российской армией в ночь с 14 на 15 число, дабы принять сражение, простиралась вдоль правого берега речки Лучесы, почти параллельно с большой дорогой в Бабиновичи. Село Белево, занятое главной квартирой, находилось между линиями войск. Генерал-лейтенанты граф Остерман-Толстой и Коновницын в ту же ночь присоединились к армии. На смену их послан был на левый берег Лучесы новый арьергард, составленный из восьми батальонов пехоты, всей легкой регулярной кавалерии, бывшей при армии, и двух казачьих полков. Генерал-майор граф Пален 1-й, начальствовавший сим арьергардом, получил приказание наводить неприятеля на позицию, занимаемую армией.

Генерал Барклай де Толли сделал уже все распоряжения свои к сражению, как вдруг прибытие адъютанта от князя Багратиона переменяло его намерение. Князь писал, что не мог пробиться к Могилеву, он нашелся принужденным перейти Днепр, дабы взять направление к реке Сожи. Вследствие сего известия намерение дать сражение, принятое единственно с тем, чтобы не потерять сообщений своих со Второй армией, которую предполагали уже при Орше, было оставлено, и Барклай де Толли решился отступить к городу Поречью, дабы иметь всегда возможность предупредить неприятеля у Смоленска.

15 числа под вечер армия выступила тремя колоннами: правая под начальством генерала Дохтурова, из 5-го и 6-го пехотных корпусов составленная, направилась по дороге к местечку Лиозне и прибыла к деревне Кролиовой. В арьергарде за ней следовал 3-й кавалерийский корпус под начальством генерал-майора Шевича. Средняя колонна, состоявшая из 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, пошла к селу Веледичам, имея в арьергарде генерал-адъютанта барона Корфа со 2-м кавалерийским корпусом. Главная квартира также переведена была в Веледичи. Левая колонна из 2-го и 4-го пехотных корпусов следовала по большой дороге к селу Гапоновщине. Все сии движения, под вечер произведенные, прикрываемы были главным арьергардом генерал-майора графа Палена 1-го.

С самого утра граф Пален атакован был вице-королем Итальянским. Пехотная дивизия генерала Брусье, поддерживаемая кавалерийской дивизией генерала Брюера, составляла передовые войска неприятельского авангарда. Граф Пален отступал медленно, сильно оспаривая каждый шаг земли. Подходя к речке Лучесе, остановился он на позиции, протянувшись правым флангом к реке Двине, против Маркова монастыря, а левым упершись к лесу. Генерал Брусье

наступал на него, построив полки свои в двойное каре, расположенное уступами, однако ж не мог сбить его. Французский конноегерский полк, показавшийся на равнине против правого фланга россиян, опрокинут был лейб-гвардии казаками, быстро ударившими на него с помощью сумских гусар под покровительством огня скрытой батареи, позади нескольких зажженных домов расположенной. Сия батарея, поставленная на высоте возле большой дороги, была во фланг неприятельской кавалерии, вышедшей на луга, около Двины лежащие, и тем много способствовала успеху блистательных атак, произведенных кавалерией графа Палена.

Вице-король, видя, что генерал Брусье, несмотря на превосходство сил своих, не мог одолеть россиян, принужден был призвать еще пехотную дивизию генерала Дель-зона и приказал ей тянуться с правого своего фланга. Граф Пален, которому сей маневр угрожал обходом с левого фланга, отступил за Лучесу. Французская армия построилась на левом берегу сей речки. Пехотные корпуса маршала Нея и вице-короля составили первую линию; гвардия, три пехотные дивизии корпуса маршала Даву и кавалерийский корпус генерала Нансути, расположились во второй и третьей линиях. Кавалерийский корпус генерала Монбрюна находился на правом берегу Двины, близ Витебска.

16 июля Российская армия продолжала свое отступление. Левая колонна прибыла к местечку Яновичам, главнокомандующий со средней колонной – к местечку Колышкам, а правая колонна – к Лиозне¹⁹.

Необыкновенное искусство, с коим граф Пален накануне прикрывал отступление армии, позволило ей произвести сие движение в столь удивительном порядке, что французы, потеряв следы ее, несколько времени находились в совершенной неизвестности о направлении, взятом россиянами. Наполеон принужден был делать распоряжения свои наугад, в том предположении, что генерал Барклай де Толли не мог отступить иначе как к Смоленску, дабы стараться войти в соединение с князем Багратионом. Вследствие сего три пехотные дивизии корпуса маршала Даву получили приказание идти по дороге к Бабиновичам, на соединение с остатком своего корпуса. Корпус маршала Нея двинулся через Белиово к Веледичам. Наполеон с гвардией занял город Витебск. Король Неаполитанский с кавалерийскими корпусами генералов Нансути и Монбрюна и одним батальоном легкой пехоты преследовал арьергард графа Палена по большой дороге в Поречье. Корпус вице-короля Итальянского назначен был для поддержания короля Неаполитанского. Граф Пален, медленно и в наилучшем порядке отступавший из одной позиции в другую до Гапоновщины, скрыл при сем селении засаду, которая и успела совершенно разбить семь эскадронов, составлявших передовые войска неприятельского авангарда. Король Неаполитанский и вице-король остановились при Гапоновщине.

17 числа левая и средняя колонны Российской армии соединились при городе Поречье, в который переведена была и главная квартира. Генерал Дохтуров должен был идти туда же, но главнокомандующий, уведомившись, что неприятель обратил значащие силы к Смоленску, приказал Дохтурову следовать прямо к сему городу, дабы прикрыть сей пункт, тем важнейший, что потеря одного замедлила бы соединение обеих российских армий на неопределенное время. Вследствие сего Дохтуров перешел к местечку Рудне. Король Неаполитанский со своей кавалерией и пехотной дивизией генерала Брусье продолжал преследовать графа Палена по дороге к Поречью. Вице-король Итальянский с остатком своего корпуса прибыл в город Сураж. Поскольку неприятель сильно теснил графа Палена, то генерал Барклай де Толли и подкрепил его 2-м кавалерийским корпусом.

Город Смоленск, сделавшись целью, к коей стремились обе противодействующие стороны, занят был небольшим корпусом под начальством генерал-адъютанта барона Винцингероде, составленным из 17 батальонов и восьми эскадронов, взятых из рекрутских депо горо-

¹⁹ *Примечание переводчика.* Главный арьергард графа Палена отступил частью через Витебск и частью мимо сего города на Поречинскую дорогу вслед за левой колонной.

дов Белого, Вязьмы, Ельни и Рославля. Генерал Винцингероде отрядил от себя генерал-майора Оленина с авангардом из нескольких батальонов и 80 человек драгун на Оршанскую дорогу, к городу Красному и местечку Лядам, для наблюдения неприятельских отрядов, посланных маршалом Даву из Могилева к местечку Дубровне.

Мы оставили князя Багратиона еще в Несвиже, но уже решившегося продолжать отступление свое к Слуцку. 28 июня выступил 8-й пехотный корпус, на другой день следовал за ним князь Багратион с остатком своей армии и прибыл к местечку Тимковичам. 30-го перешел он к местечку Романову, а 1 июля прибыл в город Слуцк. Того ж дня король Вестфальский пришел в Несвиж, авангард его под начальством генерала Латур-Мобурга в продолжение трех дней следовал за генералом Платовым, ничего не предпринимая. Наконец, 2 июля генерал Латур-Мобург с кавалерийским корпусом своим подвинулся к местечку Романову, занятому арьергардом генерала Платова. Польский 1-й конноегерский полк, составлявший голову неприятельской колонны, завязав дело с излишней отважностью, был окружен казаками и побит наголову. Остатки его спаслись не иначе, как собравшись под защитой полков, следовавших за ним. Генерал Платов, видя против себя превосходные силы, отступил за мост при Романове и расположился за болотистой речкой Морочью. Латур-Мобург, желая выбить его из сей позиции, покусился было перевести через речку свою кавалерию, но один польский полк, первый бросившийся на мост, встречен был столь искусно направленным пушечным огнем, что принужден был возвратиться назад. Латур-Мобург, по неимению у себя пехоты, не мог начать настоящего дела, почему и отступил к главным силам своей армии, потеряв более 300 человек, взятых в плен казаками.

Князь Багратион получил в Слуцке известие, что неприятельский отряд, пришедший из Минска, появился уже в местечке Свислочи на реке Березине, в 40 верстах выше Бобруйской крепости, между тем как его армии оставалось еще пройти более 120 верст от Слуцка до Бобруйска. Поэтому с довольною вероятностью можно было заключить, что маршал Даву успеет отрезать россиян от помянутой крепости и от реки Березины, но как это был единственный путь отступления, оставшийся князю Багратиону, то он и решился открыть себе оный во что бы ни стало. Армия разделена была надвое: генерал-лейтенант Раевский с 7-м пехотным корпусом и несколькими казачьими и кавалерийскими полками пошел вперед, дабы атаковать неприятеля, если встретить его до прихода своего в Бобруйск, а как надлежало открывать себе путь оружием, то ему и предписано было учинять нападение, несмотря ни на число неприятеля, ни на твердость позиции, которую он занимать мог. Сам князь Багратион с 8-м пехотным корпусом и 2-й кирасирской дивизией остался для поддержания арьергарда генерала Платова против нападений короля Вестфальского. Генерал Раевский, выступив 2 июля, прибыл к селению Верхутину на реке Оросе, а 3 числа перешел к местечку Глуску. Того ж дня князь Багратион, оставив Слуцк, прибыл к местечку Уречью; 4-го подвинулся он к Глуску, а 5-го – к селению Горбачевичам. 6 числа вся Вторая армия расположилась на биваках под пушками Бобруйска, не встретив на пути к сей крепости никакого препятствия.

Маршал Понятовский (1763–1813)

Неприятель следовал за арьергардом только до местечка Уречья, а оттуда взял другое направление. Наполеон, недовольный слабым преследованием своего брата, отрек от предводительства армией и отдал корпуса генералов Жюно и Понятовского, равно и кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга, под начальство маршала Даву, который и вознамерился притянуть их к себе. Два последних корпуса пошли через город Игумен к Могилеву, а корпус генерала Жюно следовал по большой дороге из Несвижа в Минск и далее к Орше. Корпус саксонских войск генерала Ренье назначен был на смену Австрийского корпуса князя Шварценберга против армии генерала Тормасова, вследствие чего Ренье, повернув назад к городу Слониму, прибыл туда 7 июля.

Маршал Даву по приходу в Минск 26 июня отрядил к городу Игумену кавалерийскую бригаду генерала Пажоля, который, прибыв туда 30 числа, немедленно послал партии к местечку Свислочи. Сам маршал Даву выступил из Минска 1 июля, оставив в этом городе для гарнизона один полк от пехотной дивизии генерала Дессе, и 3 числа прибыл в Игумен. Того ж

дня генерал Груши со своим кавалерийским корпусом занял предмостное укрепление у города Борисова.

Российский полковник Грессер, находившийся в Борисове с тремя резервными батальонами, столь неполными, что в отряде его едва ли находилось 400 человек, оставил свой пост по приближении неприятеля и отступил к Могилеву. Генерал Груши перешел реку Березину в Борисове, а 6 июля прибыл к местечку Коханову, откуда через города Сенно и Бабиновичи присоединился к Главной Французской армии; то же самое учинила и кавалерийская бригада генерала Кольбера, которая, составляя его авангард, дошла уже до города Орши. Но кавалерийская дивизия генерала Шастеля от корпуса Груши осталась при маршале Даву и последовала за ним к Могилеву.

Маршал Даву равномерно перешел реку Березину 4 числа в местечке Нижней Березине в направлении к Могилеву. В сем обстоятельстве Бобруйская крепость весьма полезна была для армии князя Багратиона. Если бы она не существовала, то маршал Даву наверное обратился бы от Игумена к Бобруйску, от которого находился на таком же расстоянии, как и Вторая российская армия, и тогда он пришел бы в состояние или совсем воспретить князю Багратиону переход через реку Березину, или с выгодой сражаться с ним на переправе.

5 числа маршал Даву прибыл к местечку Головчину, а 8-го – в Могилев. Генерал Пажоль со своей легкой кавалерийской бригадой, одним полком от бригады генерала Бордесульта и одним пехотным полком от дивизии генерала Компана оставлен был на реке Березине, дабы обезопасить от покушений Бобруйского гарнизона главное депо, учреждаемое французами в городе Минске.

Князь Багратион, известившись, что маршал Даву шел прямо к Могилеву, решился также следовать к сему городу в надежде предупредить еще в нем неприятеля. 7 июля генерал Платов с казаками и отрядом генерал-майора Дорохова выступил из Бобруйска. Того ж дня последовали за ним кавалерийский авангард под начальством генерал-майора графа Сиверса и 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского. На другой день выступил 8-й пехотный корпус и вслед за ним арьергард под начальством генерал-майора графа Воронцова, составленный из сводной гренадерской дивизии, 5-го егерского полка и Харьковского драгунского. 9 числа Платов прибыл к Воркалабову, а Раевский – к Старому Быхову. Остаток армии пришел к Старому Быхову 10 июля. Князь Багратион при выходе из Бобруйска увел с собой шесть резервных батальонов, так что в сей крепости осталось только 12 батальонов, в числе 5000 человек, и сотня казаков. Генерал-майор Запольский, на время начальствовавший корпусом войск, расположенным при городе Мозыре и также находившимся под начальством князя Багратиона, получил приказание держаться на своем посту, дабы прикрывать сообщение Третьей армии генерала Тормасова с городом Киевом. От сего генерала должен был он получать направление дальнейших действий своих.

Как ни спешила походом Вторая армия, однако ж не могла предупредить маршала Даву в Могилеве. 9 июля полковник Сысоев со своими казаками, составлявшими авангард генерала Раевского, встретился с тремя российскими батальонами полковника Грессера, вышедшими из Могилева и преследуемыми одним французским конноегерским полком. Сысоев, приняв к себе сии батальоны, напал на французский полк с таким успехом, что взял более 200 человек пленных и прогнал его за пять верст до Могилева, но здесь остановлен был неприятельской пехотой с шестью пушками, что и принудило его отступить на три версты. Князь Багратион, будучи предупрежден неприятелем, вознамерился испытать, не успеет ли силой пробиться к Могилеву. Он счел за долг сделать сие в той уверенности, что для него уже невозможно было достигнуть Смоленска без сражения. В самом деле, взяв еще правее, он должен был ожидать, что французы предупредят его при Мстиславле, точно как предупредили у Могилева, ибо расстояние между этими двумя городами вполтину короче той дороги, по которой князь Багра-

тион должен был следовать от Старого Быхова через местечко Пропойск к Мстиславлю, следовательно, и у Мстиславля также пришлось бы сражаться. Но под

Могилевом сие можно было учинить тем с меньшей опасностью, что отступление к Новому Быхову было свободно и в случае неудачи можно было взять по нужде ту же дорогу к Мстиславлю через Пропойск.

10 июля генерал Раевский подвинулся к Дашковке. Он имел приказание атаковать неприятеля везде, где бы ни встретил его, и овладеть Могилевом. Маршал Даву, ожидая на себя нападения, занял позицию при деревне Салтановке и сделал распоряжения свои в обороне: мост при Салтановке был завален и прорублены ружейные бойницы в стенах корчмы, лежащей на левом берегу оврага, прикрывавшего всю линию французов; мост при мельнице Фатовой был сломан, и в соседних домах также проделаны бойницы; три батальона поставлены были при Салтановке; один батальон – при Фатовой, имея за собой в подкреплении пять других батальонов; четыре батальона находились между Фатовой и деревней Сельцем; а при овраге, впереди сей последней деревни находящемся, поставлены были еще два батальона. Вся кавалерия, состоявшая из кирасирской дивизии генерала Баланса, легкой кавалерийской дивизии генерала Шастеля и одного конноегерского полка от бригады генерала Бордесульта, находилась в резерве позади правого крыла за деревней Сельцем, по дороге, ведущей из нее в местечко Старые Буиничи. Пять батальонов поставлены были еще правее, при деревне Застенке, и наконец, последние пять батальонов находились перед Могилевом²⁰.

Маршал Даву принял столь большие предосторожности на правом крыле своем из опасения, дабы оно не было атаковано и сбито, ибо засим неминуемо последовала бы совершенная гибель его центра и левого крыла, которые тогда были бы отрезаны от Могилева и приперты к реке Днепру. С сими войсками, число коих могло простираться до 28 000 человек, маршал Даву приготовился выдержать нападение генерала Раевского, имевшего под начальством своим не более 20 000 человек²¹, к тому ж твердость позиции, занимаемой неприятелем, утроившая его силы, должна была сделать тщетными все покушения россиян. Маршал Даву ожидал еще к себе на подкрепление отряд генерала Пажоля и Польский легион Вислы, следовавший из Испании, однако ж сии войска присоединились к нему уже после сражения.

11 июля на рассвете генерал-лейтенант Раевский выступил от Дашковки к Могилеву, опрокидывая и гоня перед собой легкие войска неприятельские, на пути им встреченные. В 8 часов пополудни прибыл он к Салтановке и тотчас приказал 12-й пехотной дивизии генерал-майора Колюбакина атаковать мост. Леса, окружающие деревню Салтановку, не позволяли подойти к этому мосту иначе как по большой дороге, вдоль по которой была неприятельская батарея. Несмотря на то, россияне двинулись вперед с удивительной твердостью, но, будучи осыпaeмы тучей пуль и картечей неприятельских, никоим образом не могли овладеть мостом. Генерал Раевский в надежде найти менее препятствий, потянувшись влево, приказал 26-й пехотной дивизии генерал-майора Паскевича идти через лес к Фатовой. Французский батальон, занимавший сию деревню, выбит был из домов, на правом берегу ручья лежащих, и генерал Паскевич, пользуясь сей поверхностью, перешел овраг под покровительством батареи о 12 орудиях, поставленной им на высотах правого берега. Французы начали уступать, но коль скоро два их батальона из числа четырех, между деревнями Сельцем и Фатовой расположенных, пришли на помощь к шести батальонам, находившимся уже при Фатовой, то россияне прогнаны были за овраг. Французский полковник Ашард, преследуя россиян с двумя батальонами, равномерно перешел через оный, однако ж, в свою очередь, был опрокинут, и россияне, овладев мельницей Фатовой, удержались в ней, несмотря на многократно повторяемые непри-

²⁰ *Примечание переводчика.* Пехота маршала Даву состояла из двух полков дивизии Дессе и трех полков дивизии Компана, в коих было 25 батальонов; кавалерия же его состояла из 48 эскадронов.

²¹ Под начальством генерал-лейтенанта Раевского находились 22 батальона пехоты, 24 эскадрона кавалерии и четыре казачьих полка.

ятелем покушения вытеснить их оттуда. Между тем часть российских стрелков, потянувшись влево, подошла под самую деревню Селец, но была отражена двумя батальонами, защищавшими сей пост. Поскольку направление атаки, производимой россиянами, показало маршалу Даву, что ему нечего опасаться обхода со стороны его правого фланга, то он и притянул к себе пять батальонов, составлявших крайний уступ правого фланга при деревне Застенке, равно и другие пять батальонов, которые стояли у него в резерве под Могилевом. Все сии десять батальонов посланы были к Салтановке, где россияне возобновили свои нападения со столь же малым успехом, как и в первый раз. Генерал-лейтенант Раевский и генерал-адъютант Васильчиков, спешившись, сами подавали пример, едучи впереди колонны! Войска, возбужденные их присутствием, делали новые усилия, чтобы перейти теснину, но тщетно, ибо оные постоянно уничтожаемы были поверхностью, доставляемой неприятелю выгодами позиции, им занимаемой, и российские полки, принужденные остановиться на краю оврага, выдерживали самый жестокий огонь, ни на шаг не отступая. Сильный пушечный и ружейный огонь с обеих сторон продолжался до 4 часов пополудни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.